

СОБИРАЯ ВОЕДИНО

[HTTP://UK.COM/HUSHRUSSIA](http://uk.com/hushrussia)

роман

КАПИЯРИД

«Непредсказуемая, захватывающая и действительно невероятная книга»

— Автор бестселлеров по версии *New York Times* КЭТИ ЗВАНС

Задержи дыхание и сосчитай до десяти. Все закончится раньше, чем начнется.

Не важно, как часто Виктория Донован повторяет эту фразу, она по-прежнему в ловушке в стенах психиатрической больницы. Когда-то ее жизнь была похожа на сказку: знакомство с красавцем Уэсом, который стал ее женихом, последовавшая затем сказочная свадьба и домик за белым забором. Но потом идеальная картинка брака превратилась в нечто зловещее. И мир Виктории из мечты превратился в ночной кошмар: навязчивые идеи мужа толкнули ее за грань.

Сначала кажется, что институт психического здоровья Фэйрфакс — безопасное место, в котором Виктория и ее ребенок Эвелин могут исцелиться, а заодно спрятаться от Уэса, которого все кроме Виктории считают мертвым. У нее нет сомнений, что ее муж жив: по ночам он проскальзывает в ее комнату, чтобы мучить и соблазнять ее. Один пламенный поцелуй, и она бессильна перед ним. Конечно, никто не верит в эти посещения. Поэтому когда она встречает сексуального, таинственного незнакомца, который намерен помочь ей вспомнить прошлое, Виктория не уверена, что может доверять ему. Но в глубине души, она знает, что единственный способ выйти из Фэйрфакс, это вспомнить, как она туда попала.

Калия Рид

Собирая воедино

ПРОЛОГ

Уэсли

Октябрь 2014

Любовь таит в себе так много секретов.

Как она нанесет удар.

Когда атакует.

Где это произойдет.

Мы — ее марионетки — бродим по этому миру, не зная, что она может напасть в любой момент.

Не пытайтесь планировать. Будете вы сопротивляться или отдадитесь ей добровольно, любовь поглотит вас и когда это случится, вы больше никогда не будете свободны.

Я уставился на вентилятор, медленно крутившийся над головой. Пора собираться на работу. Я знал это. Но мой разум хотел еще немного побродить по закоулкам памяти. Мне не хотелось погружаться в прошлое, и я отвернулся, что было глупой ошибкой, ведь несмотря на то, что кровать была пуста, я видел на ней силуэт жены.

Она спокойно спит. Покрывало прикрывает ее плечи. Кончики ресниц касаются щек. Одна рука касается лба, другая свисает с кровати.

В тот момент, когда я встретил Викторию, мне следовало догадаться, что я обречен. Следовало обратить внимание. Прочувствовать дуновение ветра на шее и мурашки, пробежавшие по телу. Но я не обратил.

Поэтому упал.

Больно упал.

Можно сказать, что наша любовь была нереальной.

Все в Виктории было загадочным, но тем не менее привлекательным. У нее была мечтательная улыбка, в губах крылось обещание чего-то хорошего. В одной ладони она хранила секреты, а в другой мечты. И взглядом она предлагала мне выбрать либо то, либо другое.

Проигнорировав и секреты, и мечты, я отправился завоевывать ее сердце.

Затем она стала моей женой.

Откинув одеяло, я встал с кровати и подошел к окну. Рывком поднял жалюзи. Облака заслонили солнце. Опустился густой туман, окутав все вокруг белым одеялом. Я скрестил руки, размышляя о том, что туман очень схож с моей женой. Она укутала меня собой, заслонив все, чтобы я не смог ничего увидеть. Я мог бы дотянуться до нее, но она оказалась таким человеком, до которого я был не в состоянии дотянуться.

Никакого пения птиц. Ни звука закрываемых дверей или заводящихся машин. Весь мир погрузился в тишину, затаив дыхание, ожидая увидеть, как все закончится у нас с Викторией.

Я неохотно отошел от окна и вернулся к нормальной жизни. Принял душ. Побрился. Одедся.

Если бы Виктория была здесь, то спала бы все это время.

Я взглянул на часы. Мне так много хотелось ей сказать. Но наше время истекло.

На телефоне высветилась сегодняшняя дата. Я ощутил горький привкус во рту. Я написал ей сообщение. Никогда не хотел, чтобы все пришло к этому. Но Виктория не оставила мне другого выхода.

И не успев все дважды обдумать, я нажал «ОТПРАВИТЬ», зная, что никогда не смогу отменить это решение, не важно как сильно бы я не старался.

По пути к двери, я схватил сумку. Запнулся, когда увидел пустую кровать. То, что Виктории тут нет, кажется таким неправильным, практически криминальным.

Если бы она была здесь, я бы склонился и поцеловал ее в лоб. Сказал бы, что люблю и что мне пора. Она бы ничего не сказала, но ее плечи бы напряглись, и я бы знал, что она услышала меня.

Затем я бы вышел из комнаты. У двери я бы обернулся через плечо и посмотрел на ее тело в последний раз, зная, что никогда не пойму свою жену и как устроен ее мозг.

ГЛАВА 1

Ноябрь 2015

— Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять.

Я резко поворачиваюсь и иду в другую сторону комнаты, продолжая считать шаги. Ноги начинают болеть; вообще здесь я не ношу туфли на каблуках. Но ради него я надела их.

Он скоро будет здесь. Он приходит практически каждый вечер, но сегодняшний вечер отличается тем, что я попросила его помочь мне.

Полчаса назад я начала собираться. Надела свое любимое платье. Простое черное, обтягивающее. Оно и его любимое тоже. Я причесывала волосы до тех пор, пока они не начали идеально спадать на плечи. После нанесла помаду на губы и сбрызнула духами оба запястья.

Поднявшись в свою комнату, разгладила края белого одеяла. Сняла покрывало Эвелин и повесила его на спинку кресла-качалки в углу.

Я прекращаю расхаживать по комнате, чтобы заглянуть в кроватку Эвелин. Ее голубые глаза встречаются с моими. Она счастливо агукает и машет ножками. У нее такая неподдельная, чистая и искренняя улыбка. Все в моей жизни кажется погруженным в туман, из которого невозможно выбраться, но не Эвелин.

Очень нежно я касаюсь ее щеки и приглаживаю торчащую прядку ее светло-русых волос.

— Я собираюсь вытащить нас отсюда. Хорошо?

Она широко улыбается, словно понимает о чем я веду речь. Я накрываю дочку одеялом и целую в лобик. Через несколько минут она засыпает.

Кто-то громко стучит в дверь. Она со скрипом распахивается и в комнату входит Кэйт — ночная медсестра. Ей около тридцати, волосы всегда собраны в конский хвост, никакого макияжа. Она — мать троих детей. Каждый раз, когда я вижу ее, она выглядит растерянной и утомленной. Слово «Фэйрфакс» последнее место, где ей хочется быть.

Но Кэйт неплохая. В этом месте есть медсестры и похуже Кэйт.

— Отбой, — громко сообщает она.

Глазки Эвелин распахиваются и тут же снова закрываются. Я испепеляю Кэйт взглядом.

— Зачем ты нарядилась? — спрашивает она.

— Без разницы.

Кэйт щурится.

— Отлично. Мне без разницы. Я плохо себя чувствую и у меня заболел ребенок.

Можешь устроить гулянку хоть на всю ночь, мне все равно.

— Если ты больна, то зачем пришла на работу? Ты же можешь заразить мою дочь, — возмущаюсь я.

Кэйт вздыхает.

— Нам бы этого не хотелось, не так ли? — И она протягивает мне пластиковый стаканчик с цветными таблетками.

— Вот.

Не говоря ни слова, я беру стаканчик и проглатываю все таблетки. Затем открываю рот и демонстрирую ей язык. Кэйт даже толком не смотрит. Она забирает у меня стаканчик и уносит его в ванную.

— Тебе пора в постель, — уходя, бросает она через плечо.

Я пользуюсь этой возможностью и выплевываю таблетки. Я перестала принимать их месяц назад. Все три года, что я провела здесь, я постоянно их принимала. Никогда не спрашивала от чего они. Они делали свою работу. Из-за них я впадала в блаженное неведение о мире вокруг меня. Они стирали все вопросы, которые прятались в уголках моего разума, размывали границы дней.

Но с недавних пор вопросы стали звучать громче. Так громко, что даже лекарства не в состоянии их заглушить. Очень скоро мое тело стало вялым, движения начали напоминать движения робота. Все это время в моей голове велась изнурительная война.

Поэтому я перестала принимать их, решив, что вопросы просто испарятся.

Но это наоборот все ухудшило. Теперь вопросы сопровождаются маленькими проблесками памяти. Я осознаю, что в моей жизни так много всего, о чем я не помню. Конечно же, я кое-что помню, но преимущественно это воспоминания из детства. Семья. Подростковые годы. Колледж. Выпускной. Первая работа медсестрой.

Но с того момента, как я стала Викторией Донован — все помутнело. Определенный период моей жизни, будто бы находится за оградой, и я понятия не имею как ее обойти.

И я думаю... нет, я знаю, что существует только один человек в мире, который может помочь мне с этим — это он.

— Ты слышала меня? — Кэйт застыла в дверях. — Тебе пора в кровать.

— Я не могу. Я...

— Я знаю. У тебя свидание, — перебила меня Кэйт, — Бла, бла, бла. Через час приду проверю тебя.

Шансы на то, что она придет позже, очень малы, но я киваю и улыбаюсь, чтобы она поскорее вышла из комнаты.

Но, когда она разворачивается, чтобы уйти, я окликаю ее.

— Кэйт? — медсестра оборачивается.

— Можешь ли ты в следующий раз входить потише? Я пытаюсь уложить свою дочь спать.

Кэйт закатывает глаза.

— Конечно, Виктория.

Через секунду после того, как за ней закрывается дверь, я отодвигаю кровать от стены и запихиваю таблетки в маленькую щелочку в стене. Она не больше, чем кончик ластика. Я случайно обнаружила ее, когда уронила лист бумаги за кровать. Много раз я думала о том, как она там оказалась. Мне нравится думать, что другой пациент проделал эту дырку в стене, чтобы также запихивать туда лекарства.

Я сажусь на самый краешек кровати, каблуки туфель впиваются в линолеум. Часы медленно тикают, поддразнивая меня тем временем, которое я теряю.

Он придет с минуту на минуту. Конечно, он придет.

Снова и снова я напоминаю себе, что должна твердо стоять на своем и не доверять его словам. Если я буду соблюдать эти два правила, он не сможет обольстить меня.

Несмотря на то, что я оживаю только тогда, когда он рядом.

Кожу покалывает.

Сердце бешено стучит.

Но не все его визиты так прекрасны. Порой он обнажает темную сторону своего сердца и мучает меня понимающей улыбкой и загадочными фразами.

Чтобы было проще понять, у него есть дурная черта, которую я просто не могу изменить. Она заключается в том, что все вокруг меня думают, что его не существует.

— *Ваш муж мертв...* — слова моего доктора всплывают в голове.

Я сжимаю живот и сгибаюсь, напоминая себе, что нужно дышать.

Они ошибаются.

Он не мертв. Это ложь.

Он реален. Моя реакция тому доказательство. Но никто здесь не верит мне. Не важно сколько раз я им это твердила.

Я резко встаю и начинаю ходить по комнате. Каблуки стучат по полу. Я считаю шаги до двадцати пяти, затем начинаю заново.

Веки тяжелеют.

Он скоро будет здесь, и я докажу им. Одна из медсестер поймает его, и они отпустят меня.

Потому что они увидят, что я не сумасшедшая.

Правильно?

Я сажусь на кровать и как одержимая смотрю на часы. Время идет.

10:45

10:46

10:47

Веки наливаются свинцом. Я сдаюсь и позволяю изнеможению взять надо мной верх.

Дверь тихо открывается.

Подняв голову, вижу, как он заходит в мою комнату. Я медленно улыбаюсь. Не знаю, сколько времени прошло. Может быть несколько часов.

Может быть несколько минут.

Все, что важно сейчас, это то, что он здесь. Он всегда управляет любой комнатой, в которую входит. Его полуулыбка так отлично отражает то, что он знает, какой эффект оказывает на людей.

Я встаю и следую за ним взглядом. Руками терблю подол платья.

Он не изменился, и я уверена, что никогда и не изменится. Светлые волосы коротко подстрижены, лицо гладко выбрито. Ох уж эти строгие карие глаза.

Хотя весь свет выключен, жалюзи открыты, и они пропускают лучи серебристого цвета. Они падают ему на лицо, делая его похожим на привидение.

Если бы не морщинки вокруг глаз, я бы подумала, что время безвластно над ним. Он всегда в одной и той же одежде: белая футболка, джинсы и коричневое пальто. Не важно

какая температура на улице. Его образ никогда не меняется.

— Скучала по мне, Виктория?

Мои воспоминания могут появляться и пропадать, но его голос и присутствие невозможно забыть. Яркие сцены всплывают перед глазами. Туман медленно исчезает. Я думаю, что сейчас увижу правду, но затем все превращается словно в старый кинофильм. Все мерцает. Мой разум напрягается, стараясь задержать воспоминания, но появляются черные пятна, которые становятся все больше и больше, пока не остается ничего, кроме тьмы.

Он снова повторяет свой вопрос. В этот раз, сквозь его слова проскальзывает нетерпение.

Я сопротивляюсь. Думаю, что не важно какой реакции он ожидает от меня, мое сердце и разум всегда будут воевать друг с другом. В одно мгновение, мне хочется обнять его и умолять не покидать меня, на следующее я борюсь с желанием бежать от него так быстро, как только смогу.

— Да, — наконец-то отвечаю я.

Я моргаю, и он уже стоит передо мной. Я стою прямо. Он так близко, что я чувствую запах его одеколona. Борюсь с желанием прижаться к его шее.

— Я тоже по тебе скучал, — говорит он.

Его пальцы скользят по моим рукам и обхватывают запястья. Одним движением он притягивает меня к себе. Его палец вычерчивает спирали на моей шее. Атмосфера накаляется. Он придвигается ближе ко мне. Наши губы на расстоянии дюйма и я знаю, что либо сейчас, либо никогда. Не существует приемлемого вступления для того, что я собираюсь сказать.

— Я покидаю «Фэйрфакс».

Слова вылетают наружу. Его пальцы чуть сильнее сжимают мою шею.

Высказывание подобно этому должно нести за собой энтузиазм и счастье. Уэс никак не реагирует. Он просто улыбается своей уверенной улыбкой, словно знает, что я никуда не собираюсь.

— Почему ты хочешь уйти? Фэйрфакс — твой дом.

— Больше нет.

Положив руки ему на грудь, я нежно отталкиваю его.

— Они должны увидеть тебя. Они должны знать, что ты не мертв. Ты должен помочь мне.

Я опускаю взгляд на свои руки, и вижу, что ладони сжались в кулаки, крепко вцепившись в ткань его футболки.

Уэс убирает мои руки и отходит.

— Я не могу помочь тебе.

— Нет, можешь.

Сердце стучит как барабан. Я преодолела первое препятствие, и сейчас не могу сдатьсья.

— Я знаю, что можешь. Мы с Эвелин больше не принадлежим этому месту.

Уэс даже не смотрит на Эвелин. Он сжимает губы, пока потирает шею.

— Ты действительно думаешь, что если доктора увидят меня, то отпустят тебя?

— Это докажет, что я не вру.

— Виктория, ты сама сюда пришла.

— Нет... — резко говорю я. Мне хочется отрицать его слова, но когда я рыскаю по своей памяти, я не могу вспомнить день, когда прибыла в «Фэйрфакс». Нет ничего кроме

тьмы. Как всегда.

— Ты кому-нибудь еще говорила об этом? — резко спрашивает Уэс.

Я задумчиво смотрю на него.

— Нет.

— Хорошо. Они тебе не помогут, — его голос звучит прямо и строго, не оставляя места для возражений.

— Тогда кто поможет? — шепчу я.

Он грустно улыбается.

— Никто.

У Уэса есть ответы на вопрос почему я здесь. Я вижу это по его глазам. Если у меня получится разговорить его, хоть немножко, уверена, что смогу узнать хотя бы часть правды.

Он обнимает меня за талию.

— Просто оставайся здесь, — шепчет он мне в волосы.

Он прикоснется к тебе, и ты все забудешь, шепчет мне мой разум. *Не поддавайся.*

Поначалу я держусь. Но один поцелуй перерастает в два. Затем в три. После четвертого поцелуя, я сдаюсь. Все вопросы, которые мне хотелось ему задать, улетают все дальше и дальше, пока не становятся совсем размытыми.

— Ты же вытащишь меня отсюда, — шепчу я.

Он так сильно сжимает меня, что я едва могу дышать. Я падаю на кровать, он падает на меня. Его тело вдавливают меня в матрас, пока он намеренно меня целует. Я пытаюсь все замедлить, но это бесполезно. Он сильно прикусывает мою нижнюю губу, так что из нее начинает течь кровь. На секунду я чувствую боль. Он отодвигается на дюйм, нежно вытирая большим пальцем кровь с губы.

В горле пересыхает, когда лицо надо мной начинает меняться.

Медленное преобразование.

Начиная с корней, его короткие золотые волосы темнеют. Они становятся длиннее, пока не обвивают мои пальцы.

Гладкую кожу заменяет черная щетина, которая царапает ладони. Очень медленно Уэс поднимает голову. Карие глаза превращаются в янтарные.

Плечи становятся шире.

Его хватка слабеет, руки путешествуют по телу, остановившись на талии. Его прикосновения кажутся обнадеживающими, практически защищающими. Он улыбается, словно готов подарить мне весь мир, если я попрошу. Я чувствую себя расслабленно.

Нет, нет, нет. Это все неправильно. Я быстро моргаю, надеясь, что вернется прежний Уэс. Но лицо не меняется. Обнимающий меня мужчина, кажется темным и опасным, словно падший ангел.

— Что случилось? — спрашивает он.

Голос глубокий. От него по коже бегут мурашки. Я смотрю на лицо незнакомца в полном изумлении.

Я крепко зажмуриваюсь, убеждая себя, что это была просто галлюцинация. Когда я открываю глаза, я снова смотрю на лицо Уэса.

Лишь на мгновение я испытываю облегчение. У меня нет ни малейшего понятия, что только что произошло.

Он ухмыляется.

— Ты дрожишь. Что случилось?

Я глубоко вздыхаю.

— Ничего.

Уэс слезает с меня. Наши тела разъединены лишь на мгновение, потому что он снова обнимает меня рукой.

— Тебе нужно поспать.

Все что я могу видеть, это янтарные глаза.

— Нет.

— Просто попробуй.

Он переплетает наши пальцы. Комната погружается в тишину, но успокоиться не выходит. Меня охватывает отчаяние. Завтра я проснусь и все еще буду здесь. И на следующий день. Пока я что-нибудь не предприму, это так и будет продолжаться.

Но конец уже близок. Издали доносится слабое тиканье часов, отсчитывающих драгоценные секунды. А у меня нет ни малейшего понятия, как вырваться из этой западни.

— Помоги мне выбраться отсюда, — я громко сглатываю. — Пожалуйста.

Он убирает мои волосы назад и мягко произносит:

— Я люблю тебя. Ты же знаешь. Но помочь тебе не могу.

Но помочь тебе не могу...

Кажется, что мое сердце разбилось напополам. Если любишь кого-то, не должна ли его или ее боль быть вашей и наоборот? Не следует делать все, что в твоих силах, чтобы помочь своей половинке?

Уэс убирает руки с моей талии, и я делаю глубокий вдох. Я слышу шепот голосов и готовлю себя к тому, что сейчас произойдет. Голоса перерастают в крик, и я едва могу разобрать, что они говорят.

Все что я слышу это: «*Помочь тебе не могу*».

В ушах начинает звенеть.

Я закрываю уши и зажмуриваюсь.

Матрас слегка прогибается, словно он принял сидячее положение. Спину овеивает холодный воздух.

— Останься, — шепчу я в подушку.

Уэс не отвечает. Бесполезно оборачиваться; я знаю, что он ушел.

Голоса становятся такими громкими, что в ушах начинает стучать. Они такие громкие, словно пытаются вырваться на волю из моей головы.

Я закрываю глаза и с губ срывается стон. Начинаю осознавать, что есть в этом месте что-то такое, от чего люди начинают чувствовать себя бесполезными. Оно крадет твою душу и личность.

Мне хочется сказать об этом ему, но когда я оборачиваюсь, рядом никого нет.

Но он вернется. Он никогда надолго не оставляет меня одну.

Существует большая вероятность того, что я схожу с ума. Но куда более вероятно то, что если я не утихомирю голоса, они станут еще громче и поглотят меня целиком.

Меня охватывает паника. Мои глаза закрыты, но голоса продолжают набирать силу. Среди них есть один — самый громкий — который кричит на меня. Он прорывается сквозь барьер. Слова окутывают мое сердце. Они быстро и правильно делают свою работу, и я чувствую, как страх рассеивается.

Я лежу и тихонько шепчу в подушку: «*Задержи дыхание и сосчитай до десяти. Все закончится, не успев начаться... Задержи дыхание и сосчитай до десяти. Все закончится,*

не успев начаться, удержи дыхание и сосчитай до десяти. Все закончится, не успев начаться...»

ГЛАВА 2

— Виктория...

Кто-то сильно трясет меня за плечо. Я распахиваю глаза и вижу пару холодных зеленых глаз.

Элис, дневная медсестра, отдергивает руку, словно я грязная.

— Пора вставать.

Элис — худшая из всех медсестер Фэйрфакса. С первого дня она следит за мной. У нее просто напросто отсутствуют какие-либо эмоции. Удивляюсь, как она продержалась здесь так долго.

— Ты проспала завтрак, — говорит она практически торжествующим тоном.

Я мгновенно сажусь и потираю глаза. Я никогда не просыпаю. Никогда. Мне нравится просыпаться и одеваться прежде, чем медсестры начнут утренний обход.

— Вы не постучались ко мне.

Элис смотрит на меня с едва скрываемым отвращением.

— Я стучала. Ты не ответила.

Я прищуриваюсь.

Лгунья.

У Элис есть всего один тип интонации — покровительственная — и набор из трех выражений лица: злость, отвращение, презрение. Большинство пациентов она лечит с враждебностью, но, клянусь, она мечтает унижить меня. Возможно, я самый безобидный пациент здесь, но по взглядам, которые она на меня бросает, так не скажешь.

Я не доверяю тебе, шепчут ее пустые зеленые глаза, держись от меня подальше.

— Между прочим, ты находишься здесь достаточно давно, чтобы знать, во сколько завтрак, — продолжает она.

Мне протягивают еще один стаканчик. Утром нужно выпивать только одну таблетку, но Элис проверяет лучше, чем Кэйт. Она аккуратно заглядывает мне в рот, поворачивая мою челюсть налево и направо, словно я кукла.

Еще секунда и я бы подавилась таблеткой, когда она наконец-то отходит. Ее взгляд быстро перемещается к кровати Эвелин.

— Одевайся. Я вернусь через несколько минут.

Как только она выходит, я слышу ее бормотание:

— Ребенку здесь не место.

Как только дверь захлопывается, я выскакиваю из кровати и прячу таблетку в моем тайнике. Обернувшись, я осматриваю комнату в поисках напоминаний о визите Уэса прошлой ночью.

Я наряжалась для него. Я смотрю вниз на пижаму и осознаю, что не помню, как переоделась. Бегу к маленькому шкафу в углу. Мое платье висит на вешалке. Прямо над туфлями.

Переодеваясь, я думаю о прошлой ночи. Все кажется слишком реальным, чтобы быть сном. Я уверена в этом. Но у меня нет весомых доказательств.

Я иду в ванную и умываюсь. Подняв голову, смотрю на свое отражение. Сейчас было бы неплохо замазать консилером синяки под глазами и нанести немного румян на бледные щеки.

Но я не могу это сделать. Весь процесс ощущается обманом, словно я пытаюсь нацепить на себя чужую личину. Не имеет значения, как сильно я пытаюсь сделать ее своей, она все равно не подходит мне.

Я уже даже не знаю, что делает меня *мною*.

Эвелин плачет. Я выбегаю из ванной и несусь к колыбельке.

Я туго ее запеленала, но ее ручки сжаты в маленькие кулачки, пока она потягивается. Восхитительно, что эта крошка оказывает на меня такое сильное воздействие. Одной своей улыбкой она может стереть с моего лица злость и грусть.

Не могу насытиться ее улыбкой.

Я быстро меняю ей подгузник и переодеваю ее в чистые ползунки. Закончив, я пеленаю ее, беру бутылочку с тумбочки, и сажусь в кресло-качалку. Наблюдая, как она ест, я тихонько напеваю детскую песенку. Она всегда смотрит на меня своими невероятно яркими голубыми глазами. Все ее внимание и доверие принадлежит мне, и это единственная важная вещь во всем мире. Люблю эти моменты. Когда ее крошечное тело прижато к моему, я могу слышать как бьется ее сердце. Это всегда меня успокаивает. Когда она заканчивает, я прижимаю ее к плечу и несусь обратно.

Через мгновение приходит Элис.

— Готова?

Нет, не совсем. Эвелин еще не срыгнула. Ребенку нужно срыгнуть или будут газы. Но вместо того, чтобы это сказать, я прикусываю язык и неохотно встаю.

— Да.

Элис холодно на меня смотрит. Она смотрит на меня так, словно я отвратительна.

— Так как ты проспала, ты лишаешься свободного времени в комнате отдыха.

— Почему?

— Потому что тебе нужно встретиться с доктором.

Моя жизнь здесь идет по определенному распорядку. И этот распорядок никогда не нарушается: завтрак; комната отдыха; ланч; терапия; ужин. Возвращение в комнату, если есть свободное время, потом принятие лекарств и отбой.

Именно эти моменты разбавляют монотонность этого места. Держат нас в здравом уме.

— Я хочу пойти в комнату отдыха.

Все здесь называют эту комнату гостиной. За исключением приема пищи и общей терапии, это единственное время, когда мужчины и женщины проводят время вместе.

— Ну, не сегодня. Ты пропустила положенное тебе время в гостиной, потому что играла в спящую красавицу.

— Не знала, что у меня есть график.

— Пошли уже.

Я упорно стою на своем.

— Нет.

— У тебя нет выбора. Пора увидеться с доктором.

Выражение лица Элис говорит о том, что она с легкостью протащит меня по коридору. Ей это не составит никакого труда.

Никогда до этого я не перечила Элис; для этого причин просто не было причин. Но сегодня она нарушает мой распорядок. Я открываю рот, но меня перебивают прежде, чем я успеваю что-либо сказать.

— Смотрите-ка! Это ж Мисс Память!

Ригэн, которая кружила вокруг медсестры, теперь подкрадывается ко мне.

— Ригэн, что ты делаешь? — спрашивает Элис серьезным тоном.

Большинству пациентов этой фразы хватило бы для того, чтобы прийти в себя. Но не Ригэн. Она плохая девочка Фэйрфакса. Она появилась здесь два месяца назад и закрепила за собой рекорд по количеству попыток к побегу. Шесть раз.

Она выглядит такой безобидной со своими зелеными кукольными глазами и каштановыми волосами, которые свободно свисают до талии. Но взгляд у нее дикий, словно она потерялась и не имеет понятия где она. Порой она ходит в больничной рубашке с пятнами на груди, но через несколько дней медсестры заставляют ее переодеться в спортивный костюм. Завершает ее образ голубой браслет с надписью черным жирным шрифтом: ВОЗМОЖНОСТЬ ПОБЕГА.

Сегодня Ригэн в больничной рубашке.

Она достает пачку сигарет и стучит дном пачки по ладони. Вытаскивает сигарету. Я в шоке смотрю на нее. Также как и Элис.

Ригэн ухмыляется и достает зажигалку. Она выглядит не как пациентка, а как фокусник. Как ей удалось пронести зажигалку через медсестер?

Прежде чем воспользоваться зажигалкой, она улыбается и вытаскивает сигарету изо рта.

— Простите меня. Я такая грубая.

Она протягивает мне свою сигарету.

— Хотите закурить, ребята?

Никто не произносит ни слова.

— Элис? Милая мамочка? Что, никто?

Ригэн смотрит на Эвелин.

— Как насчет тебя, малышка?

Наконец, Элис приходит в чувства.

— Отдай мне это. — Она забирает у Ригэн сигареты и зажигалку, и запихивает себе в карман. — Ты отлично знаешь, что здесь нельзя курить.

— Кто это сказал?

Элис жестом указывает на стойку медсестер. На стеклянной перегородке написано: КУРЕНИЕ В ПОМЕЩЕНИИ ЗАПРЕЩЕНО.

Все прекрасно знают, что курить разрешается только после ланча и ужина. И это можно делать только в маленьком отдельном помещении снаружи, под присмотром медсестер. Внутри курение приравнивается к контрабанде. Ригэн знает об этом.

— Хм. В первый раз вижу это.

Она поворачивается к Элис.

— Ты уверена, что это не *только что* напечатали?

— Да, я уверена, — шипит та.

— Вау. — Ригэн поднимает руку, чтобы защититься от нее.

— Полегче, Куджо. Нет повода для криков. (*Примеч. переводчика: Куджо — сенбернар, укушенный зараженной бешенством летучей мышью — герой одноименного произведения Стивена Кинга*)

— Ты должна соблюдать правила как все остальные, Ригэн, — журит девушку светловолосая медсестра. Она выглядит взволнованной, уставившись на Ригэн, словно та дикое животное, готовящееся к атаке.

Ригэн надувает губы.

— Я устала от всех этих правил.

— Обсудишь это со своим доктором, — отвечает Элис.

— Ты всегда так говоришь.

Появилось чудовище со злобной ухмылкой. Сейчас она злится. Эта девушка так мгновенно меняется.

— Доктора не помогают!

— Ты всегда можешь уйти.

— Я не могу уйти, потому что согласно словам моего доктора, я опасна для себя и окружающих.

Ригэн смотрит прямо на меня с ехидной улыбкой.

— Эй, у тебя ведь есть подобный опыт, не так ли?

Я делаю шаг назад, потом еще один. Мне нужно держаться подальше от нее. Ригэн делает шаг вперед, протянув руки.

— Дай подержать ребеночка, милая мамочка.

Я отхожу. Она наступает.

— Да ладно, — говорит она, продолжая, — ты что мне не доверяешь? Я хорошая нянька. Зуб даю.

Она смотрит мне прямо в глаза и вздыхает.

— Ой, забудь. Не умеешь веселиться.

Ригэн медленно отходит назад. Выглядит так, словно она отходит на поклон. Но затем она выхватывает сигареты у Элис из кармана и убегает по коридору.

— Попробуй поймать меня, старая задница! — кричит она.

Элис выглядит так, словно готова убить ее. Она выхватывает рацию из кармана и вызывает подмогу.

— Оставайся здесь, — говорит она мне и несется за Ригэн.

Я смотрю как она скрывается за углом.

Когда я оглядываю коридор, то замечаю, что практически никто не придал этой сцене никакого внимания. Одна дамочка высунула голову из палаты, огляделась и захлопнула дверь. Это норма.

Если Элис ожидает, что я буду стоять здесь и ждать, то она сильно заблуждается. Ее приказ остаться здесь, еще больше побуждает меня бросить вызов.

Взяв Эвелин на руки, я бегу по коридору.

Мимо проходит социальный работник. Она общается с одной из самых юных пациенток в женском отделении. Девчонке не дашь больше восемнадцати. На лице выражение «дерись или беги».

Она слишком молода, чтобы быть здесь. Мне так и хочется вцепиться ей в плечи и сказать, чтобы она немедленно отсюда убиралась. Пока у нее еще есть шанс.

Ускорив шаг, оглядываюсь через плечо, чтобы убедиться, что никто за мной не следит. Элис все еще нет. Впереди меня женское отделение, двери в которое вечно закрыты. Чтобы попасть внутрь, нужно ввести пароль. На мгновение я впадаю в панику, но через стекло вижу, как медсестра вводит пароль. Я приостанавливаюсь и смотрю в окно справа от меня, притворившись, что восхищаюсь внутренним двориком. Она проходит мимо меня, а я хватаюсь за дверь, прежде чем та успеет захлопнуться.

Уверенно иду по отделению, словно это нормально, что я иду без медсестры. Медсестра

за стойкой даже глазом не моргнула, а другая, слишком поглощена чтением эротического романчика. Все отделение могло бы полыхать от огня, а она даже бы не заметила.

Комната отдыха — самая большая комната в Фэйрфакс. Тут повсюду стоят столики и все они всегда заняты пациентами. Стены окрашены в тусклый белый цвет. На стене висит картина с изображением горного массива во время заката солнца. Слева расположены окна. Занавески открыты, чтобы впустить немного солнечного света, благодаря которому тут не так уныло.

За исключением обеденного зала, это единственное место, где женщины и мужчины собираются вместе. Мы постоянно ходим на терапии, занятия, приемы пищи. Все занятия расписаны заранее и мы просто должны следовать расписанию. Если решишь пойти в палату, чтобы немного побыть наедине с самим собой, то можешь послать прощальный поцелуй мечте выбраться отсюда. Медсестры будут стучаться к тебе каждые пять минут, чтобы «проверить как ты там»

Столик, за которым я обычно сижу, не занят, и я торопливо бегу к нему.

Телевизор включен, но звук настолько тихий, что снизу бегут титры. Большинство из нас тратят время на просмотр ток-шоу, где женщины сидят кружком и «обсуждают» различные темы, но для меня это не обсуждение, а просто крики. Мы смотрим игровые телешоу, мыльные оперы, новости. Смотрим все подряд, лишь бы не фокусироваться на проблемах, которые нас преследуют.

Не так давно, это было моим любимым местом в Фэйрфаксе. Я нарезала круги по комнате, иногда останавливаясь, чтобы Эвелин могла посмотреть в окошко. Когда она начинала плакать, злиться или грустить, я напевала ей колыбельную.

Но сейчас, мне абсолютно не нравится это место. Теперь я вижу его таким, какое оно на самом деле. Камера. Наряженная в оборки и кружева, чтобы создавалось впечатление, что здесь царит свобода, хотя это совсем не так.

Эвелин заерзала у меня в руках. Я быстро погладила ее по спинке и поцеловала в щеку.

Входные двери распахнулись в очередной раз. Люди ходят туда-сюда постоянно, и обычно я не обращаю на это внимания. Но сегодня, я вскинула голову и посмотрела на мужчину, который вошел. С ним в комнату влетел порыв свежего воздуха, от которого по коже побежали мурашки. Руки он держал в карманах. Затем он обернулся и посмотрел на меня.

Сердце ушло в пятки.

В этого мужчину Уэс трансформировался прошлой ночью. Я выпрямилась. Он быстро заморгал. Брови практически сошлись домиком. Он смотрит на меня в замешательстве, и я не имею ни малейшего понятия почему.

Медсестра за стойкой приветствует его, и он оглядывается.

Взгляды пациентов и персонала прикованы к нему. Все мы думаем об одном: *Зачем он здесь?*

Медсестра одаривает его изумленной улыбкой.

Он пишет имя на бирке посетителя. Мне хочется быть рядом с ним. Хочется знать имя этого прекрасного мужчины.

Попав в Фэйрфакс, я познала искусство наблюдения за людьми. Нельзя смотреть пристально. В подобном месте велик риск быть пойманным. Необходимо украдкой поглядывать на человека — этого достаточно для меня, чтобы создать историю о нем.

Касательно этого мужчины, я представляю себе силу. Контроль.

Опираясь локтями о стойку, он наклонился поближе к медсестре! Она новенькая. Только на прошлой неделе завершила стажировку. То, как она смотрит на него... с полной уверенностью могу сказать, что она бы отдала все, лишь бы он продолжал разговаривать с ней.

Мужчина что-то говорит, и она качает головой. Я пытаюсь читать по губам, но девушка говорит слишком быстро.

Затем он одаривает медсестру *улыбкой*.

Улыбкой, от которой поглупеет даже самая умная женщина.

Медсестра вздыхает и расслабляет плечи. Она оглядывается через плечо, чтобы убедиться, что никто не смотрит, а затем наклоняется к нему и указывает на меня.

Мужчина смотрит в мою сторону. Напряженный взгляд. Сильный. Властный.

Оттолкнувшись от стойки, он входит в комнату отдыха. У него очень уверенная походка, каждый шаг он делает с полным осознанием, что заслужил и заработал его. Его подбородок приподнят, а взгляд устремлен прямо на меня. У меня начинают дрожать руки. Чувствую, как кровь устремляется от кончиков пальцев рук к пальцам ног.

Сердце начинает бешено стучать.

Тук.

Тук.

Тук.

Каждый удар сердца сильнее предыдущего. Нисколько не сомневаюсь, что все в комнате слышат мое сердцебиение. Когда мужчина подходит прямо к моему столу, я сильнее прижимаю к себе Эвелин. Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на него, и клянусь, что чувствую укол в самое сердце.

— Можно я присяду, Виктория?

Откуда он знает мое имя? Я в бешенстве, отчаянно желаю знать, что происходит. Кто-то решил разыграть меня? Я оглядываю комнату, ожидая, что в один из докторов выпрыгнет из укрытия и скажет мне, что это всего лишь проверка.

Когда я не отвечаю, мужчина вопросительно выгибает бровь и садится напротив меня. Он кладет руки на стол, скрестив пальцы. Они большие, грубые, с мозолями и обрезанными под корень ногтями. Мой желудок переворачивается, потому что я вспоминаю эти руки на мне прошлой ночью. Не Уэса. Его.

Мы сидим в тишине, но что именно я должна сказать? Не так-то легко начать разговор с незнакомцем.

Он тяжелым взглядом смотрит на Эвелин. Взгляд перемещается с моей дочери на меня. Я прижимаю Эвелин так, что ее голова оказывается на моей груди и нежно поглаживаю ее по спинке.

— Извините, мы знакомы? — мой голос звучит твердо, но доброжелательно.

Он покачивает головой и смотрит на меня из-под ресниц.

— Я Синклэр.

Я безучастно смотрю на него. Думаю, он ожидает, что я его узнаю. Но нет. Я никогда не встречалась с ним. Не считая прошлой ночи.

— Синклэр Монтомери, — представляется он.

Все еще ничего. Все, что я делаю — пожимаю плечами. Он закрывает глаза и поджимает губы. Я не знаю его, но его боль очевидна. Хотелось бы помочь ему. Но как? Я себе-то едва могу помочь.

— Ты не помнишь меня, — резко говорит он.

В голосе не чувствуется боли или злости, но в глазах отражается море эмоций. Слишком много для меня.

— А должна?

Уголки его губ опускаются в грустной улыбке.

— Должна.

Это безумие, сидеть рядом с тем, кто смотрит на тебя глазами, в которых играют тысячи воспоминаний. Воспоминаний, которые ты не можешь восстановить, но так хочешь.

Безумно и ужасающе.

— Ваше имя не кажется мне знакомым, — тихо отвечаю я. Словно язык распух во рту, и все, что я произношу, звучит жалко.

Синклэр.

Его зовут Синклэр.

Его темной внешности и напряженным глазам, больше подходит имя на букву Т. Он улыбается мне, улыбка расплывается по всему лицу, словно он знает, о чем я думаю.

— Я знаю, что ты не помнишь меня. Вот почему я здесь, — говорит он, — нам нужно многое наверстать.

Все выглядит таким... невероятным. Я сильнее прижимаю к себе Эвелин.

— Вы врете мне? — шепчу я.

Он наклоняется ко мне.

— С тех пор, как мы познакомились, я ни разу тебе не солгал, — свирепо говорит он.

— И как давно мы знакомы?

Он сглатывает, и я смотрю как дергается его кадык.

— Два с половиной года.

Мои сомнения отражаются в моем взгляде.

Синклэр вздыхает.

— Я знаю, что ты не веришь мне.

— Вы правы, — признаю я, — не верю. Я живу тут три года. Нет ни малейшей возможности, что мы познакомились.

Синклэр хмурится. Его глаза быстро оглядывают комнату и возвращаются ко мне.

— Три года? Ты здесь не три года.

Я открываю рот. Я готова отстаивать свою правду. Мне лучше чем кому-либо другому знать, как долго я здесь. Но, копаясь в воспоминаниях о Фэйрфаксе, я возвращаюсь к самому началу и ничего не нахожу. Все это случилось в... 2011?

Меня охватывает отчаяние. Какой смысл иметь память, если она не работает на тебя? Я закрываю глаза и потираю висок. Когда я наконец-то снова смотрю на Синклэра, выражение его лица несколько смягчилось, словно он понимает, как тяжело мне это все дается.

— Ты здесь всего шесть месяцев.

Мне так хочется оспорить его слова. Хочется привести факты, но я не могу. Три года. Я провела тут три года и, если мы такие хорошие друзья, то почему он не пришел раньше? Озвучиваю ему свой вопрос.

— С тех пор как ты здесь, я пытался навестить тебя каждый день. Каждый раз меня не пускали.

— С чего вы решили, что я вам поверю?

— Спроси у любой из медсестер. Проверь списки посетителей за вчера, позавчера, за

день до этого. Ты увидишь что в них ежедневно появляется мое имя.

Я громко сглатываю.

Никто не говорил мне о его визитах. Чувствую, как ярость растет в груди. Разве не мне решать, с кем мне видеться, а с кем нет?

— Я клянусь тебе, что не обманываю.

Прежде чем я успеваю хоть что-то ответить, он говорит.

— Ты помнишь хоть что-нибудь из случившегося?

Я хмурюсь.

— О чем вы говорите?

— Твое прошлое. — резко говорит он, — Ты помнишь?

Он терпеливо ждет моего ответа. Мой пульс начинает частить.

— Нет.

— А я помню, — его голос становится угрюмым, — И я могу помочь тебе... если ты позволишь.

Его предложение опасно, но такое пленительно. У меня нет доказательств, но я верю, что он знает мое прошлое. Он — его часть.

Я смотрю вниз на стол. Толстый слой пыли покрывает столешницу. Я пишу свое имя большими буквами.

ВИКТОРИЯ.

ВИКТОРИЯ.

ВИКТОРИЯ.

Я ничего не вижу. Просто выстроенные в ряд буквы. Этот мужчина утверждает, что знает меня, и мне нечем ему возразить.

— С чего вы взяли, что я поверю вам?

— Ты и моя сестра были лучшими подругами.

— Были?

Он кивает и мнетя.

— До того, как все произошло.

Когда эти слова слетают с его губ, я с трудом сдерживаюсь, чтобы не перегнуться через стол и не схватить его за воротник рубашки, требуя все мне рассказать.

Вместо этого я просто говорю:

— Почему она не навещает меня?

— Она приходила поначалу, но ее, как и меня, не пускали.

Сколько именно людей не пустили ко мне? Есть список? Его составил Уэс или моя мать? Или может это дело рук докторов?

— Почему ее не пускали ко мне?

Он одаривает меня утомленной улыбкой.

— Потому что это она тебя сюда поместила.

О дне прибытия в Фэйрфакс, я помню лишь то, как захлопнула дверцу машины, и, как заслонила глаза рукой от солнца, глядя на здание. Помню, как вытащила Эвелин с детского кресла в машине. Помню, как подписывала бумаги на стойке у администратора и думала про себя, что в отличии от остальных здесь находящихся, я прибыла сюда не лечиться, а просто отдохнуть.

Ни разу я не вспоминала с кем я сюда приехала.

Синклэр выглядит так, словно хочет что-то сказать. Он открывает и закрывает рот. В

его глазах я вижу воспоминания. Эти воспоминания я?

— Виктория! Что ты здесь делаешь?

Элис. Звук ее голоса для меня как скрежет гвоздя по железу. Как долго я тут сижу? Я вскакиваю со своего места, когда она входит. Элис смотрит на нас, потом задерживает взгляд на мне.

— Я сказала тебе ждать в своей комнате.

Она не ждет ответа и смотрит на Синклэра.

— Мистер Монтгомери, вам нельзя здесь находиться. Кто вас впустил?

Синклэр встает. Он возвышается над Элис. Уголки губ у меня подрагивают, но я сдерживаю улыбку. Так приятно наконец-то видеть кого-то, кто стоит лицом к лицу с этой женщиной и не боится ее сурового взгляда.

Он указывает на медсестру за стойкой, которая вот-вот готова удрать.

— Она.

— Ну, вам нельзя здесь находиться. Вам следует уйти.

Не сейчас. Нет, не сейчас. В первый раз за долгое время, я наконец-то ощутила, что кто-то на моей стороне. Я не готова отпускать это чувство.

Эвелин начинает плакать. Я пытаюсь подойти к Синклэру поближе, но Элис встает у меня на пути. Я спокойный, терпеливый человек, но прямо сейчас мне хочется отшвырнуть Элис в сторону. Мне хочется вселить в нее тот же страх, что и она вселяет в меня, своими убийственными взглядами каждый день.

Синклэр дотрагивается до меня. Он нежно кладет свою большую руку мне на плечо. Через секунду он ее убирает, и касается пальцами моей руки.

— Я скоро вернусь.

Прежде чем он отворачивается и уходит, мы встречаемся взглядами, и он очень тихо говорит:

— Ничего страшного, если ты никогда не вспомнишь нас; я буду помнить за нас обоих.

И затем он уходит.

Элис ведет меня к стойке. Она разговаривает с новой медсестрой, несомненно, делая ей выговор за то, что впустила Синклэра. Я, пользуясь моментом, заглядываю в тетрадь, где расписываются посетители. Его почерк неразборчив, но я отчетливо вижу *С* и *М*. Я смотрю на вчерашний день и день до него. Продолжаю, пока не просматриваю целый месяц. Его имя на каждой странице.

Синклэр Монтгомери не врал.

ГЛАВА 3

Сегодня никаких выходов от Ригэн. Или посетителей, ожидающих меня в комнате отдыха.

Весь день до последней минуты я надеялась, что что-нибудь случится. Но стоя у двери в кабинет доктора Кэллоуэй, понимаю, что не могу больше медлить ни секунды. На этом сеансе я должна с этим покончить.

Сделав глубокий вдох, я громко стучу в дверь ее кабинета.

— Входите, — откликается она.

Я толкаю дверь и вхожу в кабинет.

Я не испытываю ненависти к доктору Кэллоуэй. На самом деле она не так уж и плоха. На ее сеансах мы с ней не копались в моем туманном прошлом. И дело не в ней самой;

просто я не доверяю ни одному здешнему доктору. Они дают на больное, ожидая, что пациент поделится правдой.

Сумасшедший ты или нет, такое нелегко дается любому человеку.

Не могу вспомнить, как долго я посещаю ее сеансы. Может быть несколько месяцев? За все это время доктор Кэллоуэй ни разу не пыталась выпытать у меня информацию насильно. В отличие от всех остальных докторов, которые задают одни и те же вопросы, пока не начинает тошнить. *Ваш муж мертв. Расскажите, что вы помните.*

Хотя у каждого врача свой особый подход. Некоторые врачи обладают удивительной способностью выводить меня из себя — они постоянно кивают головой, чтобы я ни говорила им, словно понимают меня. Понимают мои чувства. Как будто я им нравлюсь. Но в итоге они всегда... *всегда* оборачивают ситуацию в свою пользу.

Доктор Кэллоуэй не нежничает, как остальные доктора. Поначалу она задавала стандартные вопросы, но спустя некоторое время прекратила. Теперь во время наших сеансов она спрашивает как у меня дела. Интересуется, как поживает Эвелин. Хорошо ли я переношу лекарства? А когда мне уже нечего рассказать ей, она переключается на более легкие темы. Вообще-то мне нравятся наши с ней разговоры. Они нормальные.

Я знаю, что она была замужем. Развелась. Со своим первым мужем они разъехались. Три года она живет с мужчиной по имени Том. Но не собирается связывать себя отношениями. Детей нет. Пока она не выпьет утром чашечку кофе, она не чувствует себя «живой». Доктор Кэллоуэй ненавидит готовить и часто заказывает еду на дом.

Ей сорок один и она любит свою работу.

Такая откровенность — исключение в Фэйрфаксе. Порой во время сеанса повисает тишина, но ее нельзя назвать ни неловкой, ни уютной. Это просто тишина.

Сегодня утром я решила, что не случится ничего страшного, если я сообщу доктору Кэллоуэй, что хочу покинуть это место. Теперь я жутко нервничаю. Нервничаю слишком сильно, чтобы озвучить свои мысли. Нервничаю, что моя попытка не увенчается успехом.

— Доброе утро, Виктория.

Она слегка приподнимает голову, улыбается мне и возвращается к чтению записей, лежащих перед ней. Не глядя, она указывает мне на кресло, стоящее напротив ее стола.

— Пожалуйста, присаживайся.

Я сажусь и практически сразу же начинаю нервно постукивать ногой. Эвелин ерзает во сне, и я прекращаю постукивания. Напоминаю себе, что должна сделать. Должна с кем-то поговорить. Если не ради себя, то ради Эвелин.

Доктор Кэллоуэй откладывает ручку и, наконец-то, обращает на меня все свое внимание.

— Как ты поживаешь?

Я начинаю потеть. Не могу ответить ей как обычно: «Я в порядке». Это не работает.

— Замечательно, замечательно, — медленно начинаю я, — Могу я кое о чем у вас спросить?

— Конечно.

— Как долго я здесь нахожусь?

Доктор склоняет голову на бок.

— Как долго?

Я обеспокоенно киваю. Нервы на пределе. Я сжимаю Эвелин чуть сильнее и сжимаю ее ладошку своей рукой.

— Ну, точно не знаю. Мне нужно проверить.

Она начинает листать мою чересчур толстую карточку, затем смотрит на меня, и переводит взгляд на компьютер.

— Быстрее проверить здесь.

Она что-то набирает на клавиатуре. На это у нее уходит всего несколько секунд, но мне кажется, будто прошла вечность. Наконец, она поворачивает ко мне монитор компьютера. Мой лист прибытия. Она указывает в самый низ экрана. Я вижу свою подпись рядом с датой: 19 мая 2015 года.

Синклэр прав. Шесть месяцев.

Я сажусь обратно в кресло и мысли начинают роиться у меня в голове. С чего я решила, что нахожусь тут уже три года? Я чувствую на себе взгляд доктора Кэллоуэй и смотрю на нее.

— Почему ты спросила? — осторожно спрашивает она.

— Мне казалось, что я тут уже три года, — честно отвечаю я.

— Три года? — доктор Кэллоуэй в изумлении поднимает брови. — Это так долго. Почему ты так думала?

Я пожимаю плечами и собираюсь сказать ей, что не знаю, но внезапно слышу голос Уэса. Поначалу он звучит очень слабо, но потом все громче и громче, так, словно он прижался губами к моему правому уху и шепчет:

Мы три года в браке...

Я встречаюсь с доктором Кэллоуэй взглядом.

— Понятия не имею, — отвечаю я. Прежде чем она успевает задать еще один вопрос, я меняю тему. — В последнее время я часто кое о чем думаю...

Скажи это, призывает меня разум. Просто произнеси вслух!

Доктор Кэллоуэй молчит, просто терпеливо ждет, когда я продолжу. Боже, хотелось бы мне такого же терпения, как и у нее. Нервничая, я облизываю губы:

— Я хочу уйти из Фэйрфакса.

Она не кажется удивленной, просто кивает в знак согласия. В ее глазах загорается интерес.

— Почему ты считаешь, что готова уйти отсюда?

Потому что у меня складывается ощущение, что жизнь проходит мимо. Мне нужно вернуть ее. Я хочу снова стать нормальной. Но я не могу произнести эти слова вслух.

— Потому что больше не хочу находиться здесь, — в итоге выдаю я.

Она ничего не говорит в ответ на мои слова. Просто скрещивает ладони и опирается подбородком на сплетенные пальцы.

— Почему нет? — в итоге все же задает она вопрос.

Не рассказывай ей о голосах, подсказывает разум. Только испортишь все.

Если я собираюсь рассказать ей правду, то должна сделать это разумно. Мне совершенно не нужно, чтобы она подумала, что я чокнутая.

— Произошло что-то, что подтолкнуло тебя к этому решению?

Открываю рот и сразу же закрываю его. Мне определенно не стоит признаваться в том, что я прекратила принимать лекарства. Поэтому я выдаю ей лишь часть правды.

— Ничего, просто поняла, что мне здесь больше не место.

Доктор Кэллоуэй настороженно смотрит на меня, но я не вижу осуждения в ее взгляде.

— Чтобы уйти отсюда, тебе придется побеседовать с рядом врачей, включая меня,

прежде чем мы подпишем разрешение на выписку. Мы должны убедиться, что твое состояние значительно улучшилось по сравнению с тем, каким оно было, когда ты поступила сюда.

Так я и думала. Несмотря на то, что я готовилась к тому, что это будет сложная битва, я все равно подавлена.

Не произношу ни слова.

Повисает тишина. Эта самая ужасная разновидность тишины. Она поедом ест меня, пока доктор Кэллоуэй выжидающе на меня смотрит.

— Если ты хочешь уйти, я должна быть уверена. Я не оспариваю то, что ты больше не принадлежишь этому месту, но...

Боже. Я ненавижу это слово. Хоть у одного предложения начинающегося с «но» бывает счастливый конец? Нет. Я так не думаю.

— Но прежде, чем ты достигнешь цели, нужно проделать много работы. Если ты позволишь мне помочь тебе, я буду рада сделать это.

— Вы хотите, чтобы я открылась вам и рассказала о своих чувствах? — скептически спрашиваю я. Во рту ощущается горечь только от того, что я озвучила это вслух.

— Нет, вовсе нет.

— Тогда чего вы хотите?

— Ничего плохого, Виктория. Я знаю, что ты скрытный человек, — она смотрит на Эвелин и ее улыбка увядает. — Ты любишь свою дочку и хочешь защитить ее, но мне нужно, чтобы ты открылась мне. Я хочу, чтобы ты доверилась мне.

Она резко встает. За окном светит солнце, и тень доктора падает на меня. Инстинктивно, я вздрагиваю. Доктор Кэллоуэй этого не замечает. Она подходит к картотеке и достает карточку с моим именем. В нем так много бумаг, что они того гляди вывалятся оттуда.

— Это моя карточка?

Она кивает и открывает ее. Некоторые бумаги скреплены вместе. По краям торчат красные стикеры. В конце файла лежат завернутые в пакет фотографии. Она достает некоторые из них.

— Хочу показать тебе кое-какие фотографии.

Я пытаюсь подглядеть, но она держит их так, словно мы играем в покер.

— Что за фотографии?

— Твои фотографии. Я начну медленно показывать тебе их по одной. Как только ты их хорошенько рассмотришь, я ускорю темп. Если какая-нибудь из них покажется тебе знакомой, скажи мне остановиться.

— Кто дал их вам?

Доктор Кэллоуэй кладет фотографии на стол.

— Твоя мать. Когда ты прибыла в Фэйрфэкс, она отдала их твоим докторам, в надежде, что ты вспомнишь... хоть что-то.

— Почему я вижу их только сейчас?

— Потому что всякий раз, когда их приносили, ты отказывалась смотреть на них.

Отказывалась? Я? Не могу вспомнить, но мне не хочется спорить с ней.

— Хочешь попробовать посмотреть на эти фотографии? — вежливо спрашивает она.

Когда кто-то хочет восстановить все в памяти, с чего лучше начать?

С самого начала.

Проблема в том, что я не знаю, где это самое начало.

Но вот мой шанс: прожить жизнь дважды сквозь призму фотографий.

Я буду полной дурой, если откажусь, и еще большей, если не перестану нервничать. Это семимильный шаг в сравнении с моей повседневной рутинной, правда, я понятия не имею, чем в итоге все это закончится.

Я очень медленно киваю.

— Отлично, — радуется она, — пришла пора распутать твоё прошлое.

На первой фотографии мы с Уэсом запечатлены в день напоминающий нашу свадьбу. Мы идем по проходу, наши руки переплетены. Уэс улыбается мне, а я сияю от радости. Мы выглядим как идеальная счастливая пара. Влюблены друг в друга по уши.

На второй я со своей матерью. Мы сидим на заднем дворе ее дома. Я выросла в этом доме. В одной руке мама держит супер тонкую сигарету, в другой фотографию. На столике передо мной лежит стопка фотографий и стоит бокал с чем-то. Мы обе улыбаемся в объектив.

На третьей я в больнице. На мне форма медсестры. Рядом со мной незнакомая блондинка. Я стою, прислонившись к стойке, уставшая, но невероятно счастливая.

Как и обещала доктор Кэллоуэй, темп показа фотографий ускоряется. Одна за другой фотографии появляются так быстро, словно я просматриваю книжку с движущимися картинками. Вскоре цвета сливаются воедино, и я перестаю понимать, где заканчивается одна фотография и начинается следующая.

У меня начинает кружиться голова. Такое ощущение будто я на американских горках и вагончик сейчас сделает головокружительную петлю. Желудок переворачивается. Кажется, меня сейчас стошнит.

— Хватит, — прошу я. Фотографии перелистываются все быстрее. — Я сказала хватит.

Доктор Кэллоуэй останавливает показ на нашей с Уэсом фотографии, но мой разум никак не может затормозить. Он усиленно цепляется за все воспоминания, словно голодный хищник вгрызающийся в свою жертву. Сердце бешено бьется. Я с трудом собираюсь с силами и делаю глубокий вдох. Чувствую себя в ловушке, словно вокруг меня медленно сжимаются стены.

Я погружаюсь в воспоминания, становясь меньше с каждой секундой, в то время как фотографии увеличиваются в размере, медленно окружая меня. Кабинет доктора Кэллоуэй затуманивается. Она продолжает говорить, но я не в состоянии разобрать ни слова.

В ушах начинает звенеть, я ничего перед собой не вижу. Чувствую, как теряю связь с настоящим и погружаюсь в прошлое. Моя нынешняя одежда растворяется и я оказываюсь одета в хлопковое летнее платье. Волосы блестят и кожа начинает сиять. Кожу овеивает ветерок. Эвелин растворяется прямо на глазах. Я тянусь к ней, но уже слишком поздно... я и сама исчезла.

ГЛАВА 4

Май 2012

Я и представить себе не могла, какой поворот примет моя жизнь в тот день, когда встретила Уэсли Донована.

Я встретила его год назад. Мы столкнулись на улице. В прямом смысле этого слова.

В руках у меня был букет цветов, который я только что забрала у флориста и я страшно торопилась. Пока бежала к машине, я опустила взгляд на часы. Мне хотелось поскорее попасть домой, чтобы успеть прибраться до прихода матери. Мы планировали вместе

поужинать. Я собиралась поставить цветы в вазу и украсить ими стол. Тогда хотя бы к этому она не будет придирается. Мне следовало сделать это раньше. Знаю. Пять часов вечера не самое лучшее время, чтобы пытаться все исправить в лучшую сторону, но у меня была ночная смена в больнице и домой я попала только в шесть утра. Я планировала поспать пару часиков, но в итоге проснулась только в три часа дня.

На дорогах были пробки. Повсюду гудели клаксоны. Радио работало так громко, что казалось, под ногами дрожала земля. Все это безумно раздражало и отвлекало.

А затем я врезалась в него. Он быстро шел и разговаривал по телефону. Блэкберри выпал из его рук и запрыгал по асфальту, остановившись только у канализационного слива. Цветы разлетелись во все стороны.

— Простите, — начал сокрушаться он и присел на колени, чтобы помочь мне собрать двадцать роз на длинных стеблях.

Одну за одной он сложил их обратно в оберточную бумагу. Этот великолепный мужчина так заботливо укладывал цветы. Я с изумлением наблюдала за ним. Светлые волосы на висках были коротко подстрижены, на макушке чуть длиннее. Не выбивался ни один волосок. Светло коричневые ресницы касались щек, скрывая карие глаза. Он был гладко выбрит отчего отчетливо проступали скулы... Он бросил на меня взгляд из-под ресниц и мой мир перевернулся.

Вот так просто.

По взгляду его глаз я поняла, что он жаждет обладать каждой частичкой меня. И, чистым сумасшествием было то, что я собиралась позволить ему овладеть мной.

Взволнованная, я схватила его телефон и передала ему тогда же, когда он протянул мне цветы.

— Ваш телефон разбился?

Он запихнул его в карман, пожал плечами и одарил меня ленивой улыбкой.

— Не важно. Куплю другой.

Когда я благодарил его, голос у меня дрожал, а когда начала уходить, он нежно схватил меня за руку. В его большой ладони моя казалась такой маленькой и аккуратной.

— Уэс Донован, — представился он.

— Виктория Олдридж.

Его рука соскользнула с моего запястья, пальцы проšliсь по коже, и он пожал мне руку. Сердце забило чаще от одного обычного прикосновения. Уже тогда я знала, что мне нужно будет снова увидеться с ним.

Затем он сообщил мне:

— У тебя кровь идет.

Туман, который Уэс сгустил вокруг меня, развеялся.

— А?

Он поднял мой указательный палец, и я увидела как по нему течет ярко красная струйка.

— Должно быть порезалась шипом, — предположил он.

— Полагаю, что так, — чуть слышно согласилась я.

Не говоря ни слова, он взял меня за руку и обернул ее платком с вышитой на нем монограммой. Он отобрал у меня цветы и проводил до машины. Я уже собиралась сесть в машину, но он прислонился плечом к двери и склонил голову очень близко ко мне. Уэс сказал, что хочет снова со мной увидеться.

Я ответила согласием. Конечно же, я сказала «да». Думаю, любая женщина, отказавшая Уэсу, была бы полной дурой.

Тот день стал прологом наших отношений.

Уэсу тогда было тридцать три года. В то время, разница в возрасте не волновала меня. Во всяком случае, возраст стал еще одним очком в пользу Уэса. Я очень быстро попала под очарование его непоколебимой уверенности в себе. Мне он казался зрелым. Мудрым. Он знал, чего и когда хочет.

У нас было так много общего: книги, даже то, чем мы занимались в детстве.

Он казался таким идеальным.

Мне хотелось стать женщиной, которая покорила недостижимого Уэса. Когда я говорила, он внимательно слушал, впитывая каждое слово. Он рассказывал мне о своей жизни, и слушая его, мне казалось, что я становилась особенной.

Уэс вырос в Маклине, в Вирджинии. Он был единственным ребенком в семье. Родители уделяли ему все свое время. Он усердно учился, окончил университет штата Пенсильвания. Уэс вернулся в Фолс-Черч, чтобы работать в юридической фирме Хатчинса и Келли. Он поставил себе цель стать их партнером.

От его друзей я узнала, что до меня у него была целая вереница женщин. Волновало ли это меня? Нет. Более того, я гордилась тем, что он выбрал меня. *Меня.*

Шесть месяцев спустя мы объявили о помолвке. Мне нравилось быть его невестой. Такое блаженство. От осознания того, что я проведу остаток своей жизни будучи его женой, все казалось нереальным. Я ждала неприятностей или когда кто-то скажет мне, что все это сон.

Дату свадьбы мы назначили на восемнадцатое мая.

Мне хотелось всем демонстрировать свое обручальное кольцо — меня переполняла гордость. Я чувствовала себя победительницей. Испытывала даже некоторое самодовольство, ведь я сделала то, чего не удалось сделать другим женщинам. У меня был Уэс. Даже лучше, у меня была его любовь.

Мне всегда хотелось, чтобы моя свадебная церемония проходила на закате на заднем дворе дома моей матери. Чтобы белая воздушная ткань обрамляла ряды белых стульев. В конце прохода я представляла арку из цветов. Ветви гигантских дубов были бы украшены яркими гирляндами.

И свадьба была именно такой, какой я ее себе и представляла.

Стоя позади двух дубов, мы сказали друг другу «согласны» перед лицом сотни наших ближайших гостей и родственников. Рука об руку мы прошли по проходу. С моего лица не сходила улыбка. Не знаю, была ли я когда-то счастливее в своей жизни.

Женаты.

Мы женаты. Я не могла в это поверить.

Члены моей семьи улыбались нам. Также в толпе присутствовали и мои друзья: друзья детства, друзья по колледжу. Конечно же, друзья моей матери тоже присутствовали. Объявились и несколько друзей Уэса, но из его родни мало кто присутствовал.

Я кивала и всем улыбалась. Сердце внутри бешено стучало. Я двигалась благодаря чистому адреналину и счастью.

Я считала шаги, пока шла по проходу.

Двадцать четыре шага.

В конце прохода, Уэс поднял наши переплетенные руки в воздух. Фотограф делал

снимок за снимком.

Уэс посмотрел на меня. Его светлые волосы на солнце превратились в золотые нити. Одна прядка упала ему на лоб. Его карие глаза сияли.

Мы оба были так счастливы, и даже не пытались этого скрывать.

Фотографу не удалось ухватить момент, когда мы прошли по проходу и свернули во внутренний дворик. Мы оказались скрыты кустами роз и зарослями кустарника. И, признаюсь по секрету, мне это очень понравилось. Краткий миг, когда существовали только мы вдвоем. Моя нога уже почти была на первой ступеньке, когда Уэс схватил меня за руку, удерживая на месте, и прошептал мне на ухо:

— Я буду любить тебя до конца своих дней.

ГЛАВА 5

Июнь 2012

— Ну, как счастливая парочка?

Я сделала большой глоток лимонада и мягко улыбнулась.

— Хорошо.

— Ой, Виктория, не скромничай, — сказала моя мать, отвлекшись от просмотра фотографий, — ты теперь замужем.

Замужем.

Всего пару дней назад мы с Уэсом вернулись из нашего свадебного путешествия. Мы провели две восхитительные недели в Париже. Так прекрасно было расслабиться и провести все время друг с другом, не думая ни о чем на свете. Мы оставили наши волнения позади, в тот момент, когда оказались на борту самолета. Несмотря на то, что мы вернулись домой, к работе и погрузились в рутину, вокруг нас все еще витали электрические разряды. Отрабатывая смену, я постоянно смотрела на часы, считая часы и минуты до новой встречи с ним.

— Посмотри на эту, — моя мать пододвинула ко мне фотографию, — мне нравится эта твоя фотография.

Я взяла ее и посмотрела на себя. Я выглядела такой счастливой.

— Мне тоже она нравится.

— Сделаешь ее в формате 18 на 24?

— Мам, еще целая куча фотографий, которые ты еще даже не посмотрела.

— Не важно. Это моя любимая. Говорю тебе.

Моя мать была на седьмом небе от счастья. Она была идеальной женой, родившейся не в то время. Когда женщины сжигали лифчики и боролись за равноправие, мама мечтала о том, какая у нее будет семья. И она получила такую семью: сын, муж, и дочь. Идеальная семья. Ей нравилась ее ограниченная жизнь, и она хотела, чтобы я желала того же. На мои годы в колледже она смотрела так, словно это акт восстания, черное пятно на летописи жизни. Она не понимала, почему я не желала наслаждаться преимуществами брака. Я не понимала, почему она не осознает, что я счастлива тем, что имею.

Но женитьба на Уэсе отбелила это черное пятно.

Я быстро просматривала снимки, улыбаясь каждой фотографии. Моя мать была более придирчивой. Нацепив очки, она разглядывала каждый снимок, бубня под нос: «*А это кто? Зачем мне нужна фотография незнакомца?*»

— О! Вот эта великолепна!

Она подняла фотографию. Я наклонилась вперед, чтобы получше рассмотреть. Черно-

белая фотография меня и Уэса, стоящих близко друг к другу. Он целовал меня в щеку, а я стояла, закрыв глаза и слегка наклонив голову влево.

— Эту я тоже хочу.

Я подняла предыдущее фото.

— Ты только что сказала, что не хочешь смотреть на остальные, потому что эта твоя любимая.

Мама пожала плечами.

— Я передумала.

Она продолжила пролистывать фотографии, но мне трудно было на них сфокусироваться. Я выглянула в окно, откуда открывался вид на безупречный двор. Садовник подстригал кусты. Работали разбрызгиватели. Капли воды зависали в воздухе, прежде, чем упасть на землю. Бассейн был наполнен прозрачной водой, которая сияла на солнце.

Можно на пальцах руки пересчитать сколько раз пользовались бассейном и задним двором. Моя мать — коллекционер, которая собирает вокруг себя красивых людей и красивые вещи, которыми никогда не пользуется. Она была рождена в богатстве и никогда не работала. Она жизнерадостна и общительна. Ходит с одного мероприятия на другое, а когда мероприятий нет, сама их организует. В детстве я в страхе смотрела на нее: она так отличалась от меня. Мне было достаточно жить в своем воображаемом мире.

Несмотря на это, она была родителем, который все спускает с рук. Мама за всем наблюдала со стороны: всегда рядом, но стоит на несколько шагов в стороне. Она всегда присматривала за нами, защищала меня и моего старшего брата, Митчелла. Мой отец умер, когда мне было семь.

— Теперь, когда вы вернулись и обустроились, скажи мне, когда вы подарите мне внука?

Стакан с лимонадом в моей руке дрогнул.

— Внука? Мы женаты меньше месяца!

Выражение на лице моей матери говорило: *И что ты хочешь этим мне сказать?*

— Дети в недалеком будущем... на расстоянии нескольких световых лет.

— Виктория, все, что я хочу сказать, так это то, что очень скоро ты будешь мечтать о розовых и голубых вещичках. Это будет все, о чем ты сможешь думать. Плюс ко всему, дети делают жизнь прекраснее.

— Также как и алкоголь, но это не значит, что я должна побежать и начать пить, — сказала я с дерзкой улыбкой на лице.

Моя мать не выглядела смущенной.

— Я абсолютно серьезно сейчас.

— Знаю, знаю.

Если отбросить все шутки в сторону, я хотела детей. Двух девочек. Я видела, как буду любить их, вытирать мокрые носики, разнимать их, когда они маленькими будут ссориться и устанавливать комендантский час, когда будут подростками. Все эти мысли я приберегла для моих будущих детей. Но вот в чем все дело: все это будет в будущем и мне совсем не хочется, чтобы это началось сейчас.

Я перегнулась через стол и взяла мать за руку.

— Это произойдет не сейчас.

Она покачала головой.

— Ну, это очень расстраивает.

— Я не говорю, что этого нет у меня в планах. Я хочу семью. Но прямо сейчас, я хочу насладиться моим мужем. Я эгоистична и хочу пока побыть с ним одна, чтобы он был только мой.

Я улыбнулась.

— Могу ли я побыть эгоисткой хоть на мгновение?

Мама улыбнулась мне в ответ.

— Конечно, можешь. Конечно.

Погрузившись в молчание, мы просматривали фотографии, как вдруг мама снова заговорила.

— Я и забыла как это бывает в самом начале.

Я подняла голову.

— А?

Она наклонилась вперед и затушила бычок в пепельнице.

— Ой, ну знаешь... новая любовь. Жизнь новобрачных. Прекрасное время.

— Да, — согласилась я.

Во время нашего медового месяца, Уэс и я дали друг другу обещания. О том, каким будет наше будущее, и как мы будем стараться поступать правильно. Через несколько лет, мы купим землю и построим дом нашей мечты. Если мы поссоримся, то будем обсуждать наши проблемы и никогда не ляжем в кровать, не помирившись. У нас были планы и я была намерена осуществить их все.

Я оглянулась на мать и осознала, что все это время она что-то говорила.

— ... И затем у тебя будет семья и дом, как тот, в котором ты выросла.

Она жестом обвела наш дом в ужасном английском деревенском стиле. Расти в этом доме, все равно что расти в лабиринте. Я постоянно находила новые места и тупики. Думаю, что появлением развитого воображения я обязана этому дому. У нас с братом огромная разница в возрасте, поэтому, когда мы не могли вместе играть, я придумывала воображаемых друзей. Они никогда не жаловались. И не злились. Для них все мои игры и идеи казались безупречными.

Эх, если бы воображаемые друзья могли остаться рядом и в более старшем возрасте. Может быть, тогда все казалось бы не таким жестоким.

Не знаю, почему мама по-прежнему живет здесь. Я уехала после колледжа, а мой брат съехал за три года до этого. Полагаю, что она осталась здесь из-за воспоминаний. Знаю, что того же она хотела бы и для меня, но я не настолько жестока, чтобы говорить ей, что у меня нет желания жить в таком большом доме, в котором вполне могу потеряться.

— О чем болтаете?

Я обернулась на голос Уэса. Он закрыл за собой дверь во внутренний дворик и улыбнулся мне. Его черная рубашка была дополнена такими же темными черными широкими брюками. Рукава были закатаны до локтей. Солнце слепило, отражаясь от часов на его левом запястье. Встав позади меня, он обнял меня за плечи. Моя голова уперлась в твердые мускулы его живота.

— О, ни о чем, — с легкостью ответила моя мать, — Просто говорю о том, как сильно тебе повезло с моей дочерью.

Уэс схватил стул и придвинулся поближе ко мне. Он одарил меня ухмылкой. Той, которая покорила меня и не хочет отпустить.

— Я счастливчик, это уж точно.

ГЛАВА 6

Декабрь 2012

У женщины были серьезные ушибы.

Губы были разбиты.

Флуоресцентные лампы не сильно улучшали картину, они подчеркивали каждый изъян.

Она прижала правую руку к груди, не давая мне или доктору Пеллетьеру взглянуть на нее. Я была уверена, что у нее растяжение связок.

Доктор Пеллетьер — пожилой ворчливый мужчина. Но, если бы вы видели его манеру поведения, то поняли бы, что он заботливый человек. На протяжении последнего года я постоянно с ним работала. Когда бы ни была его смена, я знала, что время с ним пролетит незаметно.

Он в шестой раз спросил, как женщина получила травму. Хотя он каждый раз задавал вопрос по-разному, ее ответ всегда звучал одинаково: упала с лестницы. Поскользнулась на воде, которую разлили дети. Просто несчастный случай.

Я слышала так много оправданий синякам и сломанным костям, что пора писать книгу. По мрачному виду доктора Пеллетьера, я поняла, что он чувствует то же самое. Его глаза ничего не выражали, но плечи слегка опустились.

Доктор Пеллетьер велел ей отдыхать и вышел из палаты. Я осталась внутри и, дождавшись пока закроется дверь, улыбнулась ей утешительной улыбкой.

Женщину звали Алекс.

Вряд ли она старше меня более чем на несколько недель. Но жизнь не была добра к ней. Кожа у нее была желтоватого оттенка, пустые глаза, тусклые волосы чуть ниже плеч. Если бы было можно, я бы заперла ее в этой палате, пока она, наконец, не согласилась бы уйти от него ради всего святого.

Всегда есть этот «он».

Я должна была бы уже привыкнуть к таким ситуациям, как у нее, но не могу. Видеть это всегда так же больно, как и в первый раз. В основном я пыталась помочь таким женщинам, исправить нанесенный ущерб, но знала, что рано или поздно они все равно вернутся в руки насилия. Это было ужасное чувство.

— Не нужно оставаться с ним, — тихо сказала я.

Алекс даже не подняла голову. Словно она не была согласна с этим высказыванием.

— Ты можешь пойти в приют. Позвонить по горячей линии. Существует так много видов поддержки.

Она вздохнула.

— Это не так просто, — ее голос был едва различим. Мне пришлось наклониться к ней поближе. — У меня трое детей. Я не могу просто уйти.

На стойке стояла полочка с различными брошюрами: как бросить курить, избавиться от депрессии, что делать, если ты беременна, и брошюра о домашнем насилии.

— Нет, ты можешь, — рьяно возразила я.

Алекс фыркнула и слезла с кушетки. Положила больничный лист в сумочку, даже не взглянув на него. Проще было бы выбросить его в помойку рядом с выходом.

Может быть, она еще вернется сюда.

Возможно, нет.

Но если она вернется, то ее история будет куда более печальной. Она не сможет себя

защитить, и глаза будут казаться мертвее, чем сейчас.

К сожалению, она не единственная женщина, которую я встречаю в такой плохой форме. Семейные стычки никогда не заканчиваются легко. Мне хочется убедить их, что они действительно смогут уйти, если постараются.

Но я не могу.

В конце концов, я вышла из палаты. Ситуации с избитыми женщинами, отбрасывают тень на мою работу. Я пыталась думать о светлой стороне: о помощи людям. О предоставлении комфорта.

Благодаря этому я чувствовала себя значимой, словно медицина — единственное достойное занятие в мире.

Я шла по коридору, минуя пациентов и медсестер. Рядом с киоском стояла одна из моих лучших подруг Тэйлор.

— Я надеялась встретить тебя, — бросила она через плечо.

— Да? — ответила я, заходя за стойку медсестер.

Она кивнула и положила локти на стойку.

— Хотела узнать, сможешь ли ты пообедать со мной в субботу?

— Ты хочешь сказать, что у нас выходной в один день?

— Именно! Чудеса случаются!

Я улыбнулась.

— Звучит отлично. Во сколько?

Я познакомилась с Тейлор в колледже. Она была чудной, легкомысленной, и если что-то ей дать, то она обязательно это потеряет. Но также она была очень заботливой и доброй, такой подругой, которая пройдет с тобой через все.

— Еще не знаю. Позвоню, чтобы уточнить.

Она толкнула меня локтем и указала на коридор.

К нам приближался Уэс. Он подмигнул мне, словно точно знал, какие мысли у меня в голове.

Она вздохнула.

— Он слишком хорош, чтобы быть правдой.

Вынуждена согласиться. Шесть месяцев в браке и ничего не может быть лучше.

— У него случайно нет брата?

— Если бы был, я бы немедленно познакомила вас.

— Хорошая девочка.

Наш разговор прервался, как только Уэс остановился рядом со мной. Я подошла, чтобы обнять его, а он помахал передо мной пакетом с едой на вынос.

— Голодна?

— Умираю с голоду.

На удивление, у Уэса был выходной. Он всегда был одержим своей работой. Из всех сил трудился над делами. Очень часто мы встречались только тогда, когда он собирался на работу, а я приходила со смены. И это все делало наши моменты вместе еще чудеснее.

Он нежно погладил меня по плечу.

— Когда у тебя перерыв?

— Сейчас.

Когда постоянно перемещаешься из одной палаты в другую, не успеваешь заскучать или проголодаться. Только сейчас, когда в животе заурчало, я поняла, как давно не отдыхала.

— Хочешь поесть со мной?

— А почему ты думаешь, я пришел сюда? — поддразнил меня он.

Тэйлор оттолкнулась от стойки.

— Ладно, — вздохнула она, — я заметила, что меня не особо желают тут видеть.

Увидимся позже, Уэс.

Как только мы вошли в комнату для отдыха, я выхватила у него из рук пакет с едой.

— Здоровый образ жизни. Мне нравится, — саркастично заметила я.

Уэс ухмыльнулся.

— Все самое лучшее для тебя.

Хаос, творившийся вокруг стойки медсестер, сюда не добирался. Здесь всегда царила тишина, потому что доктора и медсестры пытались насладиться несколькими минутами тишины.

Сейчас в комнате для отдыха находилась только одна медсестра. Она сидела с другой стороны стола, не отрывая взгляда от журнала, лежащего перед ней. По телевизору, прикрепленному к стене, тихо шел какой-то сериальчик. На стене висела пробковая доска, к которой был прикреплен календарь. Прямо перед ней стояла подставка для журналов, целиком заполненная старыми журналами. Слева разместилась маленькая кухня, где мы обычно разогревали еду. Позади меня стояли аппараты с закусками.

В этом месте не было ничего особенного, но когда мы приходили сюда, голодные и уставшие, нас ничего не волновало. Мы просто хотели посидеть.

Уэс открыл пакет и начал вытаскивать еду.

— Во сколько ты заканчиваешь?

Я посмотрела на часы, пока вытаскивала кошелек, чтобы достать мелочь.

— В пять. Сегодня утром я говорила тебе, что у меня двенадцатичасовая смена.

— Знаю. Просто надеялся, что что-то поменялось.

— Неа, — я пошла к автомату с содовой, — нас сегодня очень мало в смене.

От запаха картошки в животе заурчало. Я взяла две воды и пошла к столу, бросив одну бутылку Уэсу. Он поймал ее одной рукой и сел. Несколько минут стояла тишина, потому что мы были поглощены едой.

Другая медсестра наконец-то встала. Она выбросила мусор и ушла. За ней захлопнулась дверь. Я не стала терять время и наклонилась, чтобы быстро поцеловать Уэса в губы. Казалось, что я застала его врасплох, потому что он даже не пошевелил губами. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, чего я от него хочу.

Когда я оторвалась от него, выражение его лица было слегка ошеломленным.

— Это за что?

Я пожалала плечами и сделала глоток.

— Не знаю сколько мы сможем пробыть наедине, поэтому я решила наслаждаться каждым мгновением.

Уэс откинулся на стуле и скрестил руки на груди. Он выглядел так привлекательно, хотя просто сидел здесь с серьезным выражением на лице. Прямо сейчас, больше всего на свете, мне хотелось уйти с работы и пойти с ним домой.

— Когда же закончатся эти бешеные смены?

— Тогда же, когда и твои, — поддразнила его я.

Он улыбнулся и переплел пальцы наших рук.

— Именно это я и имел в виду.

Я осторожно ответила:

— Знаю. Просто так оно всегда и бывает. Несколько недель сумасшедших смен.

Небольшое затишье, а потом все заново.

— Только не переусердствуй.

Люблю, когда он беспокоится обо мне.

— Не буду. Обещаю.

— Потому что в ту минуту, когда ты это сделаешь, ты знаешь, что можешь бросить работу, верно?

Я встала и выкинула мусор.

— Зачем мне это делать? — спросила я через плечо, — Я люблю свою работу.

— А я люблю тебя. Хочу, чтобы ты вся принадлежала мне. Нет ничего в этом мире, что я не смог бы дать тебе.

Когда я подошла к нему, он обнял меня за талию, притянув к себе. Он сжал мои бедра. Я поцеловала его в макушку.

— Я люблю тебя, Виктория.

Его взгляд показал мне, что он имеет в виду каждое сказанное им слово. Хотя я и была одета в больничную форму, рядом с ним я чувствовала себя прекрасной.

— Нет ничего лучше, чем прийти домой после двенадцатичасовой смены, проведенной на ногах.

Я быстро сняла туфли и отпихнула их ногой в сторону, не потрудившись поставить их в ряд с другими. На кухне было темно, но из гостиной в коридор пробивался свет. Стояла непривычная тишина. Обычно хотя бы телевизор работает на заднем плане.

— Уэс? — позвала я.

Мой вопрос был встречен молчанием.

Я еле волокла ноги по коридору. Все чего мне хотелось — залезть под одеяло и уснуть.

Войдя в спальню, я сразу же рухнула на кровать и прижалась лицом к одеялу в цветочек. Прежде чем жить вместе, мы решили, что из вещей останется, что отправится на хранение, а что выкинем. Его таунхаус был чисто холостяцкой берлогой, начиная с черной кожаной мебели, и заканчивая безвкусной картиной на стене. Мне нравились яркие краски, цветы повсюду. В первый раз, когда он увидел бледно-желтое одеяло в цветочек, Уэс пришел в ужас. В конце концов, он сдался и холостяцкий интерьер пропал. Мы сошлись на том, что нужно создать уютное гнездо, которое будет только нашим.

Распахнулась дверь ванной и в комнату вышел Уэс, в одном полотенце на талии. Моя усталость мгновенно испарилась. Струйки воды стекали по его прессу. Влажные волосы спадали на лоб, с них падали капли и стекали по лицу, словно слезы. Он вытер волосы и быстро сказал:

— Привет. Наконец-то дома.

— Наконец-то. Я пришла к выводу, что твой визит ко мне на работу во время ланча был плохой идеей.

Он поднял бровь.

— Это почему?

— Потому что я считала часы до окончания смены. Чаще, чем обычно.

Я внимательно наблюдала за ним. Уэс был худощав, с заметно проступающим прессом, широкой грудью. Мускулы на спине красиво двигались под кожей. Он достал боксеры и

повернулся ко мне.

Беззастенчиво я продолжала смотреть на него.

— Ты устала? — спросил он.

— Ага.

— Тогда перестань так смотреть на меня, потому что все чего мне хочется, так это трахнуть тебя.

Уэс завладел моим вниманием, как только вышел из ванны, но теперь я была прикована к месту. Я медленно села, дотянувшись до него и пролезла пальцем под его полотенце. Ехидно улыбаясь, я притянув его поближе к себе.

— Внезапно, всю усталость как рукой сняло.

Через секунду я уже ощущала его теплое тело над своим. С закрытыми глазами я улыбалась в потолок и обернула руки вокруг его шеи. Мне отчаянно хотелось, чтобы он поцеловал меня, но у него были другие планы. Он целовал мою шею. Щеки. Подбородок.

К тому времени, как его губы оказались над моими, я впились ногтями в его кожу, оставляя царапины. Дыхание стало прерывистым.

Он подождал еще секунду и поцеловал меня. В поцелуе не было ничего нежного или сладкого. Как в том, который был раньше утром. Этот был страстным и пылким, словно он думал, что чем крепче поцелует меня, тем быстрее сможет унять нарастающее между нами желание. Приподнявшись на локтях, я поцеловала его в ответ с такой же силой.

Его руки скользнули под мою блузку, миновали живот и властно сжали грудь.

Это я называла сумасшедшим отрывом. На публике Уэс был спокойным и сдержанным. Наедине со мной он был совсем другим: диким, опасным. Он схватил меня, его пальцы буквально проникли под кожу. Он отдавал приказы, и я следовала каждому. Я испытывала такой кайф, когда находилась рядом с таким Уэсом.

Голод между нами продолжал нарастать.

Я приподнялась, чтобы снять блузку. За ней последовали брюки. Я потянулась, чтобы прикоснуться к нему, но он так сильно схватил меня за руки, что не было ни единого шанса вырваться, и задрал их над головой.

— Не сейчас, — тяжело выдохнул он.

Я кайфовала от этого. Соблазнение было игрой Уэса, и он был хорошим игроком.

Я улыбнулась, чувствуя, словно наполовину схожу с ума. Полотенце упало с его талии, оставив его голышом. Его хватка ослабла, и я начала гладить его. Полными желанием глазами, Уэс наблюдал за мной. Он чуть сжал мои пальцы. Затем приоткрыл рот и резко выдохнул. Я не могла отвести от него взгляд, даже если бы постаралась.

Уэс постоянно контролировал каждое мгновение своей жизни, но в такие моменты он не мог передо мной устоять, и я любила каждую секунду этих мгновений.

— Черт, — прошипел он.

Он раздвинул мне ноги. Его руки удерживали меня за голову голову. Уэс вошел в меня. Мои глаза были закрыты и я резко выдохнула.

Уэс так мучительно медленно входил в меня, что мои бедра сжались, а пятки впились в матрас. Он наблюдал за каждым моим движением с притягательным блеском в глазах.

Я чувствовала, как кровь бежит по венам; моя кожа горела.

Уэс повел бедрами. Пот выступил у него над верхней губой и линией волос. Его темп ускорился и на секунду, мы стали одним целым. Так погружены в жизни друг друга, словно ничто не сможет нас разлучить.

Я закрыла глаза, но все равно видела одного только Уэса.

ГЛАВА 7

Ноябрь 2015

— Виктория?

Постепенно я возвращаюсь к настоящему. Кожа больше не ощущает тепло солнца. Счастливые воспоминания тают. На мне снова черные тренировочные брюки, серая футболка и халат. Приятный аромат сменяется запахом чистящего средства Lysol.

Это испытание реальностью, если такое вообще существует.

— Виктория? Ты в порядке?

Доктор Кэллоуэй смотрит на меня с озабоченным выражением на лице.

Я поднимаю свадебную фотографию.

— Я вспомнила этот день.

— В первый раз?

Я киваю и в подробностях рассказываю ей о том, что видела. Она все записывает, ни разу не перебив меня. Когда я заканчиваю, она откладывает ручку и вяло улыбается мне.

От воспоминаний руки трясутся, и я едва в состоянии удержать Эвелин. Воспоминание было таким ярким, так реалистичным, что даже не верится, что это могло произойти несколько лет назад, а не только что.

— Это великолепно, — сообщает мне доктор Кэллоуэй, — ты что-то вспомнила.

Знаю, что она хочет, чтобы я рассказала ей обо всем поподробнее, вплоть до мелочей, но я нетерпелива. Я все что угодно готова сделать, лишь бы покинуть это место. Хочу мгновенных результатов. Сначала вспомнить один кусочек, а потом вспомнить все.

— Сколько там фотографий?

Доктор Кэллоуэй перетасовывает их. Все это чисто для виду, ведь я знаю, что она давно пересчитала фотографии.

— Около двадцати.

— Можно взять их?

— Конечно. Они твои.

Я запикиваю фотографии в карман. Понимаю, что на снимках я, но столь невероятно смотреть на запечатленное воспоминание и не помнить этот момент. Я медленно встаю, не зная, что сказать или сделать. Похоже на Эвелин моя негативная энергия тоже оказала влияние. Она смотрит на меня своими голубыми глазками и на ее личике словно написано: «Ну, это тебе помогло?»

Я трусливо отвожу глаза в сторону

— Мы будем обсуждать все эти фотографии? — спрашиваю я доктора Кэллоуэй.

— Если хочешь, то да. Думаю, они могут сильно помочь в восстановлении твоей памяти.

Это снова приводит меня к мысли как можно скорее убраться из этого места. Появился лучик надежды. Я направляюсь прямо к двери. Моя рука зависает над ручкой и я гляжу на доктора Кэллоуэй, думая, как рассказать ей свои мысли.

— Что произойдет, если я вспомню что-то плохое?

— Мы придумаем, что с этим сделать, когда это произойдет, — она улыбается мне,

— Все будет хорошо.

Я киваю и говорю «хорошо», но, по правде говоря, я отношусь к этому скептически: три года ценных воспоминаний запутаны в клубок. И мне нужно распутать их один за другим.

За дверью ждет Элис. Не говоря ни слова, я поворачиваю в сторону комнаты отдыха. Она не спрашивает, как прошел мой день. Как дела у Эвелин. Или как прошел сеанс. Уверена, что заботливой медсестрой ей никогда не стать. Прямо сейчас, я очень благодарна за это. У меня есть возможность хорошенько подумать о воспоминании. Теперь, когда они начали ко мне возвращаться, я поражаюсь тому, что вообще смогла забыть о них. Если хорошие воспоминания забылись так легко, то что же произошло с плохими?

Я опускаю взгляд на свои руки. Теперь мне вспоминаются те времена, когда я помогала людям: держала испуганных пациентов за руки, перевязывала раны...

Как иронично то, что роли поменялись.

Войдя в комнату отдыха, я сажусь за свой любимый столик, но вместо того, чтобы играть в карты или смотреть телевизор, наблюдаю за людьми.

Никогда не задавалась вопросом, почему люди попадают в Фэйрфакс.

Список, висящий на двери ежедневно пополняется новыми именами. Лица появляются и исчезают. Я не предприняла ни единой попытки познакомиться ни с кем из них. Хотя сейчас я только об этом и думаю. Девушка, забившаяся в угол: хочет ли она быть здесь? Или вон та женщина — полагаю, что ее зовут Лотти, — она здесь дольше меня и постоянно напевает «Боже храни Америку»: что заставило ее променять родной дом на Фэйрфакс?

Телевизор работает почти бесшумно. Разговоры между медсестрами и пациентами почти не слышны. Всегда считала, что тишина здесь наступает только тогда, когда пациенты задерживают дыхание, ожидая, что произойдет потом, но теперь, когда я не под воздействием лекарств, я вижу правду.

Здесь нет воздуха.

Мы вдыхаем безумие.

Выдыхаем безумие.

А люди вокруг меня? Кажется, что их это не волнует. Никто не спорит с медсестрами и не пытается сбежать через окно. Никто не догадывается, что наши движения скованы, что нами руководят каждую секунду, чтобы мы не сбились с пути.

Пациенты сидят и ходят кругом, словно это нормально.

Еще совсем недавно я была такой же как они.

Я закрываю глаза и потираю виски. Одно единственное воспоминание так сильно взбудоражило меня. Как же я буду чувствовать себя, когда вернутся остальные? Даже думать об этом боюсь.

— Кстати, не за что.

Я так резко оборачиваюсь, что чуть ли не падаю со стула. Ригэн выдвигает стул напротив меня и садится. Сегодня на ней черные тренировочные брюки, а поверх накинут больничный халат. Она скрещивает руки на груди. Они как две тонкие палочки, которые едва поддерживают ее. Ригэн кажется такой хрупкой. Словно в любой момент сломается напополам.

— О чем ты говоришь? — уточняю я.

Ригэн закатывает глаза.

— За вчера. За то, что подставилась для тебя. Была приманкой. Как хочешь, так и называй.

— Это было ради меня?

— Что-то типа того.

Я прищуриваюсь. Общаться с Ригэн проблематично, так как почти каждое ее слово

пронизано иронией. Никогда не скажешь наверняка, когда она серьезна. Ее разрушительная личность доводит всех до умопомрачения, включая меня.

Девушка резко наклоняется вперед, и ножки ее стула громко ударяются об пол. Ее темно-зеленые глаза распахнуты от волнения. Я тоже наклоняюсь к ней.

— Мне просто нравится выводить из себя эту старую гримзу.

Ригэн поворачивается на стуле и указывает на Элис, которая как раз разговаривает с другой медсестрой.

Ригэн поворачивается ко мне.

— За вчерашнее мне пришлось торчать в белой комнате.

Я подавляю дрожь. Белая комната — кошмар каждого пациента. Я не была там, но слышала ужасные истории. Не знаю, были ли они такими для накала драматизма, но проверять мне этого совсем не хочется.

— Ну, — медленно начинаю я, — спасибо за вчера?

Ригэн улыбается мне, словно мы лучшие друзья.

— Не за что.

В этот момент в помещение входит Элис. Ригэн вскакивает со стула и показывает на нее.

— О Боже. Это же Атилла — Вождь Гуннов! — драматично кричит Ригэн, — Все и укрытие!

Элис смотрит на нее. Даже несмотря на то, что ее внимание приковано не ко мне, меня охватывает дрожь.

— Тебя здесь быть не должно.

— Почему нет? — с вызовом отвечает Ригэн.

— Из-за того, что ты натворила вчера. Ты потеряла много баллов.

В Фэйрфаксе используется система баллов. Наше подобие валюты. Если твои десять баллов не тратятся за один день, значит ты хороший пациент. Если ты их теряешь — то теряешь соответственно и свои привилегии. Значит, за тобой нужно внимательнее приглядывать. Бывали случаи, когда люди ломались из-за потери одного очка.

Но Ригэн, кажется, потеря очков нисколько не волнует.

— Что я натворила вчера? Что я натворила вчера... хммм.

Ригэн прижимает указательный палец к губе.

— Я вчера много чего делала. Придется тебе просветить меня о том, что я вчера делала.

— Вставай.

Элис не дает ей ответить и дергает ее за руку.

— Не, не, — цыкает Ригэн, — если так дальше будешь хватать пациентов, то не выиграешь звание работника месяца.

Элис отпускает ее.

— Теперь, прежде чем я вернусь в «свою комнату», можно я быстро перекурю?

— Нет. Ты потеряла свою привилегию на курение.

— Это вранье!

— Нет. Ригэн, ты знаешь правила.

Они выходят из комнаты, но их споры слышны даже через стену.

Я нервно перевожу взгляд на входные двери. Это безумие, но я все еще жду, когда в них войдет Синклэр. Я не вспомнила его. Пока еще не вспомнила. Но я знаю, что он может помочь мне с моим прошлым.

Его глаза следят за мной.

Прошлой ночью мне приснились эти глаза. Они смотрели на меня также напряженно, как вчера. Но мы были не в Фэйрфаксе. Не помню, что нас окружало; помню только то, что в воздухе витал запах цветов и нас разделял большой стол. Его губы двигались, но я не могла разобрать ни единого слова. Затем, очень медленно, он потянулся через стол к моей руке. Его рука придвигалась все ближе и ближе. Воспарила над моей, и я проснулась.

Еще никогда так отчаянно мне не хотелось вернуться в сон.

Мне кажется, что если он снова навестит меня, то я смогу сложить кусочки сна. Но стрелка часов неумолимо бежит вперед.

Именно тогда, в дверях появляется моя мать, как и каждую субботу, ровно в одиннадцать утра. Идет ли дождь, светит ли солнце — она всегда приходит..

Она вводит меня в курс дела касаясь всего за пределами Фэйрфакса: друзей, семьи, сплетен, событий. Обо всем. Кроме моего мужа. Когда я спрашиваю про Уэса и когда он придет, она замолкает и старается сменить тему.

Я смотрю, как мама регистрируется и спешит к моему столу. Она одаривает меня улыбкой. Эта улыбка сильно отличается от той, которой она улыбалась мне, когда смотрела свадебные фотографии. Тусклая улыбка, которая не отражается во взгляде.

— Рада видеть тебя, милая, — говорит она.

Прежде чем сесть, она подходит, чтобы обнять меня. Меня окутывает запах ее цветочного парфюма. В ней ничего не изменилось. Она безупречна. Начиная с ее идеально уложенных в стильный боб волос, идеально отутюженных черных брюк и темно синей приталенной блузки до туфель на каблуках.

— Как ты?

Я отвечаю ей, как и всегда.

— Все хорошо.

Все внутри у меня умирает от желания рассказать ей о том, что произошло сегодня: фотографии, воспоминания. Обо всем. Но если прошлое и научило меня чему, так это тому, что мама тоже считает, что я вру. Она не верит мне, когда я говорю ей, что Уэс жив.

Она кивает, сжимает свою сумочку, словно все пациенты окружающие нас, только и мечтают вырвать ее из рук.

— Это замечательно, — мягко отвечает она.

Мама обводит взглядом комнату, и замечает худую пациентку, играющую в шашки. Девушка ловит взгляд матери и, подскочив со своего сидения, одергивает больничный халат. Она встает прямо перед моей матерью.

— Бууу! — кричит девушка.

Моя мать подскакивает, и медсестра немедленно уводит девушку, говоря ей, что она должна спокойно играть в шашки или у нее отнимут очки. Девушка начинает плакать. Она так сильно рыдает, что у меня сердце ноет. Есть разновидности плача, которые слышны даже из холла: ветер доносит до нас звуки рыданий. Такой плач создает не самую лучшую репутацию психам.

— Раньше я ее не видела.

Мама отряхивает рукава блузки, словно пытается смахнуть с себя безумие пациентки.

— Как у тебя дела? — интересуюсь я.

Она внезапно приободряется.

— Великолепно! Вчера устраивала легкий завтрак для леди. Все прошло прекрасно.

Тебе бы понравилось.

— Это хорошо, — отвечаю я, но глубоко в душе задаюсь вопросом: а на самом деле, понравилось бы ли мне?

Следующие несколько минут она рассказывает обо всем, что произошло в ее жизни. Вам может показаться, что мало что может измениться за неделю, но моей матери это не касается. Она всегда перемещается с одного мероприятия на другое.

Я ерзаю на стуле.

— Слушай, мне хотелось кое о чем с тобой поговорить.

— О чем?

— Кое о чем из моего прошлого.

— Ладно... — неохотно соглашается она.

— Какой была моя жизнь до Фэйрфакса?

На ее губах появляется мягкая улыбка. Она тянется через стол и накрывает мою руку ладонью.

— Она была прекрасной. Абсолютно великолепной.

Искренность в ее голосе не может быть поддельной.

— Вчера у меня был посетитель.

Ее плечи напрягаются. Спина выпрямляется.

— Кто?

— Синклэр Монтгомери.

Его имя повисает между нами. Взгляд ее глаз говорит о том, что она знает, что мне известно о списке. Но она не начинает оправдываться.

— У персонала есть список тех, кому можно и нельзя навещать меня?

— Ну, да, но...

— Кто еще в этом списке? — перебиваю я ее.

Моя мать бледнеет.

— Извини?

— Кто еще в этом списке?

— Синклэр и Рэне.

Я выдыхаю и пытаюсь держать себя в руках.

— Разве ты не должна была мне об этом сказать? Разве не должна была сообщить мне, что *есть* такой список?

Мама закрывает глаза и потирает нос.

— Виктория, я просто пытаюсь помочь.

— Как это должно помочь?

В ее глазах сверкает раздражение.

— Ты сказала, что пришла в Фэйрфакс, чтобы отдохнуть и хотела убедиться, что никто или ничто не встанет у тебя на пути.

— Ты должна была позволить решать мне самой.

— Знаю, знаю. Прости. Думала, что так будет лучше для тебя.

По боли в ее глазах, я думаю, что она говорит искренне. *Мне хочется верить*, что так оно и есть.

— Итак, — улыбается она, — о чем еще мы можем поговорить?

— Можем поговорить про Уэса.

— Почему?

— Потому что я пытаюсь покинуть Фэйрфакс?

Ее лицо озаряется.

— Это замечательные новости, но какое отношение это имеет к Уэсу?

— Потому что мне никто не верит. Ты всегда говоришь мне, что хочешь, чтобы я отсюда ушла. Так вот это твой шанс помочь мне.

Мама откидывается на стуле, словно я попросила ее пожертвовать мне почку. Могу видеть, как быстро мечутся ее мысли. Она хочет помочь мне. Это легко заметить. Но согласится ли она? Вот в чем вопрос.

— Виктория, — медленно начинает она, — не знаю, смогу ли я это сделать.

Я смотрю на Эвелин и нежно поглаживаю ее по голове. Мое сердце бешено стучит.

— Почему нет?

— Потому что он мертв.

Единственная мысль в голове: «Ну вот опять». Почему я решила, что в этот раз все будет по-другому? Я быстро моргаю, пытаюсь сдержать слезы.

Я поднимаю голову и смотрю ей в глаза.

— Нет, он жив, — яростно шепчу я.

— Нет, он мертв. Милая... — она облизывает губы и смотрит на стол, — я опознала тело.

Она не в первый раз это говорит. Я не поверила ей тогда, и не верю сейчас.

— Нет, не опознала.

Ее рука тянется к моей. Я отдергиваю ее. Она громко вздыхает.

— Ты даже не хочешь меня слушать.

— Потому что ты лжешь, — я наклоняюсь вперед, — я вижу его все время.

— Давай остановимся и подумаем о том, что ты предлагаешь, ладно?

— Ты имеешь в виду мою просьбу о помощи?

Моя мать намеренно игнорирует меня и продолжает.

— Если я поддамся и скажу докторам, что Уэс жив, хотя это не так, тогда получится, что я поощряю тебя.

Я хлопаю ладонями по столу. Эвелин на моих коленях начинает ерзать.

— Я буду продолжать верить, хочешь ты этого, или нет.

Моя мать сочувствующе на меня смотрит, от чего я только сильнее злюсь. Я повышаю голос.

— Он приходит каждый вечер в одиннадцать. Он говорит мне...

Моя мать оглядывается, словно мы под наблюдением, затем перебивает меня и тихо говорит:

— Тебе нужно успокоиться, хорошо? Я не пытаюсь расстроить тебя.

Вас когда-нибудь пытались убедить в том, что по вашему мнению не может быть правдой? Ужасное ощущение. Сердце яростно подпрыгивает в груди. Я прикусываю щеку и мысленно повторяю: *Я права, я права, я права, я права, я права...*

Мы обе замолкаем. Мне нечего сказать, и она ничего не может сделать, чтобы смягчить ситуацию. Наконец она говорит.

— Ты хочешь чтобы я ушла?

Часть меня хочет этого. Но сильнее мне хочется, чтобы она осталась: если она останется дольше, чем на час, на целый день, тогда, может быть, просто может быть, она увидит Уэса.

— Не надо, если ты сама этого не хочешь.

— Очень хорошо, — она кивает, — я останусь.

Эвелин продолжает извиваться, поэтому я сильнее прижимаю ее к груди, зная, что она забирает мою злость и отчаяние. Я делаю глубокие вдохи, и медленно, но она успокаивается.

— У меня есть другой вопрос.

— Виктория, если это снова про Синклэра...

— Конечно про него. Этот мужчина объявился и поклялся, что знает меня. Затем я узнаю, что вы держали его от меня подальше...

Я глубоко вдыхаю и осторожно смотрю на мою мать.

— Что ты знаешь, о чем не знаю я?

— Я знаю, что этот мужчина не принесет ничего, кроме плохих новостей.

— Но...

— Нет, ты должна выслушать меня.

Мама наклоняется вперед, в ее глазах плещется страх и отчаяние.

— Весь прогресс, которого ты достигла в Фэйрфаксе, исчезнет, если ты продолжишь с ним видеться. Ты понимаешь?

— Кем он мне приходится? — шепчу я.

Моя мать сопротивляется.

— Он был и есть твоя точка отсчета. Корень твоих проблем.

— Хватит говорить загадками. Просто скажи правду, — умоляю я.

— Виктория, я не собираюсь делать это прямо сейчас.

Она встает и я иду за ней, разочарованная тем, что она не хочет мне помочь.

— Я выдержу все, что ты мне скажешь. Это не сломает меня.

Ладно, ладно. Я немного преувеличиваю, но я в таком отчаянии.

Моя мать улыбается и обходит стол. Она касается пальцами моей щеки. Убирает волосы за ухо.

— Ох, Виктория. Оглянись, дорогая. Ты уже сломлена и во мне нет ни единой частицы, которая хочет видеть, как ты разрушаешься еще сильнее.

Повисает молчание.

— Увидимся позже, — наконец говорит она. Поцеловав меня в щеку, она бежит к двери, словно приспешники Сатаны наступают ей на пятки.

— Ты когда-нибудь поверишь мне насчет Уэса? — кричу я.

Она останавливается и оборачивается.

— Как я могу? Ведь я знаю правду.

Я громко сглатываю, боясь слов, которые собираюсь произнести.

— Если ты не веришь мне, тогда не приходи больше.

Она вздрагивает от моих слов, как и я сама.

— Ты же не серьезно?

— Серьезно. Практически все в этом месте думают, что я вру, и ты должна быть последним человеком, который думает так же.

Она высоко поднимает голову, глядя на меня царственно и сдержанно, как делала, когда я была еще ребенком. Ее губы сжаты в тонкую линию. Побелевший кулак, сжимающий ручку сумки — единственный признак того, что она злится.

— Очень хорошо, если это то, чего ты хочешь, тогда считай, что мы договорились.

Не говоря больше ни слова, она разворачивается и уходит.

ГЛАВА 8

— Все должны успокоиться! — кричит одна из ночных медсестер.

Она стоит перед телевизором, держа над головой прозрачную миску, заполненную маленькими кусочками бумаги, на которых написаны наши имена. Включен свет, занавески задернуты. Столы отодвинуты в стороны, а стулья стоят дугой по восемь штук в три ряда, повернутые к телевизору. Экран голубой, с медленно перемещающейся по нему символикой DVD. Последний десять минут я наблюдаю за этой эмблемой, ожидая, что она, наконец-то доберется до правого угла.

Грустно, что мой день проходит именно так. Каждый четверг у нас кинопоказ. Если спросить медсестру или доктора, то они ответят, что большинство пациентов это «воодушевляет». Но *воодушевляет* это просто приукрашенное слово для *вынуждены*. Если только из глаз не течет кровь или ты не бьешься в конвульсиях на полу, ты должен быть в комнате отдыха на кинопоказе.

Все вокруг меня шикают и смотрят на Сьюзан.

— И шанс выбрать сегодняшний фильм выпадает. Сьюзан вытаскивает имя и ставит миску.

— ...Луиз!

Когда была очередь Ригэн, она выбрала *Прерванную жизнь*. (Примеч. ред. *Прерванная жизнь* — фильм, повествующий о жизни группы девушек в психбольнице и после побега из нее.) Они заставили ее выбрать по-новому. Следующим выбранным фильмом стала *Сибил*. (Примеч. ред. *Сибил* — трагическая история страдающей от многочисленного расщепления личности молодой женщины Сибил, которая показывает последствия нечеловеческих издевательств со стороны её матери.)

Не стоит говорить о том, что Ригэн больше не давали выбрать фильм.

— Луиз, какой фильм ты хочешь сегодня посмотреть?

Взрослая женщина потирает руки, обдумывая вопрос, словно ответ на него является самым важным событием в ее жизни.

— *Звуки музыки!* — наконец выдает она. (примеч. ред. *Звуки музыки* — фильм-мюзикл, главную роль в котором исполнила Джули Эндрюс.)

Среди тихих аплодисментов и возгласов одобрения, раздается рычание Ригэн.

— Снова этот фильм? Мы видели его уже раз десять! Мы поняли. Джули Эндрюс умеет петь.

Медсестра округляет глаза.

— Не важно. Очередь выбирать за Луиз.

— Тогда можно мне вернуться в мою комнату, пожалуйста?

— Нет.

— Я сказала, пожалуйста.

— А я сказала нет.

Ригэн ерзает на стуле. Из всех стульев, она выбрала тот, который стоит справа от меня. По непонятным для меня причинам, она приклеилась ко мне. По правде говоря, не так уж это и плохо. Здорово, что здесь есть с кем поговорить.

«У тебя есть дочь!» — подсказывает мне мой разум.

Мгновенно во мне просыпается чувство вины, и я поглаживаю Эвелин по спинке. Конечно же, у меня есть моя дочь, но иногда приятно поговорить с тем, кто ответит тебе. Я

люблю прекрасную улыбку Эвелин и ее пухлые щечки. Люблю то, как она смотрит на меня, словно я центр Вселенной. Я люблю все это, но мне также нужно пообщаться и с кем-то постарше.

Медсестра включает проигрыватель. Пока идут вступительные титры, она начинает раздавать нам пластиковые стаканчики с попкорном. Выключают свет и раздражающее шипение утихает. Наконец-то, все погружены в просмотр, но ничто, даже Джули Эндрюс и ее миленький голосок, не могут оторвать меня от реальности. Я чувствую на себе взгляд Ригэн и еще чей-то. Несколько раз я поворачиваюсь в кресле, но никого не замечаю.

— Что ты делаешь? — интересуется Ригэн.

Я поворачиваюсь лицом к телевизору. Эвелин начинает ерзать. Я быстро целую ее в щеку.

— Ничего.

Ригэн подбрасывает зернышко попкорна в воздух. Она наклоняется вперед и ловит его ртом.

— Ой, прекрати. Если врешь, то делай это хорошо. Могла бы сказать, что просто потягиваешься.

— Если бы я так сказала, ты бы поверила мне?

— Нет, но восхитилась бы, как быстро ты придумала ответ.

Я улыбаюсь и возвращаюсь к просмотру фильма.

— Сколько тебе лет? — напрямую спрашивает Ригэн.

Никогда не видела людей, которые так быстро меняют тему разговора. Я становлюсь одержима разговорами с ней.

— Некультурно спрашивать человека о его возрасте, — ставлю я ее на место.

Она подбрасывает еще одно зерно, но в этот раз оно попадает в Эмбер, девушку, сидящую перед нами. Она анорексичка, которая находится тут столько же, сколько и я. Она хуже прежнего, и пока у нее нет ни единого шанса, чтобы выбраться отсюда.

— Некультурно только в том случае, если человек уже совсем древний, — не сдается Ригэн. — Ну так сколько тебе?

— Двадцать семь. А тебе?

— Восемьдесят пять, — невозмутимо отвечает она, — я как *«Загадочная история Бенджамина Баттона»*. (примеч. ред. — *Загадочная история Бенджамина Баттона — история о мужчине, который родился в возрасте 80-ти лет, а затем... начал молодеть.*)

Это заявление вызывает у меня улыбку.

— Мне двадцать три, — серьезно говорит она.

Ее ответ шокирует меня. Ей не дашь больше восемнадцати. Может она создала такой образ. Бледная кожа буквально натянута на маленькие кости. Или может дело в ее смехе. Уникальный звук, словно она украла у жизни все удовольствия и использует каждую последнюю каплю.

Без сомнений, Ригэн — сумасшедшая, но иногда мне хочется побыть такой же. Хотя бы на несколько секунд.

— Ребенку нравится фильм? — она подбрасывает очередное зернышко в воздух. В этот раз оно отскакивает от головы Эмбер. Ее худенькие плечи вздрагивают, и я знаю, что еще чуть-чуть и она вспылит.

Я осторожно смотрю на Ригэн.

— Хватит называть ее «ребенок». Ее зовут Эвелин.

Ригэн складывает ладони вместе, моля о пощаде.

— Мой косяк, мой косяк. Эвелин.

Я все еще не верю ей и немного крепче сжимаю Эвелин.

— Эвелин нравится фильм?

— Она ребенок. Она не понимает, что происходит.

— Ну, хоть в чем-то я полностью с тобой согласна, — подмечает она.

Она еще несколько раз подбрасывает попкорн и он пару раз действительно попадет в рот.

— У тебя здесь не так уж и много друзей, правда?

— Нет.

— Давай держаться вместе, дорогая Мамочка. Будем folie a deux Фэйрфакса.

— Что такое folie a deux?

Ригэн поворачивается и загадочно мне улыбается.

— Безумие на двоих.

Прежде чем я успеваю ответить, к нам поворачивается Эмбер и стреляет в Ригэн взглядом полным ненависти.

— Можете разговаривать потише?

— Конечно же, я могу *не* говорить так громко, но тогда какое в этом веселье?

Эмбер выхватывает у Ригэн попкорн, из-за чего одна из медсестер встает с места.

— Девочки, — предупреждает она.

— У нас все хорошо. Все хорошо, — говорит Ригэн и улыбается очаровательной улыбкой.

Медсестра садится на место, и впервые за весь вечер, Ригэн сидит тихо. Думаю, что так лучше для нее. Несмотря на всю ее ненависть к этому фильму, она не сводит взгляд с экрана. А я, черт подери, до сих пор не могу ни на чем сфокусироваться. Я продолжаю думать о сегодняшнем разговоре с матерью. Велев ей больше не приходить, я действительно надеялась, что она смилуется и скажет, что верит мне. Что она будет стоять за спиной, пока я медленно буду воспроизводить свое прошлое.

Я ожидала от нее слишком многого? Может быть. Но, может быть, я слишком мало думаю о себе. Мне невыносимо нести это бремя.

— *Почему ты напугана? Ты самый храбрый человек, которого я знаю.*

Открыв от изумления рот, я оборачиваюсь, ожидая увидеть позади себя Синклэра. Но его там нет.

Фильм продолжается. Эвелин крепко засыпает. Вскоре и я начинаю клевать носом, когда слышу голоса позади меня. Один женский, другой мужской. Через несколько секунд я сажусь прямо и оборачиваюсь. Я знаю этот голос. Он что-то пробудил во мне.

Сердце у меня стучит как барабан, когда я понимаю, что это Синклэр. Он стоит у входа, разговаривая с одной из медсестер. Он что-то быстро говорит. У Кэйт суровое выражение на лице, но она не перебивает его. Я попросила доктора Кэллоуэй, чтобы она вычеркнула его из запрещенного списка, но сделала ли она это? Боже, надеюсь, что да.

— На что ты смотришь? Ты меня уди...

Голос Ригэн затихает, когда и она оборачивается.

— О. Высокий, темный и опасный. Не нужно объяснять.

— Его зовут Синклэр.

Нет никакой необходимости произносить его имя, но мне нравится произносить его.

Есть в этом нечто правильное.

Я перевожу взгляд на Ригэн.

— Ты видела его раньше?

Она кивает.

— Много раз.

Я пытаюсь скрыть ухмылку на лице, целуя Эвелин. Мысль о том, что за мной приглядывают, что кто-то хочет видеть меня, позволяет мне ощущать себя не такой одинокой. Дает мне надежду, что можно двигаться дальше. Но к этому чувству примешано еще что-то. Что-то, что мне незнакомо и я не могу объяснить.

В комнату входит Сьюзан и жестом подзывает меня к себе. Я встаю, внезапно ощущая неловкость. Ощущаю на себе множество взглядов, но сильнее всех взгляд Синклэра. Кажется, что еще чуть-чуть и моя кожа воспламенится.

— К тебе посетитель, — шепчет Сьюзан, — но давайте скорее. Часы посещения у нас до...

— До семи. Да, я знаю.

Она пожимает плечами и возвращается к стойке медсестер. Я следую за ней, шурясь от яркого света в холле. Когда глаза привыкают к яркому свету, я смотрю на Синклэра. В холле пусто, нас оставили наедине.

Не имею ни малейшего понятия, что сказать. Возможно, на физиологическом уровне я реагирую на него, но не стоит упускать из виду тот факт, что это только вторая наша встреча.

Он улыбается. Просто улыбка, но что же она со мной делает! Эта не та же самая улыбка, которой он улыбнулся несколько дней назад медсестре. И не просто дружелюбная улыбка. Это родная улыбка, словно все годы моей жизни она сопровождала меня. Все кажется таким нелепым. Невообразимым. Невозможным.

— Как ты? — тихо спрашивает он.

Правило психушки № 101: Каждый будет спрашивать о том, как у тебя дела. Тебе необходимо будет найти ответ, который устроит каждого.

Но я не хочу так отвечать Синклэру, поэтому говорю:

— Бывало и лучше.

Выражение на его лице становится озабоченным.

— Что случилось? Все в порядке?

В комнату входит пациент, садится на стул и раздраженно шикает на нас. Я смотрю на него.

Синклэр указывает на площадку за входной дверью.

— Не хочешь пойти туда?

Я киваю, и он пропускает меня вперед. Синклэр идет рядом со мной, касаясь рукой. Тепло бежит по моей коже, прямо к кончикам пальцев. Я устремляю взгляд вперед, хоть и чувствую на себе его взгляд.

Мысли меняются со скоростью света.

Спроси у него о его сестре!

Нет, спроси про себя. Может быть, он сможет восполнить пробелы о твоём прошлом.

Он знает Уэса?

Где мы познакомились?

Все эти вопросы очень важны, но я не знаю с чего начать. Я прислоняюсь к стене, плечо упирается в доску с объявлениями, на которой висят флаеры о кинопоказе, специальной ночи игр или о мероприятиях на каникулах. Ярким пятном среди них выделяются глупые мотивационные постеры.

Между нами образуется небольшое расстояние, от чего мой пульс немного замедляется. Я быстро осматриваю его. Он на шесть дюймов выше меня. Я ему по плечо. Мне нравится эта разница в росте, то, как он затмевает меня. Когда я стою рядом с ним, появляется ощущение, словно никто не сможет добраться до меня. Ранить меня. От этого моему сердцу хочется петь.

На нем джинсы. Коричневый пиджак поверх рубашки. Снежинки прилипли к его темным, запутанным волосам. Мне хочется дотянуться и смахнуть снег. Меня поражает чувство дежа вю, словно я так уже делала.

— Все в порядке? — повторяет он.

Плохо то, что я торчу в психушке. Если скажу Синклэру, что чувствую, будто за каждым моим движением следят, то, возможно, он никогда не вернется.

А этого я не хочу.

— Все в порядке, — я провожу пальцами по головке Эвелин.

Его плечи расслабляются, когда он прислоняется к двери.

— Не могу поверить, что прямо сейчас разговариваю с тобой.

— Я попросила, чтобы тебя и твою сестру убрали из запрещенного списка. Если бы я знала, что вам воспрещен вход, то попросила бы раньше...

Синклэр быстро перебивает меня.

— Я знаю.

По его взгляду, я понимаю, что он не врет.

Возникает пауза, но это не то неловкое молчание, которое повисает между незнакомцами. Его присутствие рядом настолько знакомо, что делает молчание и разговоры о прошлых днях, проведенных вместе, комфортными. Что-то подсказывает мне, что если мы так простоим еще несколько минут, то я о нем что-нибудь вспомню.

Но я не могу молчать. В ту секунду, когда я увидела, как он вошел в Фэйрфакс, мое любопытство всплыло на поверхность, задавая вопросы и требуя ответов.

— Твоя сестра когда-нибудь еще навестит меня? — спрашиваю я.

Синклэр потирает шею.

— Рэне хочет, но...

Он наклоняется и смотрит на Эвелин отсутствующим взглядом. Эвелин смотрит на него.

— Много чего произошло с того момента как ты очутилась здесь.

Я выпрямляюсь. Хмурю лоб.

— Например, что?

Синклэр вздыхает и запускает руки в волосы.

— Я здесь не для того, чтобы запугать тебя.

— Тогда зачем ты здесь? — мне не удается скрыть отчаяние, которое звучит в моих словах.

— Чтобы помочь.

Я отворачиваюсь, оглядывая комнату отдыха, наполненную пациентами. Не хочу провести остаток жизни в ожидании завтрака, обеда и ужина. Не хочу провести остаток дней

в комнате отдыха, медленно теряя время. Если мне не удастся достучаться до Синклэра сейчас, то не удастся никогда.

— Я... я пытаюсь вспомнить своё прошлое, — признаюсь я.

Глаза Синклэра смотрят прямо на меня. У него проникновенный взгляд. Люди как он — опасны, потому что они не привлекают к себе внимание, но замечают все, происходящее вокруг.

— Это во благо или во вред? — спрашивает он.

— Попытка вспомнить прошлое?

Он кивает.

— Во... благо. По крайней мере, мне так кажется.

Ощущение того, что за тобой наблюдают, не пропадает ни на мгновение, и я оглядываюсь. Сьюзан и Кэйт стоят за стойкой медсестер. Никто на нас не смотрит.

— Я готова уйти из Фэйрфэкса, — признаюсь я.

Мириады эмоций отражаются в его глазах, но все что я могу видеть, это счастье.

— Это замечательно.

Я киваю и осторожно формулирую предложение.

— В прошлый раз, когда ты приходил сюда, ты сказал, что пытался навестить меня каждый день.

— Так и есть, — мгновенно отвечает он.

— Я знаю... я проверила списки.

Я нервно облизываю губы. Он касается меня рукой. По коже пробегает электрический разряд. Я слегка вздрагиваю.

Я сама не в себе, и всему виной он.

— Что ты помнишь обо мне? — спрашиваю я.

— Все. Я помню все о тебе.

Я смотрю на него из-под ресниц.

— Тогда расскажи мне.

Синклэр хмурится и говорит:

— Когда я навестил тебя в прошлый раз, было очевидно, что я шокировал тебя. Не хочу вываливать на тебя еще больше информации.

— Ты и не вываливаешь на меня информацию. Я прошу тебя рассказать мне.

Синклэр издает нервный смешок и потирает верхнюю губу.

— Да. Ладно. Я могу это сделать.

Он прочищает горло и наклоняется ко мне. Всего на дюйм. Хотя между нами еще приличное расстояние, мы практически соприкасаемся.

— Ты любишь садоводство и проводишь время на открытом воздухе. Любимый цветок — гортензия, и ты ненавидишь орхидеи. Твое любимое время года весна. Ты зависима от масалы. Любишь желтую прессу, и никогда не можешь оторваться от чтения хорошей книги...

Один за другим, список продолжается. Синклэр вываливает на меня информацию, словно он ходячая энциклопедия Виктории Донован.

То, что он говорит, звучит прекрасно, но я не могу ничего этого вспомнить. От беспомощности слезы выступают у меня на глазах.

Мне нечего сказать. Совсем нечего.

Синклэр останавливается.

— Хочешь, чтобы я продолжал?

Думаю, что если попрошу, то он так и будет выдавать все новую и новую информацию. Но моя голова переполнена всеми полученными фактами.

— Этого достаточно.

Он по-прежнему пристально смотрит на меня. Внезапно, мне начинает казаться, что на его вопрос не обязательно отвечать. Даже если и так, у меня все равно нет ответа.

— Этого достаточно.

Воздух покидает мои легкие и внутренности так сильно скручивает, что кажется будто они уже никогда не распрямятся.

— Мистер Монтгомери?

Мы одновременно поворачиваемся к Сьюзан. Она смотрит на нас и улыбается извиняющейся улыбкой.

— Часы посещения окончены.

Он быстро кивает ей, выглядя спокойным и держащим ситуацию под контролем, но я вижу, как его губы сжимаются в прямую линию. Это безумие, но я чувствую, что он не готов завершать беседу.

— Полагаю, мне пора.

Кажется, что в этот момент, он собирается сказать или сделать еще что-то. Он не сводит с меня глаз. Они говорят со мной. *Просто попробуй. Попробуй меня вспомнить.* Я подбадриваю себя, но он просто прощается и идет к двери.

— Подожди! — хватаю его за руку. Тепло, которое передается от его тела к моему, сродни молнии. И это все от одного прикосновения. Я сглатываю.

— Ты скоро опять придешь?

Синклэр улыбается мне улыбкой, о которой мечтают женщины. Улыбкой, от которой ускоряется пульс и появляется румянец на щеках.

— Конечно, приду. Я не брошу тебя здесь.

— Даже если я не вспомню кто ты?

— Особенно если не вспомнишь. Но ты вспомнишь, — уверенно говорит он.

— Откуда ты знаешь?

Синклэр пожимает плечами.

— Просто знаю.

Намек на улыбку играет на его губах. За ним таится воспоминание, которое мне хочется украсть у него, как свое собственное.

Его ответ приносит мне больше удовольствия, чем я ожидала.

Он снова прощается и уходит. Пока я сижу здесь, нечто глубоко во мне, нечто темное и скрытое, говорит мне, что Синклэр Монтгомери необходим мне для восстановления памяти.

Позднее вечером, я достаю фотографии из кармана и рассматриваю изображенную на них счастливую пару. Уэс не навещал меня уже два дня. Словно он знает, что у меня к нему много вопросов, и ему нравится держать меня в ожидании.

Дверь в мою палату медленно и зловеще открывается, и не глядя, могу сказать, что это Уэс.

Наконец-то.

Его тень ложится пол и бросает тень на половину моего лица. Все мое тело напрягается и я поворачиваю к нему голову.

— Как моя королева? — спрашивает он. Его вопрос звучит резковато.

Мое тело в настоящем, но разум цепляется за прошлое, удерживая восхитительные воспоминания так долго, насколько это возможно.

Он скрещивает руки, спрятав ладони под мышцы.

— Ты собираешься мне отвечать, Виктория?

Не могу смотреть на него. Эти воспоминания настолько яркие и живые. Мы дышали друг другом, а теперь все вот так?

— Нет, — бормочу я.

— Почему нет? У тебя был плохой день?

Из всех его слов сочится осуждение и сарказм.

Он садится рядом и пристально смотрит на фотографию. Запах одеколona, который окутывал меня в воспоминаниях, окутывает меня и сейчас. Я начинаю ртом глотать воздух.

— Ты помнишь этот момент?

Я киваю.

Уэс вздыхает.

— Мы были счастливы.

Занавески распахнуты, и сквозь них пробивается серебристый свет луны, озаряющий его лицо. В его карих глазах я вижу искренность, смешанную с болью.

— Насколько счастливы?

Уэс не отвечает, и от отчаяния я резко поворачиваюсь к нему, пока наши лица не оказываются на расстоянии дюйма друг от друга.

— Прости, — бормочу я.

За что я извиняюсь? Не знаю. Но я знаю, что случилось нечто очень плохое, что привело нас к этому. По выражению лица Уэса, я понимаю, что причиной всему я.

Это плохое случилось только один раз? Или все к этому медленно шло? Синклэр был частью плохого? Первый порыв сказать нет, но что-то не дает этого сделать.

— Просто скажи, что случилось с нами, — шепчу я.

Уэс качает головой.

— Я не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— И то, и другое.

Я опускаю голову на руки и борюсь с желанием закричать изо всех сил.

— Почему? — наконец спрашиваю я.

Я поднимаю голову и вижу, что Уэс смотрит на меня. Искренность растворилась и превратилась в волнение.

— Спроси Синклэра.

Мои плечи вздрагивают.

Уэс горько смеется.

— Что? Думала, я не узнаю, что он навещает тебя?

Я не отвечаю.

— Я все о нем знаю.

— Расскажи мне. Ты же знаешь, что я не помню.

Уэс вскакивает, возвышаясь надо мной. Я отступаю назад.

— Если так хочешь знать, спроси у него.

Он смеется над моим шокированным выражением лица, но этот смехок очень скорый, словно он старается изо всех сил не показывать свою боль.

Вина сжимает мое сердце, словно я могу быть причиной этой боли. Я понятия не имею, кем я была или что сделала, но я хороший человек. Я знаю, что я такая. Не важно, что произошло, я никогда бы сознательно не навредила Уэсу.

— Откуда ты знаешь его?

— А это важно? — отвечает он.

Нет? Да? Я не уверена. В последнее время каждая моя мысль рассечена, растянута так сильно, что сквозь нее я могу видеть ложь и обман по разные стороны. Даже если я спрошу себя. Но, если Уэс что-нибудь знает о Синклэре, хотя бы что-то, может это сможет оживить мою память.

— Я знаю все про него.

— Ты лжешь, — шепчу я.

— Зачем мне лгать тебе?

Мы смотрим друг на друга. Каждое его слово имеет для меня огромное значение. Пусть даже не могу определить, говорит он правду или нет.

Эвелин плачет, и я возвращаюсь к действительности. Подпрыгиваю, бегу к кровати и беру ее.

— Мне нужно позаботиться об Эвелин.

Я упрямо сжимаю ее в руках, надеясь, что Уэс поймет намек и уйдет. Стоит тишина и мне кажется, что он собирается остаться. Просто чтобы помучить меня. Но он кивает. Целует меня в макушку. Хочется верить, что этот жест наполнен любовью. Правда. Но я не могу. Я закрываю глаза и прикусываю щеку.

— Виктория?

Я оглядываюсь через плечо.

— Не верь тому, что он говорит.

Такое высказывание не предназначено для расставания. Мне хочется знать, почему он так сказал, но Уэс уже на выходе из комнаты.

— Просто иди вперед, — говорит он, — ничего хорошего не выйдет, если ты будешь оглядываться назад и смотреть в прошлое.

— Выйдет.

— Что, например?

— Моя свобода, например. Мы с Эвелин выберемся отсюда.

Уэс ни разу не взглянул на Эвелин. Ни разу. Его острый взгляд прикован только ко мне. Он грустно качает головой.

— Если ты так думаешь, то значит ты действительно сумасшедшая.

Дверь закрывается, и я остаюсь в тишине обдумывать его слова.

ГЛАВА 9

Только то, что некоторые фотографий растревожили воспоминания, не значит, что и другим удастся сделать тоже самое.

Я слишком нервничаю, чтобы поверить в то, что этот метод сработает еще раз.

Сердце стучит в ушах, пока я устраиваюсь поудобнее у доктора Кэллоуэй. Даже Эвелин перестала ерзать и смотрит на нее.

Моя карточка лежит на столе перед доктором. Поверх всех остальных. Знаю, что прозвучит мелочно и глупо, но мне нравится, что я на вершине. Это значит, что для доктора Кэллоуэй это тоже очень важно, и что в ее глазах, я не очередная сумасшедшая.

— Готова к новым фотографиям?

Я нервно постукиваю ногой по полу. Доктор Кэллоуэй замечает это. Она скрещивает пальцы и наклоняется ко мне.

— Что происходит у тебя в голове?

Я пытаюсь сделать глубокий вдох.

— Боюсь, что в этот раз фотографии не пробудят воспоминаний.

Доктор Кэллоуэй пожимает плечами.

— Все зависит от случая. Мы не знаем. Мы только можем начать процесс. Я не жду, что каждая фотография пробудит воспоминание. Я надеюсь, но если нет, значит, нет. Если фотографии будут на протяжении долгого времени пробуждать даже самые грустные воспоминания, значит мы на верном пути. Как ты относишься к этому?

Напряжение несколько спадает. Нервозность остается, но я не думаю, что это ощущение вообще когда-нибудь исчезнет.

— Звучит обнадеживающе, — отвечаю я.

Мы немедленно приступаем к работе. Каждый раз, когда она достает новые фотографии, я нервно сжимаю Эвелин в руках.

Первое фото: Уэс. Он смотрит в объектив, брови слегка приподняты, глаза распахнуты в удивлении, словно кто-то позвал его по имени. Он вспотел, волосы спутаны. Я удивлена видеть всегда серьезного и официального Уэса, таким обычным и домашним. Я осматриваю то, что его окружает, но ничто не кажется мне знакомым.

Второе фото: я. Руки в воздухе, широкая улыбка на лице. За мной большой дом в процессе постройки. Облицовка из кирпича. Уэс на заднем плане, стоит в дверном проеме. Он смотрит прямо в объектив, как и я, но в глазах такая ненависть, что у меня на шее волосы дыбом встают.

Третье фото: мы с Уэсом вместе, стоим обнявшись. Мы стоим на лестничной площадке нашего дома. Вокруг нас сияние. Я вижу, как возле стены стоят коробки. Улыбка Уэса искренняя. Но моя нет. Взгляд моих глаз какой-то мертвый.

Процесс ускоряется, прямо как в первый раз.

Затем я слышу их. Голоса. Поначалу они тихие, словно кто-то шепчет на ухо. Громкость нарастает, как и число голосов. Я пытаюсь заблокировать их, но их становится все больше.

Прямо перед глазами встает изображение Уэса прямо с фотографии, пока он не оказывается прямо передо мной, на лице застыло удивление. Комната начинает вращаться. Словно я кружусь на карусели, кружусь и кружусь. Вскоре все вокруг превращается в размытое пятно. Вижу огни. Очень медленно они приближаются ко мне.

Я пытаюсь заблокировать прошлое, но оно сильнее меня. Оно сжимает барьеры и крепко обнимает меня. Засасывает, унося подальше от настоящего...

Последнее что помню, как я прошу прошлое пощадить меня.

Пожалуйста, пожалуйста, будь на моей стороне.

ГЛАВА 10

Май 2013

Первая годовщина нашей свадьбы подкралась быстро и незаметно.

Вот мы идем по проходу к алтарю, отправляемся в медовый месяц и вот уже май. Если каждый год брака будет пролетать так быстро, то мы и глазом моргнуть не успеем, как уже будем отмечать золотую годовщину.

Вместо ужина в шикарном ресторане, мы решаем провести вечер дома. Наш дом быстро превратился в уютное убежище от стресса на работе и в жизни.

Мы заказали китайскую еду. Маленькие коробочки были расставлены по столу. У меня выдалась очень тяжелая неделя на работе. У Уэса тоже. Единственное, что подбадривало меня то, что наша годовщина будет в эти выходные. Мы были в пижамах. Атмосфера была расслабленная и домашняя, и я бы ни на что ее не променяла.

— Цели на этот год? — спросила я.

Уэс откинулся на стуле.

— Найти партнера.

— Конечно, конечно.

Я доела последний кусочек курицы в апельсиновом соусе и отставила коробку.

— Что-нибудь еще?

— Всегда быть счастливым. С тобой.

Уэс взял стакан, направил его в мою сторону и подмигнул мне.

— Что насчет тебя?

Внезапно в горле пересохло. Без сомнений мы счастливы. Кажется, что с каждым днем я люблю его все больше и больше. Мне хочется укрепить эту любовь. Хочу создать семью. Посмотрим, как к этому относится Уэс. В начале отношений мы думали о детях, но только в ближайшем будущем. Мне кажется, что оно уже настало. Уэс же готов подождать еще несколько лет.

Эта потребность, это желание возникло не из ниоткуда. Оно зрело во мне месяцами. Каждый раз, когда я видела, как женщина везет коляску, держит ребенка за руку в продуктовом магазине, или наблюдала за тем, как родители, перешептываясь, ведут ребенка за руки, все внутри сжималось.

Я всегда думала, что никого на свете я не люблю так сильно как Уэса, но что-то подсказывало мне, что когда я стану мамой, то любовь к ребенку будет гораздо сильнее.

— Я тут подумала... — медленно начала я.

Уэс поднял бровь и терпеливо ждал, когда я продолжу свою мысль.

— Я подумала, может, нам попробовать завести ребенка?

— Ребенка? — вяло переспросил он. Вопрос был задан без единой эмоции, словно я предложила ему выбрать, что он будет делать: мыть посуду или вынесет мусор.

На секунду это сбilo меня с толку. Я не могла предугадать его реакцию, но в глубине души надеялась, что он проявит больше интереса к этой идее. Немного.

— Ну, да, — ответила я.

Он посмотрел на меня в замешательстве. Желудок сжался; я не ожидала, что все так пойдет. Вообще.

— Смотри. — медленно начал Уэс, — Мы клялись всегда быть честными друг перед другом, так?

Я кивнула. Внезапно вышло, что эта клятва вышла мне боком. Страх и неприятное предчувствие слились воедино и поползли по моей спине.

— Я не хочу детей, — наконец-то выдал он.

Он пожал плечами и одарил меня полуулыбкой, словно это решение никогда не будет

пересмотрено, не важно, как бы сильно я не старалась.

— Вообще?

— Вообще.

Меня буквально контузило этой новостью. Я быстро заморгала.

— Почему нет?

— А у меня должна быть причина?

— Да.

— Да ладно тебе, Виктория.

У него вырвался смешок. Он поднял руки.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? Я не хочу детей.

— Хочу, чтобы ты сказал почему. Я не хочу детей, потому что... — выдала я, — заполни пробел, Уэс.

Он резко встал из-за стола, взяв в руки свою тарелку. Я пошла за ним, не готовая закончить этот разговор.

— Объясни мне почему, — настаивала я, — хочу об этом поговорить.

— Мы уже поговорили.

— Нет, мы начали, а потом ты взбесился.

— Я не взбесился!

Он выбросил остатки еды в помойку.

— Почему мы вообще об этом разговариваем?

— Потому что это важно для меня. Потому что ты спросил, какие у меня цели на этот год и я сказала, а теперь ты злишься на меня. Вот почему мы об этом разговариваем.

Уэс развернулся, вцепившись в уголок стойки. Все флюиды счастливой годовщины начали исчезать, их сменила злость.

Как и каждая нормальная пара, мы ссорились. Спорили. Но ссоры никогда не были долгими или настолько ужасными, чтобы оставить вмятину на наших отношениях. Один из нас всегда сдавался.

Но в этот раз, я собиралась сделать исключение. Ведь мы спорили из-за того, чего мне действительно хотелось.

— Ты должна закончить эту тему, — сказал Уэс, пытаясь сгладить ситуацию, — ты как собака с долбанной косточкой.

— Тогда просто ответь мне!

— Я не хочу детей, потому что не хочу ответственности, — выдал он.

Молчание. В гостиной орал телевизор, но на кухне было так тихо, что можно было услышать, как упала иголка.

— Сейчас мне хочется пожить для себя, и абсолютно не хочется думать о ребенке, Виктория.

— Так будет всегда. Никогда не будет подходящего времени начать семью.

— Если не будет подходящего времени, тогда зачем пытаться?

Он еще раз пожал плечами. Этот жест начал выводить меня из себя. Словно он заметил, как я расстроилась и разозлилась, но ему лень что-либо улаживать.

Я отступила на шаг назад. Его слова застряли в моем сердце.

— Хорошо, — выдохнула я, — так и запишем.

— Я бы спросил, есть ли проблема, но это заметно и так.

— Конечно есть! Я хочу детей!

Уэс скрестил руки.

— Ладно, допустим у нас родится ребенок. Что ты будешь делать, когда он родится?

Продолжишь работать и бросишь его?

Он произнес слова с такой злобой и ненавистью, что я вздрогнула.

— О чем ты говоришь? Я никогда не брошу своего ребенка.

Уэс покачал головой.

— У нас не будет ребенка.

Таким макаром он закончил разговор. Я развернулась и вышла.

— Виктория! Вернись!

Он поравнялся со мной и обхватил руками со спины.

— Прости. Мне хочется, чтобы у нашего ребенка было все самое лучшее. Все наше внимание. Загрузка на работе становится все сильнее, и я боюсь, что не смогу обеспечить ребенка той любовью и тем вниманием, которое он или она будет заслуживать. Вот и все. Я не хотел доводить тебя до слез, понимаешь? Даже если мы попытаемся завести ребенка, оглянься вокруг. Прямо сейчас нас только двое и мы уже переросли этот домик. Нам нужен дом — место, в котором мы сможем осесть.

Уэс нарисовал такую красивую картину. Она была такой заманчивой, такой совершенной, что я согласилась с ним.

— Тогда я возьму двухнедельный отпуск в больнице.

Слова так быстро сорвались с моих губ, что я даже не успела, как следует их обдумать.

Глаза Уэса загорелись.

— Ты в этом уверена?

— Да, — быстро сказала я. Чем больше я думала об этом, тем больше это приобретало смысла.

— Абсолютно.

Уэс остановился передо мной и обхватил мое лицо руками. Он улыбнулся и нежно меня поцеловал. Поцелуй был наполнен обещаниями и надеждами о нашем будущем. Когда мы оторвались друг от друга, я положила голову ему на грудь.

— Значит, мы собираемся это сделать? — прошептала я ему в рубашку.

— Мы собираемся это сделать. Но я не хочу торопиться. Хочу, чтобы у нас появился дом, идеальный дом, который мы сможем назвать своим собственным.

Во мне нарастало такое сильное волнение, что я не могла сдержать сияющую улыбку.

Вместе мы убрались на кухне, обмениваясь тайными улыбками каждые несколько минут. Я протирала стойку, когда мой взгляд переместился в направлении гостиной. Я смотрела на большую фотографию в рамке, на которой были изображены мы, в день нашей свадьбы. Надеюсь, что через год, рядом с ней будет стоять фотография нашего ребенка. Я взяла телефон, повернулась и посмотрела на Уэса.

— Эй! Посмотри сюда, будущий отец моих детей.

Уэс повернулся ко мне и я сделала фотографию. Если бы надо было написать заголовок, то он я бы написала одно слово: *До*.

До детей.

До постоянного изнеможения.

До той идеальной семьи, которой я хотела, чтобы мы стали.

Эта глава нашей жизни собиралась закончиться. Должна была быть написана новая, и я

знала, что она будет забываема.

ГЛАВА 11

Август 2013

— Ну, что скажешь?

Уэс убрал руки с моих глаз и встал рядом со мной с широкой улыбкой на лице. Я увидела остов нашего дома. Я была здесь один раз, когда мы осматривали территорию и был заложен фундамент.

С той поры прошло много времени. Но ничего не изменилось, я по-прежнему видела только «скелет» дома. Он был окружен строительными лесами и с нескольких сторон прикрыт фанерой. Даже с моего места мне было видно специальное обрамление для комнат и контуры окон.

— Думаю, что он сильно отличается от нашего таунхауса.

— Прежде чем начнешь бояться, помни, что на достройку дома могут уйти добрые восемь месяцев. Но ты и оглянуться не успеешь, моя королева, как мы переедем жить сюда.

Я улыбнулась этому его обещанию.

Во мне вспыхнуло волнение, как только я представила жизнь и семью, которая может быть у меня с Уэсом. Это была прекрасная мечта.

— Хочешь заглянуть внутрь? — предложил Уэс. Он выглядел таким счастливым. Рукава его голубой рубашки были закатаны. Этот дом было его детищем. Все это. Я не могла отказать ему.

— Конечно, — согласилась я.

— Лучше места мы найти и не могли. — Прокомментировал Уэс, — Я беседовал с подрядчиком, и он сказал, что *сенатор Кэррадайн* подумывал купить себе участок справа от нас.

Я лениво кивнула, едва обратив внимание на то, что он сказал. Мысленно я составляла список дел, которые нужно сделать в этом доме.

С мая мы только и делали, что изучали земельные участки, пытаюсь подобрать идеальное место для нашего дома. Я сразу же влюбилась в окрестности вдоль Бэллами Роад. Микрорайон был совершенно новый, на улице было от силы четыре-пять домов. Здесь было спокойно и тихо, вокруг на многие мили не было ничего кроме леса. Здесь все настолько отличалось от жизни в городе, где всегда было так суматошно.

Взявшись за руки, мы пошли по дороге. Тротуара здесь пока не было, также, как и переднего двора. Уцелевшая трава была примята и покрыта грязью. Вокруг сновали рабочие, сосредоточенные на том, чтобы поскорее закончить свою работу. Крыльца тоже не было. Две толстые доски использовались в качестве самодельного пандуса, который вел туда, где должен быть холл. Мы вошли внутрь. Только одно это помещение было больше, чем наши нынешние кухня и гостиная вместе взятые.

Я покружилась, осматривая деревянные перекладки и фанеры. Справа взгляд наткнулся на то, что должно стать лестницей в форме подковы. Я представила уже окончательный вариант: ступени из красного дерева. Белые низины ступеней. Перила будут из красного дерева, а дополнением ко всему будет служить кованое плетение.

Несмотря на то, что сейчас наша семья состояла всего из двух человек, наш таунхаус уже стал нам мал. Свободная комната служила Уэсу кабинетом, и то кабинетом его можно было

назвать чисто символически.

Первым делом в новом доме Уэс хотел обустроить кабинет со встроенным шкафом.

Мои запросы были поскромнее. Мысленно я могла представить каждую комнату с несколькими окнами. Французские двери. Эркер в нашей спальне. Также я представляла прекрасный задний двор, усыпанный цветами. С растениями я была на «Вы». Моя последняя попытка заняться садоводством случилась, когда я была совсем маленькой девочкой, которая помогала матери. Несколько цветов тогда завяло. После этого я завязала с растениями и купила искусственный фикус.

— Прямо будут кухня и гостиная. — сказал Уэс, — Кстати, я разговаривал с подрядчиком и он сказал, что того покрытия на пол, которое ты хочешь постелить на кухне, сейчас нет в наличии и оно может появиться только через несколько месяцев. Он предложил рассмотреть другие варианты.

Я кивнула, потрясенная всем, что увидела, но улыбнулась наперекор себе. Энтузиазм Уэса был столь заразителен. Как мне не быть такой счастливой, когда он в таком восторге?

— Пойдем еще осмотримся, — сказал он и повел меня еще дальше.

Мы переходили из комнаты в комнату, тихо наблюдая за людьми, работающими вокруг нас. Мы поднялись по ступенькам на второй этаж, и все это время я представляла, как наши дети будут бегать туда-сюда. Это дало мне надежду, и я улыбнулась, хотя я все еще не была беременна.

Где-то глубоко в душе, я понимала, что причин для расстройства и самобичевания нет. Активно завести ребенка мы пытаемся только с начала лета, но практически сразу же мой мозг начинал искать в чем мы можем допускать ошибку.

Уэс показал мне просторную спальню, с гардеробной, со встроенными отделениями для моих платьев, туфель и сумок.

— Тебе нравится?

— Кому бы не понравилось? Это невероятно.

— Это все для тебя.

Я одарила его благодарной улыбкой и прошла по комнате.

Дальше следовали две свободные комнаты. Я заприметила комнату, которая находилась рядом с нашей спальней. Я могла представить себе мягкий белый ковер под ногами и стены, выкрашенные в теплый желтый цвет. В углу будет стоять кресло-качалка. Рядом с ним белый шкаф, заполненный детской одеждой и пеленальный столик. Плетеная корзина для игрушек на полу. А прямо у окна будет стоять белая колыбель. Я подошла к месту, где будет окно и выглянула во двор. Траву нужно будет скосить, но я могла представить себе невообразимое количество цветов, растущих рядом с белым забором. Я представила гамак, висящий между двумя дубами. Я поставлю туда коричневую плетеную мебель. Это будет моим укрытием.

Я повернулась к Уэсу. Он смотрел на меня с улыбкой.

— Здесь получится прекрасная детская, — сказала я между делом.

Уэс прислонился к дверному проему и покачал головой.

— Ты так думаешь?

— Да, — мягко ответила я.

— Ты ведь не беременна? — резко спросил он.

Улыбка сползла с моего лица.

— Нет, не беременна.

Зачем он задал этот вопрос, и почему теперь на его лице столько очевидно облегчение?

Его реакция столкнулась с моей болью, вынудив меня занять обороняющуюся позицию.

Не говоря ни слова, я вышла из комнаты. В пустом помещении, звук моих шагов эхом разносился вокруг. Я побежала по ступенькам, за мной по пятам Уэс.

— Виктория!

Я остановилась и обернулась.

— Что?

Уэс замер в двух шагах от меня. Он ухватился за стену и перила, чтобы устоять.

— Что не так?

— Что не так? — я с неверием уставилась на него. — Было заметно, как тебе полегчало, когда я сказала, что не беременна. А ты ведь знаешь, как сильно я хочу ребенка.

Казалось, что мои слова действительно ранили его. Словно мы никогда не поднимали тему детей. Словно все мои усилия, чтобы бросить работу, были напрасны.

— Нельзя так быстро забеременеть. На это понадобится время.

— Я это знаю, — сказала я, стиснув зубы. — Но у тебя на лице было такое облегчение!

В этом пустом доме, мои слова эхом прозвучали вокруг нас.

Уэс поджал губы.

— По моему, дети не должны быть причиной ссор. Можно ссориться из-за денег или еще чего. Но не из-за детей.

Он запустил руки в волосы.

— Я все еще привыкаю к этой мысли, понимаешь?

— Но два месяца назад, ты сказал, что мы можем попытаться завести ребенка. Я не заставляла тебя это говорить!

— Ну, можно сказать, заставила. Ты никак не хотела покончить с этой темой.

Мне нечего было на это сказать. Для меня было понятно, что из разговора о детях мы сделали разные выводы. На первом этаже работники старались избежать попадания под горячую руку. Я ни капли за это их не виню. Как бы мне хотелось сбежать с ними.

Уэс спускался, пока не оказался рядом со мной.

— Разве недостаточно того, что я готов подумать о детях?

— Нет, этого не достаточно. Завести ребенка, это не машину купить. Нельзя заключать эту сделку, если она тебе не нравится. Это не так работает.

За секунду, его лицо исказилось от ярости. Я увидела злость в его глазах. Его кулак пролетел в нескольких сантиметрах от моей головы, и ударился о фанеру. Я прикрыла голову и побежала вниз по ступеням, в шоке озираясь на Уэса.

Он уставился на опилки в кулаке, выглядя таким же шокированным, как и я. Выражение на его лице было диким и испуганным. Он сбежал по лестнице.

В холле повисла тишина. Строители быстро разбежались.

— Прости меня, — прошептал Уэс. Он притянул меня к себе. Он обнял меня за плечи, но все мое тело было напряжено.

Уэс обхватил мое лицо ладонями. Он улыбался, но эта уже улыбка не оказывала нужного эффекта, как бывало ранее.

— Прости меня, Виктория. Я вспылел. Ты знаешь, что я люблю тебя. Я люблю тебя.

Медленно, практически как робот, я обняла его. Уэс начал успокаиваться.

Я не знала, что только что произошло. Это нервировало меня. Пугало.

— У нас будет много воспоминаний, связанных с этим домом. Воспоминаний, которые будут существовать, пока мы не умрем. Ты веришь мне? — спросил Уэс.

Я кивнула, но это была просто машинальная реакция.

— У нас все будет, все будет, — снова и снова повторял он, — ты хотела прекрасный сад? Я позвоню садовнику и они начнут работать над задним двором. Комнату рядом с нами мы сделаем детской. Все что ты захочешь. Все.

Обещания продолжались, но моя уверенность в том, что я знаю мужа, как свои пять пальцев, пошатнулась. У меня не было ни малейшего понятия, что, черт побери, произошло несколько минут назад, и я не была уверена, что это не повторится вновь.

ГЛАВА 12

Сентябрь 2013

— Не разбей его! Он очень хрупкий!

Уэс оглянулся на меня.

— Это просто цветочный горшок, Виктория. Если разобьется, мы купим новый.

Я прикусила кончик языка. Мы? Зачем он сказал «мы», если мы оба прекрасно знаем, что покупать горшок придется мне? Все началось с момента постройки дома. Я думала, что все детали мы будем обсуждать вместе, начиная с выбора дверных ручек на кухонных шкафах и заканчивая количеством книжных полок в его кабинете.

Я действительно думала, что этот дом будет нашим проектом. Предполагалось, что он станет нашим домом мечты, тогда почему Уэс не вкладывается в него так же, как я?

Хотя это была наименьшая из проблем. Нам с Уэсом буквально приходилось выкраивать время, чтобы побыть вдвоем. Мы старались проводить вместе каждую свободное мгновение, но теперь в нем ощущалась нетерпеливость. Словно он отсчитывал часы до того момента, когда уже сможет со мной расстаться. Я начала во всем винить нагрузку на работе и стресс, который свалился ему на плечи.

Уэс твердил, что все из-за работы. Слишком много времени он там проводит. Много нагрузки. Когда я предложила ему умерить обороты, он злобно на меня посмотрел и сказал:

— А как тогда, по твоему мнению, мне обеспечивать ту идеальную жизнь, которую ты так хочешь?

Предполагалось что дом строится для нашей семьи. По крайней мере, я так думала.

Но, наконец-то, Уэс был рядом, помогал мне с выбором садоводческих инструментов. В первый раз за долгое время мы были одни, и мне не хотелось, чтобы время летело так быстро.

На заднем дворе еще ничего не было сделано, но я уже представляла себе, как там все будет выглядеть. Каменная дорожка, вдоль которой растут цветы и аккуратно подстриженный газон. Дубы, растущие по всему периметру, и плетеные стулья под ними. Но самой лучшей частью было цветущее вишневое дерево. Оно цвело прямо сейчас. Бледно-розовые лепестки тонули в зеленом море. Оно было так прекрасно.

Я дожидаться не могла, когда же приедет садовник.

Несмотря на то, что я обижалась на Уэса за упрямое нежелание принимать решения относительно дома, я с радостью ухватилась за идею найти садовника. Было много вариантов, но, в конце концов, я решила остановиться на Рэне Дэйвери. Она владела Фэйрхэвэном — цветочным магазином, в котором располагался и ее офис ландшафтного дизайнера. Однажды Тэйлор упомянула, что Рэне составляет самые красивые цветочные композиции.

Уэс аккуратно поставил цветочный горшок под вишневое дерево. Отряхнул руки и выпрямился.

— Мне пора идти, — констатировал он, — Чем собираешься сегодня заняться?

— Скорей всего, работать на заднем дворе с этой дамочкой Рэне.

— И все?

— И все, — повторила я.

— Ладно. Люблю тебя.

Муж рассеянно поцеловал меня в щеку. Миновали те дни, когда один прощальный поцелуй превращался во второй, затем в третий и четвертый.

Я наблюдала за тем, как он уходит. Пять дней назад мы ужасно поругались. Уэс пришел домой позднее обычного. Я ужинала одна. Звонила ему и натыкалась на автоответчик. С каждой секундой злилась все сильнее. Сердце наполнялось ненавистью. Она накрывала меня, черная и тяжелая. Когда Уэс зашел, эмоции взяли верх, и я вскочила со стула, намереваясь узнать, где он был.

Мы ругались и спорили, но вместо того, чтобы отступить, как я обычно это делаю, я стояла на своем. Он кричал, чтобы я оставила его в покое, а когда я отказалась, Уэс развернулся и ушел из дома. Он не вернулся. На следующий день он пришел домой и извинился. Сказал, что спал в офисе. Я не знала, чему верить. Мы впервые так злились друг на друга и ночевали раздельно.

Я зажмурилась и глубоко вздохнула.

Когда я вновь открыла глаза, заметила, как вдоль дома идет низенькая женщина, а в руках у нее инструменты для сада. Она двигалась так, словно выполняет ответственную миссию. Но подойдя ко мне, резко бросила все инструменты на землю. Я ждала, когда она поднимет голову и поздоровается, но женщина быстро пошла обратно к своей машине.

Я наблюдала за тем, как она ходит туда-сюда от машины к моему дворику. Обычно я бываю очень тихой и сдержанной, но сегодня мне хотелось поговорить с ней и представиться.

Я прочистила горло, и она, наконец, подняла голову. На голове у нее была бейсболка, тень от которой скрывала половину лица. От долгого пребывания на солнце кожа у нее была карамельного цвета, темные волосы собраны в конский хвост. Даже не глядя на ее лицо, я понимала, она без макияжа. Она была полной противоположностью тех женщин, с которыми я обычно проводила время. И поэтому она была мне интересна.

— Привет, — пробормотала я.

Она приподняла бейсболку и наскоро поздоровалась со мной.

— Я знаю, вы наш новый садовник, но думаю, что мне следует представиться.

Я подошла к ней, а она склонилась над цветочной клумбой.

— Я знаю, кто вы, — перебила меня женщина. Она сняла перчатки и заткнула их за джинсы. А потом улыбнулась и пожала мне руку. — Миссис Донован.

Я медленно кивнула и махнула рукой в сторону широкого запущенного пространства позади меня.

— Похоже вас ждет много работы.

— Все не так плохо, как вам кажется. На первый взгляд кажется, что работы много, но думаю, что смогу за неделю посадить цветы и подстричь кусты.

Я удивленно распахнула глаза.

— Звучит впечатляюще.

Она пожала плечами.

— Это моя работа, миссис Донован.

— Не стоит так меня называть.

Она посмотрела на меня в замешательстве.

— Миссис Донован, — уточнила я, — меня зовут Виктория.

— Хорошо, Виктория.

Женщина окинула взглядом все коробки с цветами, стоящие рядом с ней.

— Вот несколько цветов, которые, как мне кажется, вам понравятся.

Я взглянула на них. У меня не было ни малейшего понятия, как они называются.

Перед собой я видела только несчетное количество ярких красок. Не знаю, с чего начать.

— Это что за цветы?

Рэне прищурилась и посмотрела туда, куда я указывала.

— Орхидеи.

Я опустила на колени рядом с ней. Казалось, это застало ее врасплох.

— Они мне не нравятся.

— Мне тоже не особо, — призналась она со скромной улыбкой. Она протянула мне руку, и несмотря на то, что мы обменялись рукопожатиями несколько секунд назад, этот жест расценивался так, будто я заслужила ее уважение.

— Я Рэне.

Оказавшись ближе, я разглядела небольшую горбинку на ее носу. Ее глаза, темно-кофейного оттенка, обрамляли морщинки, которые появлялись и в уголках губ, когда она улыбалась. Она выглядела ответственной и рассудительной, как человек, который говорит то, что знает и думает, и идет своей дорогой.

— Вам не обязательно сидеть со мной в такую жару. Я все сделаю сама.

В подтверждение своих слов, она склонила голову и начала работать.

Если быть честной, у меня не было особо важных дел. Я бросила взгляд через плечо на строящийся дом. В ушах жужжал звук молотков и пил. Мысленно я уже видела, как будет выглядеть мой будущий дом, так же, как и мой будущий сад: на заднем крыльце будет стоять темная плетеная мебель. На французских дверях будут висеть кружевные занавески, развевающиеся на ветру. А сверху будут висеть большие горшки с петуньями.

По правде говоря, мне было одиноко, и несмотря на то, что Рэне не самый разговорчивый человек, мне нравилось ее общество.

— Я... я могу помочь тебе, — предложила я. Она подняла голову и по кошачьи прищурила глаза. — Если ты конечно этого хочешь, — тихо добавила я.

Рэне замаялась. Наконец, она указала рукой в перчатке в сторону машины.

— Принеси перчатки, и я научу тебя паре вещей.

Я нашла пару старых перчаток на заднем сидении автомобиля. Неужели все так очевидно? У меня что, над головой мигалка, которая кричит: Посмотри на меня! Мне нужен друг!

Должно быть так и есть, потому что Рэне дала мне самую черную работу: выдергивать сорняки рядом с дубами и вокруг соседского забора. Все это время мы провели в тишине. Казалось, будто Рэне закрылась от мира на время работы. Ее губы были сжаты в тонкую линию, а брови приняли дугообразную форму. Но она что-то мурлыкала себе под нос, очень, очень тихо. Так тихо, что я даже не знала об этом, пока не оказалась рядом.

Закончив с цветами, она отошла назад и посмотрела на них.

— Мне нравятся эти лавандово-голубые цветы, — завела я разговор, указывая вправо от себя.

Рэне на секунду подняла голову.

— Это кошачья мята.

— Кошачья мята, — отсутствующе повторила я.

— Забавное название, правда? Непеталактон, входящий в них, приманивает кошек, вводя их во временное блаженство. Думаю, это что-то вроде кошачьей травки.

Я улыбнулась.

— Впечатляет.

Я осмотрела остальные цветы и указала на те, что были передо мной, с лепестками необычной расцветки: они были золотыми на концах, а ближе к центру приобретали красную окраску.

— А как называются эти?

— Покрывальные цветы, — промолвила она через несколько секунд, — также они называются гайлардией. Они и сейчас очень красивые, но через несколько недель, когда зацветут, при взгляде на них у тебя перехватит дыхание.

Весь следующий час я указывала на разные цветы, а Рэне с легкостью описывала подробности каждого растения. Я ухмыльнулась и одобрительно кивнула.

— Ты так много знаешь о цветах.

— Это у меня в крови. Я жила на заднем дворе, пока моя мать занималась садом.

— Какой твой любимый цветок?

Рэне склонилась над желтыми тюльпанами. На мой вопрос она отклонилась назад и задумчиво уставилась на землю, потерявшись в собственном мире.

— Гиацинты, — в итоге ответила она и наклонилась вперед, чтобы очистить розовый лепесток цветка. — Они кажутся мне элегантными, и поднимают настроение, думаю, они должны расти в каждом саду. Они успокаивают меня всякий раз, как я смотрю на них.

После этого мы не произнесли ни слова. Мы погрузились в уютное молчание, но Рэне все равно продолжала мурлыкать себе что-то под нос. Меня это не раздражало, да и она делала это не громко. Наоборот, это звук был очень тихим и успокаивающим, в результате чего, напряжение в плечах спало.

— Часто напеваешь?

Рэне вздрогнула, словно забыла, что я все еще здесь.

— Прости. Не знала, что делаю это.

— Мне это не мешает.

Рэне пожалала плечами и продолжила выдергивать сорняки.

— Моя мать так постоянно делала. Полагаю, это происходит, когда я ухожу в себя или, когда испытываю сильный стресс. Это успокаивает.

Я кивнула. Думаю, я заслужила ее признание.

Рэне исподтишка взглянула на меня.

— Попробуй. Это работает. Поверь мне.

— В таком случае, я буду делать это круглосуточно, семь дней в неделю.

Слова просто слетели с моих губ. Я прикрыла рот рукой. Впервые я призналась кому-то, что моя жизнь не такая идеальная, как кажется. И их уже не вернуть назад.

Рэне не наклонилась ближе, не смотрела на меня голодным взглядом, жаждущим

сплетен. Она просто улыбнулась.

— На этом заднем дворе не будет стресса. Ничто не будет беспокоить тебя. Все это твое.

— Мой рай.

— Точно, — она одарила меня теплой улыбкой, — а теперь, если хочешь, можешь помочь мне полить остальные растения.

ГЛАВА 13

Октябрь 2013

Я хлопнула дверью машины и побежала по дорожке. Я опаздывала. На добрых пятнадцать минут. Я была почти уверена, что Уэс сможет сделать это. Он, как обычно, задерживался в офисе. Мы должны были встретиться с подрядчиком, работающим над нашим домом. Уэс продолжал убеждать меня, что все идет как надо, но я в этом сомневалась. Клянусь, всякий раз, как только мы делали два шага вперед, то сразу же отступали на четыре шага назад.

Меньше всего на свете мне хотелось приходить сюда. Сегодня утром приехала тетушка Фло, она невысокого роста, но такая сучка. Она и раньше не была желанным гостем, а сейчас и подавно. Красное пятно на туалетной бумаге напоминало послание от моего организма идти к черту, будто он говорил: *«Ах, да, насчет ребенка... Этого не произойдет. Удачи в следующем месяце!»*

Хотя должна признать, что за последние несколько месяцев, в строительстве дома наметился прогресс. В нем появилось очертание европейского стиля, с эркерами перед входной дверью и белыми колоннами. Наружная сторона дома была отделана светло-серой штукатуркой.

Один из работников выкладывал камнями подъездную дорожку. Двойные входные двери были распахнуты. Несколько рабочих ходили туда-сюда и носили различные инструменты. Звуки молотков и дрелей были слышны повсюду.

Я осмотрелась, ища глазами главного подрядчика. Уэс сказал, его зовут Синклэр Монтгомери. Он поведал мне это за завтраком:

— Синклэр хороший парень. Думаю, он тебе понравится.

— Сомневаюсь, — ответила я.

Несмотря на то, что я не знала, кого ищу, понять, кто из них Синклэр не составило огромного труда. Перед входной дверью стоял высокий мужчина и беседовал с архитектором. Он был одет в черные брюки и белую обтягивающую рубашку с закатанными рукавами, обнажающими загорелые предплечья. Справа на рубашке была монограмма: «СТРОИТЕЛЬСТВО МОНТГОМЕРИ».

Волосы у него были угольно черные, выбритые на висках и уложенные на макушке. Кожа медового цвета. Он был высокий, даже выше, чем Уэс. Я представила, каково это прижаться к его груди. Грудь у него была такая мускулистая и напряженная, что бицепсы были видны даже сквозь рубашку.

Меньше всего я ожидала увидеть такого мужчину. Он не похож на того, кто строит жилые дома. Скорее он относится к тем мужчинам, кто идет по жизни с ослепительной улыбкой, и сотни женщин падают к его ногам. Ему не нужно работать, потому что стоит ему поманить пальцем, и у него все будет.

Я громко откашлялась и пошла вперед. Он повернулся ко мне.

— Вы мистер Монтгомери?

— Зовите меня Синклэр.

Он протянул мне свою большую, грубую, мозолистую руку. Его ладонь полностью поглотила мою. Если бы его рукопожатие было чуть сильнее, то он с легкостью бы сломал мне все кости. Не смотря на мои мысли, манеры взяли верх.

— Извините, я опоздала. Потеряла счет времени. Я была...

— Не волнуйтесь. Все в порядке, — он посмотрел на то, что творится позади меня,

— Поверьте мне, вы не опоздали. У меня бывали клиенты, которые опаздывали на два часа. Вот это поздно.

Он заглянул мне через плечо.

— Ваш муж придет?

— Он скоро будет. Я попросила его поторопиться.

Синклэр сделал шаг назад и жестом обвел гигантское уродливое сооружение, нависающее над нами.

— Видите улучшение?

— Вы преуменьшаете. Слово улучшение здесь не очень подходит. Кажется, что практически все закончено.

— Не совсем. Но мы близки к завершению. Не хотите пройтись? Уверен, что вы делали это уже миллион раз, но сейчас мы можем пробежаться по списку и увидеть, что уже сделано, а что еще осталось.

Мы вошли внутрь. Стены были покрыты гипсокартоном. Все изменилось с того раза, как я была здесь в прошлый раз. Установили перила из кованого железа. Мы были так близки к завершению работ.

— Выглядит потрясающе.

Мы ходили из комнаты в комнату. Синклэр рассказывал о том, какие проделаны работы, и я поймала себя на мысли, что плююсь на него. Все мои опасения, которые я внесла с собой в дом, казалось, свалились с моих плеч. Манера его речи сразу же успокоила меня. Когда я задавала вопрос, он смотрел на меня. Не сквозь меня. На меня.

Мы вошли в комнату, которую я нарекла детской, и я, как пчелка, полетела к окну.

Только что были установлены новые окна. Скрестив руки на груди, я посмотрела на свой задний дворик. И улыбнулась. Двор был прекрасен, он выглядел идеальнее, чем я представляла даже в своих самых откровенных мечтах. Хотелось бы присвоить заслуги себе, но это все — результат кропотливой работы Рэне. Вдоль забора тут и там были посажены цветы.

— Милый вид.

Я обернулась и увидела, что Синклэр стоит, прислонившись к двери. Это высказывание скорей всего относилось к саду, но его взгляд был прикован ко мне. Сердцебиение ускорило, но я не отвела взгляд, как должна была бы. Вместо этого, я поймала его. Во мне проснулось слабое возбуждение. В голове зазвучал тревожный звоночек.

Я быстро улыбнулась ему, и вернулась к созерцанию двора.

— Мои громадные планы наконец-то начали воплощаться в жизнь.

Синклэр встал позади меня.

— Какие громадные планы?

Я скрестила руки и покачала головой из стороны в сторону, задумчиво глядя в окно. И

все ему рассказала. Вывалила на него все решения, которые обычно держу в себе. К тому времени, как приблизилась к завершению рассказа, слегка запыхалась, пораженная тем, как легко и охотно я говорила.

Синклэр присвистнул.

— Вы все спланировали.

Краем глаза, я видела, что он смотрит на меня. От жара у меня на щеках появился румянец, но я притворилась, что это ничего не значит.

— Дом будет красивым, но сад. Этот сад затмит дом своей *красотой*. Без обид.

Он улыбнулся.

— Никто и не обиделся.

Вокруг нас повисло молчание. Синклэр не отходил от меня. Он посмотрел в окно.

— Знаете, — медленно начал он, — никогда бы не подумал, что вы человек, увлекающийся садоводством.

— А какая я по вашему?

— Думал вы из тех, кто предпочитает бассейн.

Я удивленно распахнула глаза, и тело развернулось по направлению к нему.

— Бассейн?

Он кивнул и продолжил смотреть на улицу, прекрасно осознавая, что завладел моим вниманием.

— Дамочка из элиты, которая хочет безупречный двор и углубленный бассейн. Такие обычно тратят на это все свои деньги, но в итоге ни разу даже им не воспользуются.

Я кивнула.

— А, я поняла.

Казалось, что он мне не верит.

— На самом деле?

Немного наклонившись вперед, я ответила.

— Человек, которого вы только что описали — моя мать.

Он рассмеялся, а я просто улыбнулась.

— Давно живете в Фолс-Черч? — поинтересовался он.

— Родилась и выросла здесь. — Ответила я, глядя на него. — А вы?

— Переехал сюда два года назад. Я рос в небольшом городке. В Фармвилле.

— Слышала про такой.

— Должно быть вы единственная, кто слышал о нем. Мои родители до сих пор живут там.

— Вы бросили их одних? — слегка поддела его я.

— Не сочувствуйте им. Рядом живут мои братья и сестры. А еще у меня есть сестра, которая живет в Фолс-Черч... вообще-то она ваш садовник.

— Рэне?

Я очень удивилась, и начала мысленно сопоставлять внешность Рене и Синклэра, пытаюсь найти что-то общее. Теперь, когда я получше присмотрелась к Синклэру, я заметила: кожа оливкового цвета, угольно черные волосы. Высокие скулы.

Синклэр кивнул, и на его губах появился намек на улыбку.

— Она никогда не упоминала этого.

— Рэне не самый общительный человек.

— Это я заметила. По началу мне казалось, что я раздражаю ее.

— О, поверьте мне, если бы вы раздражали ее, она бы дала знать об этом. Рэне кажется отчужденной, но стоит узнать ее получше, и она выбирается из своей скорлупы.

— Приму к сведению.

Это же неправильно, что я хочу, чтобы этот разговор никогда не заканчивался? Вероятно.

Я искоса посмотрела на него. Синклэр поймал меня с поличным. Он ухмыльнулся, и на его щеках появились две ямочки.

Сердце колотилось как бешеное, и мне пришлось напомнить себе, что у меня есть муж. Муж. Другой мужчина, с которым я проведу остаток своей жизни. Мужчина, с которым меня свела судьба. Тогда почему я так реагирую?

— Вы начали без меня?

От звука голоса Уэса я вздрогнула. Я повернула голову налево, когда в комнату вошел Уэс. На нем был черный костюм. Темно-синий полосатый галстук был ослаблен. Уэс приобнял меня, быстро поцеловал в голову и пожал руку Синклэра. Несмотря на то, что между мной и Синклэром было приличное расстояние, Уэс прищурился.

— Я думала ты работаешь над делом.

Уэс взмахнул рукой.

— Ушел пораньше. Не мог позволить тебе одной изучать дом.

Он улыбнулся мне, но эта улыбка не затронула его глаз. Уэс перевел внимание на Синклэра.

— Как все продвигается?

— Все отлично. Практически закончили осмотр.

— Я рассказала ему о своих планах на сад, — быстро сказала я.

— Виктория любит этот чертов сад.

Резкие, холодные слова Уэса застигли меня врасплох. Откуда это исходит?

— Кажется, он будет восхитительным, — ответил Синклэр. Дружелюбная улыбка осталась на его лице, но я видела, как взгляд перемещается с меня на Уэса и обратно.

— Ну, Синклэр, что скажешь, когда мы сможем переехать? — спросил Уэс.

Синклэр задумался.

— Если хочешь знать правду: думаю, через месяц.

— Через *месяц*? — отрывисто спросил Уэс.

Я посмотрела на него, но он проигнорировал мой взгляд.

Синклэр потер нижнюю губу, его взгляд блуждал от меня к заднему двору.

— Если хотите, я велю своим ребятам работать сверхурочно, чтобы дело продвигалось быстрее. На несколько недель?

— Не выходя за рамки бюджета? — пробурчал Уэс.

Синклэр скрестил руки и улыбнулся.

— Не выходя за рамки, — спокойно ответил он. Но из его глаз пропало дружелюбие. Уэс напрягся. Наступило неловкое молчание. Уэс прочистил горло и посмотрел на часы.

— Думаю, нам пора.

— Да, хорошо, — Синклэр махнул рукой в сторону двери. — Извините, за то, что задержал вас.

На этот вечер мы ничего не планировали. Никуда не собирались идти. Я не имела ни малейшего понятия, почему Уэс так торопится уйти.

Мы с Уэсом спускались по лестнице, Синклэр шел позади. У меня волосы встали дыбом

на шею, ведь я знала, что он смотрит на меня.

Синклэр проводил нас до моей машины. Прежде чем я села в нее, он протянул руку.

— Было приятно познакомиться, миссис Донован.

Согласно хорошим манерам, я должна была ее пожать. Но сомневалась, надо ли это делать: Уэс так пристально за мной наблюдал.

Наконец, я взяла его руку и в ту минуту, как это произошло, почувствовала, как встрепенулось мое сердце.

— Взаимно, мистер Монтгомери.

Он еще раз пожал мою руку. Те бабочки, которые я почувствовала, когда впервые увидела его, затрепетали в животе, готовые взлететь. Я запихнула все нежелательные чувства так далеко, как только смогла.

— Пожалуйста, зовите меня Синклэр.

Я кивнула.

— Хорошо, Синклэр.

Он держал мою руку дольше положенного. Достаточно долго, чтобы Уэс начал подозрительно на нас смотреть. Я была бы самой большой лгуньей, если бы не сказала, что мое сердце забилося сильнее. Я быстро вырвала руку и открыла дверь со стороны водителя. Уэс схватил меня за руку.

— Я поведу.

— Но твоя машина...

— Я позже ее заберу.

В глазах Уэса была пустота. Словно из него высосали все эмоции и жизнь. Он злился и последнее, чего бы мне хотелось, так это поругаться с ним. Вокруг нас были люди, а я бы предпочла ругаться наедине, а не на людях.

Я села на пассажирское сиденье. Дверь захлопнулась. Уэс уставился прямо, ничего не говоря. Завел машину. Несколько кварталов мы молчали. Никакого радио. Никаких разговоров. Я начала опускать окно, чтобы слышать хоть ветер. Хоть что-то. Но он заблокировал его.

Мы остановились на красный, и Уэс, наконец-то, повернулся ко мне.

— Что, черт побери, там происходило?

— О чем ты говоришь?

— Ты виделась с Синклэром до этого?

— Что? — фыркнула я, — Нет.

Уэс мрачно рассмеялся. От этого у меня по спине побежали мурашки.

— Не ври мне.

— Я не вру.

Загорелся зеленый. Уэс вдавил педаль газа в пол. Заревел мотор. Я взглянула на спидометр. Стрелка приближалась к 55.

— Ты изменяешь мне с ним?

От удивления я раскрыла рот. О чем, черт побери, он говорит?

— Нет!

Я посмотрела на спидометр. Почти 65. Я испугалась, что он сотворит что-то очень глупое.

— Лгунья.

Я двумя руками вцепилась в ремень безопасности.

— Нет! Сегодня я встретила с ним впервые.

— Ты почти надула меня, — Уэс обратил ко мне взор, — ты знаешь, как он смотрит на тебя.

— Уэс, — осторожно произнесла я, — смотри на дорогу.

— Не диктуй, что мне делать! — рявкнул он.

Он действовал неразумно или был не в силах контролировать себя. Но я не имела ни малейшего понятия, что творится у него в голове. Я только знала, что в таком состоянии он способен на все, что угодно. Чуть дальше находился мост. И я видела, что мы направляемся к нему.

Инстинкт самосохранения заставил меня среагировать. Я громко сглотнула и прикоснулась к нему. И произнесла самым милым голосом:

— Я люблю только тебя, Уэс. Поэтому успокойся и снизь скорость. Хорошо?

Он стиснул зубы, и я решила, что он проигнорирует меня. Но затем, он нажал педаль тормоза. Шины завизжали. Меня дернуло вперед, лицо застыло в нескольких дюймах от приборной панели, прежде чем ремень безопасности вернул меня обратно.

Тяжело дыша, я оглянулась. Машина за нами гудела и пыталась нас объехать. Мне хотелось выйти, остановить машину и попросить водителя — случайного незнакомца — помочь мне. Так я бы почувствовала себя в безопасности.

Уэс засмеялся. Громкий, искренний смех, словно моя реакция развеселила его. Я непонимающе уставилась на него. Затем, когда его смех утих, он улыбнулся мне, словно я была самым важным человеком в его жизни.

— Хочешь перекусить? Я голоден.

Я смотрела на него. Как у него получилось разогнаться с нуля до шестидесяти, и затем вернуться обратно к нулю?

— Что только произошло?

— О чем ты говоришь?

Я указала пальцем за спину.

— Там. Обвинения. В измене.

— Ты имеешь в виду разговор? Ты об этом?

Это был не разговор. Это были несколько секунд до самоубийства. Как он может не понимать, что я это имею в виду.

Мои чувства спутались. В одно мгновение я защищала себя. В другое вся жизнь пронеслась у меня перед глазами. А затем... ничего. Сердце продолжало бешено стучать, и оно не собиралось успокаиваться.

— Ну так что?

Медленно я повернулась к нему.

— Что?

— Пообедаем?

Я громко сглотнула и выглянула в окно.

— Звучит прекрасно.

Я не была голодна, но не собиралась ему об этом говорить. Уэс развернул машину и направился в город. А меня не переставая трясло.

Он положил мне руку на колено и улыбнулся той улыбкой, из-за которой я когда-то в него влюбилась.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Думаю, он верит своим словам. И считает, что это любовь.

На красном свете светофора, он откинулся на сидении, чтобы посмотреть на меня.

— Но не играй со мной в эти игры, Виктория.

Другой рукой Уэс взял меня за подбородок. Когда он провел по щеке подушечкой большого пальца, я задрожала. Он подвинулся ближе, так, что наши губы практически соприкасались. Следующие его слова были милыми, но безжизненными.

— Иначе все потеряешь.

Затем Уэс поцеловал меня. И я позволила ему это, потому что отказывалась верить в то, что могла выйти замуж за монстра.

ГЛАВА 14

Декабрь 2013

Синклэр сдержал слово и уже через месяц, ранним субботним утром, мы переехали в дом нашей мечты.

Мне понадобилось несколько недель, чтобы упаковать все вещи. Говорят, что переезд одно из самых стрессовых испытаний, и действительно весь творившийся вокруг меня хаос — коробки, вещи — выводил меня из себя. И у меня не было времени, чтобы сосредоточиться на темных пятнах, медленно всплывающих в моем браке. Совсем не было времени. Вместо этого я сконцентрировалась на том, что точно знала — у всех пар есть проблемы. Никто не идеален. Сведите двух людей и все их недостатки станут еще более очевидными. Да, так оно и было.

Мы были абсолютно нормальной парой. Между тем, все эти недели Уэс вел себя идеально: никакой злости, никаких срывов. Он снова стал тем мужчиной, которого я полюбила. У него просто был сложный период. Я пыталась убедить себя в этом, но к концу дня снова начинала сомневаться.

Уэс припарковал машину на противоположной стороне улицы. Пока рабочие парковали грузовик, я любовалась домом. Несмотря на то, что была середина декабря, погода благоволила нам, на небе не было ни единого облачка. Я была в дутой жилетке и черной шапке, чтобы не замерзнуть. Уэс был одет повседневно. Впервые за долгое время я видела его без пиджака и галстука.

Уэс улыбнулся и протянул мне руку.

— Добро пожаловать домой, миссис Донован. Трудно поверить, что сегодня мы, наконец-то, переезжаем. — Мимо проехал автомобиль, подняв ветром листья. Несколько опустились на машину, остальные медленно парили в воздухе, пока не коснулись земли.

— Готова сегодня?

— Абсолютно.

Взявшись за руки, мы перешли дорогу и приступили к работе. Уэс стал помогать грузчикам, а когда я попыталась помочь, он улыбнулся и велел мне ничего не делать, просто указывать рабочим, где и что мне хочется поставить. Я так и сделала. Я стояла в законченном фойе со свежеекрашенными стенами. Окна сверкали чистотой, пропуская сквозь себя солнечный свет. Входная дверь была широко распахнута, пока грузчики сновали туда-сюда, занося разобранную мебель, коробки, ковры. Я наблюдала за тем, как первый этаж медленно заполняется вещами. И по моей спине пробежала волнительная дрожь. Я дожидаться не могла, когда, наконец, разберу все коробки и сделаю этот дом нашим.

В середине дня все решили отдохнуть, и приехал Синклэр. Он припарковал машину позади нашей, и я ощутила легкое покалывание на коже. Он вышел из машины, а я смотрела на него, прислонившись к дверному проему. На нем были джинсы и черное поло. На лице солнечные очки, которые придавали ему опасный вид. Уэс пожал ему руку и немного с ним поговорил, а потом указал в моем направлении.

Когда Синклэр увидел меня, его губы растянулись в ухмылке. Он помахал. Я помахала в ответ, но мой взгляд был прикован к Уэсу, который оказался в замешательстве, увидев рядом со мной Синклэра.

— Наконец-то день переезда, — сказал Синклэр, пока шел ко мне быстрыми, уверенными шагами.

— Наконец-то, — ответила я с улыбкой.

— Дайте угадаю... вы говорите рабочим, куда все поставить.

— Как вы узнали?

— Вы королева этого места. Чем еще вы бы могли тут заниматься?

Мы стояли там, окруженные тишиной. Я прочистила горло и быстро отошла, чтобы впустить его внутрь. Синклэр снял очки и повесил их за воротник рубашки. Я увидела его ключицу, идеального оливкового цвета. Мой пульс не ускорился. Он подскочил. Он стучал в горле, прожигая все, надеясь вырваться наружу. Все из-за этой чертовой ключицы.

Я быстро отвела взгляд.

Синклэр был абсолютно спокоен. Он обошел фойе, критичным взглядом осматривая стены и пол.

— Что думаете? — поинтересовался он.

— Все прекрасно, — ответила я. Этот дом действительно дом моей мечты.

Синклэр прошел дальше в сторону кухни, но я осталась на месте. Мне хотелось пойти с ним, но я боялась, что Уэс увидит нас вместе.

Я вернулась к своему месту у входной двери, а через несколько минут вернулся Синклэр. Он вышел из дома и огляделся.

— Как вы? — спросил он, даже не глядя.

— Хорошо.

— Просто хорошо? — ухмыльнулся он.

Каждый раз, когда я разговаривала с Синклэром, мне казалось, что он что-то вынюхивает. Я старалась соблюдать дистанцию, хотя все чего мне хотелось, это расслабиться и просто насладиться нашей беседой.

— Что вы делаете здесь в выходной? — спросила я его.

— Я думал, что у меня отгул.

— Нельзя назвать отгулом день, если все равно навещаешь клиента, — подытожила я.

— Раз дом закончен, вы больше не клиент, — он поднял бровь, — мы друзья.

Друзья.

Это казалось неправильным. Друзья не должны смотреть друг на друга так, как мы.

Наши взаимоотношения никак не напоминали дружеские, но я кивнула и слабо улыбнулась.

— Разве у вас нет семьи?

Он ухмыльнулся.

— Нет. Семьи нет.

Я уже это знала, но хотела услышать от него лично.

С тех пор, как узнала, что он брат Рэне, я постоянно расспрашивала ее о нем. Мне хотелось знать все. Это было неправильно, но я не могла игнорировать свое любопытство. Он был средним из трех детей. Одинок. Никаких бывших жен. Детей. Ничего.

И у меня в голове крутился единственный вопрос: Как? Как такого поразительного мужчину не захомутали?

— Почему нет? — спросила я, не подумав.

— Почему у меня нет семьи?

Я кивнула.

Синклэр усмехнулся и пожал плечами.

— Не нашел подходящего человека.

— Найдете.

— Думаете?

— Конечно.

А затем он посмотрел мне прямо в глаза. Лицо было серьезным.

— Может, я уже нашел ее.

Я сглотнула от напряженности в его глазах.

— Может быть.

Долгая пауза. Между нами нарастало напряжение. В воздухе повисли невысказанные слова.

— Мне пора идти, — наконец произнес Синклэр, — рад, что вам нравится ваш дом.

— Я в восторге.

— Увидимся позже.

Не было никаких скрытых намеков. Я слышала все четко и ясно. Это был мой шанс все прояснить. Если бы я просто отрицательно мотнула головой, то смогла бы стереть между нами все взгляды и сексуальное напряжение. Но вместо этого, я кивнула. Я слышала его, слышала его предложение, и согласилась.

Под конец дня приехала мама. Мы все вместе поужинали и пошли распаковывать вещи.

Она быстро перевоплотилась в мать, с которой я росла. Когда мы распаковали все на кухне, она немедленно отправилась в гостиную.

Несколько раз она заставляла Уэса помогать нам. Он выглядел абсолютно вымотанным, но не говорил ни слова.

— Мам, мы устали.

Она положила руки на бедра и громко воскликнула.

— Сколько времени?

Я посмотрела на часы и прорычала.

— Без пятнадцати двенадцать.

— Я и понятия не имела, что уже так поздно.

Она огляделась в гостиной. Диван и мягкое кресло стояли лицом к телевизору. Перед диваном лежал ковер. Лампы были подключены, везде стояли рамки с фотографиями. Осталось только повесить занавески и картины.

Мама взяла свою сумку и пальто. Мы с Уэсом проводили ее до двери, боясь, что если она оглянется, то заметит пустоту, помчится за дрелью, и начнет вешать карнизы.

Я прислонилась к Уэсу, когда мы вышли на крыльцо. Вдали я слышала собачий лай. В доме напротив горел свет. Занавески были задернуты, но я видела тени. Фонари освещали

дорогу. Я так себе это и представляла.

— Ну, дам вам двоим отдохнуть, — мама крепко обняла меня. — Я вернусь пораньше, чтобы распаковать вещи для второго этапа.

— Божечки, — прошептала я.

Она шла к своей машине, когда мне в голову пришла одна мысль.

— Мам!

Она обернулась.

— Подожди секунду. Я кое-что забыла.

Я схватила телефон с кухни и побежала к входной двери.

— Прежде чем ты уйдешь, можешь сфотографировать нас вдвоем?

Она схватила мой телефон, но игриво закатила глаза.

— Ты и твои фотографии...

Она вернулась обратно. Уэс закинул руку мне на плечо. Я обняла его рукой за талию.

— Улыбнулись на счет раз... два... три.

Я улыбнулась.

Уверена, что улыбнулась.

ГЛАВА 15

Ноябрь 2015

Доктор Кэллоуэй записывает все, что я вспоминаю. Ее рука быстро двигается по бумаге. Я говорю быстро и знаю, что ей трудно поспеть за мной, но боюсь, если не скажу все прямо сейчас, то потом никогда этого не сделаю. Она ни разу не перебила меня. Когда я заканчиваю, она кладет ручку и смотрит на меня.

— Так значит между тобой и Уэсом все усложнилось?

Вот оно. Я так и знала, что у нас будет разговор доктора и пациента. С любым другим врачом, я бы попыталась сменить тему разговора. Но к ней я чувствую снисходительность и поэтому отвечаю.

— Похоже на то.

Дрожащими руками приглаживаю волосы Эвелин на затылке. Это успокаивает меня.

— Две вспышки ярости, возникшие из ниоткуда... думаю, любой бы разнервничался.

Я смотрю в пол, пытаюсь унять поток воспоминаний, обрушившихся на меня.

— Я была напугана.

Доктор молчит.

Я закрываю глаза.

— В этом просто не было смысла. Я не понимала, что происходит. Мне казалось, что я...

Я резко замолкаю. Потому что, если признаюсь, что чувствовала, как схожу с ума, это будет использовано против меня.

Я встаю.

— Я могу идти?

Кажется, что доктор Кэллоуэй ни капли не удивлена моей просьбой. Она пожимает плечами.

— Как хочешь.

— Хочу.

И я быстро устремляюсь к двери. Когда практически оказываюсь за дверью, доктор Кэллоуэй окликает меня. Я оборачиваюсь, хотя мне этого совсем не хочется.

Кэллоуэй улыбается мне.

— Это нормально чувствовать страх.

Для нее это нормально, потому что она не пытается восстановить свое прошлое. Не ей приходится переживать его заново. За моей спиной захлопывается дверь. Эвелин начинает капризничать. Вертит головой из стороны в сторону. Я спешу в свою комнату, полностью игнорируя Элис. Через секунду я уже в своей палате, хватаю бутылочку со стола. Обычно, когда я даю ее Эвелин, она успокаивается и снова становится тем милым ангелом, которого я так люблю. Но сегодня она отвергает бутылочку, словно там яд. Я меняю ей подгузник. Пеленаю ее. Даю пустышку. Нежно укачиваю ее.

Ничего не помогает.

Мое терпение начинает таять на глазах. Ее плач так сильно раздражает мои барабанные перепонки, что кажется, что они вот-вот взорвутся. Я не могу ни на чем сфокусироваться. Я едва могу дышать.

— Прекрати плакать! — кричу я.

Из-за моего крика она начинает плакать еще сильнее. Это не ее вина. Она ни в чем не виновата. Я делаю глубокий вдох, кладу свою дочь в люльку и убегаю в ванную. Если бы на двери был замок, то я заперлась бы там. Мне хочется побыть одной. Хотя бы на минуту. Всего лишь минуту, когда мне не придется переживать из-за медсестер, стучащих в дверь.

Всего лишь минуту, чтобы обо всем подумать.

Я хватаюсь руками за раковину. Наклоняюсь над ней. Включаю воду и наблюдаю за тем, как прозрачную жидкость засасывает в слив. Делаю глубокий вдох, прежде чем зачерпнуть воду руками и ополоснуть лицо. На ощупь ищу полотенце, которое всегда висит слева и вытираюсь. Когда смотрю в зеркало, то вижу себя, но все не так как раньше. На мне те вещи, в которых я была, когда только въехала в дом. Мои глаза, обычно пустые, теперь заполнены страхом.

Я смотрю на молодую Викторину.

Она такая красивая, что, когда улыбается мне, я облакачиваюсь на раковину, чтобы хоть как-то устоять.

Она знает, что ее сказка, не такая, какой она ее себе представляла, но все равно продолжает надеяться. Я вижу это по глазам. Молодая Виктория верила в любовь. Она не знала, что станет одной из тех душ, которые остаются за бортом.

Она не знала.

Я наклоняюсь и касаюсь очертания Виктории в зеркале. Мое сердце разрывается на части.

— Что с нами стало? — шепчу я ей.

Она наклоняется, и мне хочется попросить ее забрать меня в свою жизнь.

Но она этого не делает.

Я моргаю, и ее изображение исчезает, и теперь я снова смотрю на себя настоящую.

Раздается очень громкий стук в дверь. Я оборачиваюсь и вижу, как медсестра заглядывает внутрь. Слава Богу, это не Элис.

— Просто проверяю вас.

Я не готова выйти из ванной. Не готова смотреть на свою дочь. Вот бы можно было прятаться тут весь день.

— Я собиралась быстро принять душ, — бормочу я.

Медсестра кивает.

— Хорошо.

— Можно бритву? Нужно побрить ноги.

Я женщина за двадцать, и прошу разрешения, чтобы воспользоваться бритвой. Если не считать моего прошлого, это самая грустная вещь, которую мне приходилось слышать.

Она колеблется, прикидывая, склонна ли я к суициду.

— Я не собираюсь убивать себя, — поспешно добавляю я.

Наконец, она кивает.

— Дам тебе одну, но буду стоять прямо за дверью.

Она уходит и через мгновение возвращается с розовой бритвой. Интересно, у них что, есть шкафчик в кладовой, набитый розовыми бритвами?

Я закрываю за собой дверь и включаю душ. Поначалу вода холодная, но вскоре нагревается. Я быстро скидываю с себя одежду, и вешаю ее на крючок на стене. От холодного воздуха по коже бегут мурашки.

Встаю под душ и задергиваю занавеску. По моему телу струится теплая вода. Все мышцы расслабляются. Я закрываю глаза и мотаю головой, чтобы вода лилась на волосы. Когда они намокают, я медленно поворачиваюсь, давая воде омыть каждый миллиметр моей кожи.

Это безумная мысль, но мне кажется, что если я постою здесь подольше, то смогу смыть весь мрак, как вокруг, так и внутри меня.

Начинаю понимать, что у правды своя цена.

В первую очередь она забирает ваше здравомыслие.

Правда заманивает вас обещанием свободы, но если приглядеться, то можно увидеть, что мелким шрифтом написано, что она оставит вас наедине с сомнениями и страхами, пока вы не начнете чувствовать, как сходите с ума. Порой она приходит и спасает. Порой нет.

Все, что я переживаю, причиняет мне только еще больше боли.

Кажется, что чем больше воспоминаний возвращаются ко мне, тем громче становятся голоса. Но иногда я думаю, что они будут становиться лишь громче, пока я не вспомню прошлое до последней детали. Только тогда они исчезнут.

ГЛАВА 16

На следующий день, во время ланча, я тихо напеваю Эвелин колыбельную, правда, скорее для того, чтобы приглушить голоса в голове, нежели чтобы успокоить ее. Если я буду долго напевать, то все голоса стихнут. Но я знаю, что это будет лишь временное затишье.

Они вернуться. Как обычно.

Все пациенты вокруг меня либо едят, либо просто размазывают еду по тарелкам. Ведут тихие разговоры. Несколько пациентов сидят за моим столом во время завтрака, обеда и ужина. Остальные сидят в разных местах, иногда разговаривают, но никогда беседы не затягиваются на долго. Большую часть времени мы едим в тишине; в Фэйрфаксе никто ни с кем не дружит.

Ригэн сидит напротив меня. За весь обед она практически звука не произнесла.

— Ой, может ты уже перестанешь бубнить! — сипит она.

Если бы Ригэн могла слышать шум в моей голове, то возможно, поняла бы меня. Я

просто смотрю на нее и начинаю напевать чуть громче.

— Серьезно, прекращай. Я близка к тому, чтобы отрезать себе уши и швырнуть ими в тебя!

Для драматичности Ригэн берет пластиковую вилку и подносит ее прямо к левому уху.

— Не слушай ее. Мелодия довольно приятная. Что это за песня?

Вздыхнув, я поднимаю голову и вижу Синклэра, стоящего рядом с моим столом. Ригэн роняет вилку и во все глаза смотрит на него. Не могу винить ее. Он выглядит бесподобно в своих обтягивающих черных брюках и белой рубашке с расстегнутым воротником.

— Привет, — здороваюсь я.

— Привет, — улыбается он и указывает на пустой стул напротив меня, — могу присесть?

Я быстро киваю, чувствуя себя куклой.

Пока Синклэр выдвигал стул, он задел меня ногой, вызвав во мне прилив воспоминаний.

Синклэр навещает меня в третий раз. Мое сердце окутывает тепло. Оборона ослабевает. Тело расслабляется.

— Что ты напевала до этого? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами, испытывая смущение от того, что он стал свидетелем этого.

— Просто детская песенка, которая нравится Эвелин.

Его улыбка медленно угасает, но я решаю проигнорировать этот факт, потому что моя дочь поворачивает голову и смотрит в его направлении. Она улыбается ему, а когда ей кто-то нравится, он нравится и мне.

— Хочешь подержать ее? — предлагаю я.

Синклэр откидывается на стуле, вид у него шокированный. Его лицо меняет цвет, пока он задумчиво смотрит на Эвелин.

Ригэн громко присвистывает.

— Не соглашайся сразу на ее предложение, темноволосый великан. Наша Мамочка никогда и никому не дает подержать своего ребенка.

Синклэр не отвечает, и я начинаю переживать.

— Если тебе неудобно, то можешь не держать ее, — бормочу я.

— Кажется, ей нравится у тебя на руках, — тихо отвечает он.

Я улыбаюсь изо всех сил, чтобы сдержать обиду. Мне не приходило в голову, что ему могут не нравиться дети. Это ведь нормально?

Должно быть так. Но не для меня. Хочу, чтобы ему нравилась Эвелин. Хочу, чтобы он увидел ее драгоценную улыбку и подержал на руках.

— Думаю, ты нравишься ей, — признаю я.

Он ерзает на стуле.

— А разве ей много кто не нравится?

Я многозначительно качаю головой.

— Да. Мало у кого на руках она ведет себя спокойно.

Ригэн выплевывает воду, и по всему столу разлетаются мелкие капли.

— Ты шутишь, верно?

Когда я уклоняюсь от ответа на вопрос и смотрю на нее, она закатывает глаза и встает, взяв поднос обеими руками.

— Всегда пожалуйста, Мамочка.

Ригэн уходит и садится за стол к другому пациенту. Я делаю глубокий вдох и фокусирую внимание на Синклэре.

Он качает головой.

— Она твой друг?

— Ригэн?

Он кивает.

— Я бы не назвала ее другом.

— У тебя здесь есть друзья?

До сегодняшнего дня я бы указала на Эвелин и сказала, что когда со мной моя дочь, мне не нужны друзья. Но этот ответ воспринялся бы не так. Мне нужен человек, на которого можно положиться, и который поможет мне, пока я буду распутывать свои воспоминания.

— Нет, — наконец признаюсь я. — У меня здесь нет друзей... но теперь ты здесь. Ты же друг, верно?

— Я всегда был здесь, Виктория.

Синклэр протягивает руку через стол. Он уже почти накрывает ладонью мою руку, но в последнюю секунду отдергивает ее. И переплетает пальцы своих рук.

Синклэр становится все менее и менее незнакомым. Чувства и эмоции, засевшие во мне, начинают разрастаться. Я вижу воспоминание, как мы гуляем по дому в день переезда. Осознаю, что он был моим, когда я не имела на это права.

Я начинаю испытывать чувство вины. Хорошие люди всегда испытывают вину. Но это словно пытаться заплакать или начать переживать. Если это не так... если этого нет, то я самый поганый человек на земле.

Я еще раз смотрю на Синклэра, только для того, чтобы он поймал мой взгляд.

— Я вспомнила тебя, — сообщаю я так тихо, что боюсь, что он меня не услышит.

Но он слышит. Его лицо немного бледнеет, и я не могу сказать счастлив он или напуган.

Мне нужно продолжать говорить, пока не растеряла храбрость.

— Вспомнила, как встретила тебя в доме. Встреча, на которую я опоздала...

— Ты не опоздала. Поверь мне, у меня бывали клиенты, которые...

— ... которые опаздывали на два часа. Вот это поздно, — заканчиваю я за него.

Маленький намек на улыбку появляется на его лице. Он громко сглатывает и обхватывает лицо руками.

— Вот черт, — выдыхает он, и его руки тяжело падают на стол. Он облачивается на локти.

— Ты вспомнила что-нибудь еще?

— Вспомнила день, когда мы переехали.

— Это все?

— Это все.

Он выглядит разочарованным, и я подавляю желание спросить, какие мысли витают в его голове. Он думает о нас. Я вижу это по его глазам, вижу как они смотрят в пространство. Есть вероятность, что я уже упоминала этот момент. Или может нет.

Нервно облизываю губы.

— Между нами есть нечто большее?

— Конечно. Всегда было.

Я быстро моргаю, пытаюсь сдержать подступающие к глазам слезы.

— Также я помню твою сестру... Мы были хорошими друзьями, да?

— Да. Чего я никогда не понимал, потому что она властная и крикливая. Вы были абсолютными противоположностями друг друга, но как-то это работало, — на секунду он замолкает. — Боишься вспомнить все?

— Иногда нет. Большую часть времени — да. Не знаю, какотреагирую на правду.

Я закрываю глаза и, потирая переносицу, делаю глубокий вдох.

— Это слишком много для тебя? — спрашивает он.

— Нет.

Да.

Но я никогда ему в этом не признаюсь.

Синклэр кладет локти на стол и еще ниже опускает голову. Оказывается, я делаю тоже самое. Эти зеленые глаза, с золотой окаемкой, смотрят прямо в меня. Они завлекают, затягивают, хотя у меня есть все причины держаться подальше. Живот скручивает, ощущаю покалывание во всем теле.

— Расскажи мне что-нибудь, что я не могу вспомнить, — тихо прошу я.

Синклэр смотрит мне прямо в глаза.

— В первый раз, когда мы поцеловались, я ощутил твою душу, и она была абсолютно не такая, как моя: это был свет для моей тьмы, радость для моих переживаний. Тот момент навсегда останется со мной. Ты можешь забыть нашу историю, но я всегда буду ее помнить.

Кажется, мое сердце только что ушло в пятки.

Я чуть сильнее сжимаю Эвелин и задаю вопрос, на который не имею права.

— Синклэр, ты любил меня?

Очень медленно он опускает руки и смотрит на меня так напряженно, так внимательно, что руки у меня начинают дрожать.

— Я любил тебя тогда, люблю и сейчас.

ГЛАВА 17

Может быть Уэс прав.

Может, мне не следует ворошить прошлое. Красота начала нашего брака медленно угасла, оставляя отношения с кислым привкусом. И, если это только середина нашей истории, то что же будет в конце?

Я содрогаюсь от одной только мысли.

Время может приглушить боль и затянуть раны, но сейчас они снова раскрылись, и я снова чувствую боль в сердце. Напоминаю себе, что мое сердце не бьется. Просто живет, подпитываясь словами.

Оно все в синяках. Порой мне кажется, что оно вот-вот развалится, но сердце говорит мне:

Мне больно.

Мне больно.

Мне больно.

Не обращая внимания на боль, я знаю, что найду выход. Я слишком далеко продвинулась. Поздно возвращаться назад... верно?

Плач Эвелин нарастает, и я вздрагиваю. Я кладу ее голову себе на плечо и нежно потираю по спинке, пока иду по коридору.

— Все хорошо, — шепчу я, — все хорошо.

Элис недовольно на меня смотрит, но ничего не говорит.

Эвелин продолжает плакать. И что бы я не делала, она не останавливается. Я даже напеваю ей на ушко колыбельную — стопроцентный способ успокоить ее. Не помогает.

Нескончаемый поток вопросов проносится в голове: Разве я не даю ей достаточной любви и внимания? Она болеет?

Кажется, что чем больше я вспоминаю, тем глубже становится этот странный и пугающий разрыв между нами, словно нити, связующие нас сделаны некачественно. Кажется, что расстояние между нами растет. У меня нет ни малейшего понятия, как это остановить.

Прежде чем зайти в кабинет к доктору Кэллоуэй, я останавливаюсь и беспомощно смотрю в глаза дочери.

— Пожалуйста, прекрати плакать, — молю я.

Она моргает, ее светло-коричневые ресницы склоняются к щекам, и она грустно на меня смотрит. Рев прекращается, но она ерзает в моих руках, словно предпочла бы находиться на руках у любого другого человека, но понимает, что этому не бывать.

Прежде чем уйти, Элис бормочет себе под нос:

— Фэйрфакс не место для ребенка.

Сделав глубокий очищающий вдох, я стучусь в дверь, прежде чем войти. Доктор Кэллоуэй приветствует меня, и я устремляюсь к креслу, в котором постоянно сижу. Очень быстро, я начинаю смотреть на Фэйрфакс, как на транзитную остановку между моей старой жизнью и той, которая ждет меня за пределами его стен.

Я отвечаю на привычные вопросы привычными ответами. Между нами нарастает напряжение.

— Готова к новой порции снимков? — спрашивает доктор Кэллоуэй с улыбкой.

Я безумно боюсь увидеть остальные моменты прошлого, но вместе с тем и завишу от них. Я должна узнать остальное.

— Готова.

— Замечательно.

Перед ней уже лежит мое дело. Она достает только три фотографии.

Первая: мы с Уэсом. Сидим напротив друг друга. Рядом с моей наполовину наполненной тарелкой с едой стоит бокал вина. Бокал Уэса пуст. Он смотрит в объектив с улыбкой на лице. Но это все неправильно: в его улыбке нет чувств, только мрак, от которого мурашки бегут по спине. Выражение моего лица совсем иное. На нем нет улыбки. Ни намек на счастье. Я выгляжу запуганной, в моих глазах плещется страх.

— Следующая, — говорю я немного громче, чем следовало бы.

Вторая фотография более старая. Края слегка потерты, сам снимок приобрел желтоватый оттенок. На нем маленькая девочка. За ней обычная детская площадка. На девочке красно-синее платье с черными кружевами на юбке. Ее полненькие ножки в черных колготках. Большая красная повязка на волосах. Она улыбается фотографу большой беззубой улыбкой.

— Это я.

Доктор Кэллоуэй не отвечает. Я нарушаю нашу рутину, но так хорошо, наконец-то, вспомнить что-то до потери памяти. Эта фотография в увеличенном формате висела в рамке дома у мамы, рядом с фотографией брата. Она с любовью смотрела на них, с едва заметной

улыбкой на лице. Будучи подростком, я не понимала значение этой улыбки, но родив Эвелин, поняла.

Третья: мы с Синклэром. Кровь закипает в венах, когда я смотрю на нас вдвоем. Мы на какой-то вечеринке. На заднем плане шарик и серпантин. Нас окружают счастливые люди, имена которых я не могу назвать. Кажется, мы танцуем. Его рука держит в воздухе мою руку, а я кружусь. Юбка платья поднимается и кружится. Моя свободная рука поднята ладонью вверх, пальцы растопырены, словно я пытаюсь поймать момент. Волосы падают мне на лицо, но я все равно смотрю на Синклэра с широкой улыбкой. Я вижу только его профиль, но, заметив небольшую ямочку у него на щеке, понимаю, что он тоже улыбается.

Доктор Кэллоуэй ускоряет процесс. Начинает перелистывать картинки туда-сюда, снова, и снова, и снова. Я могу вспомнить момент, когда я была ребенком, но моя память сосредоточена на нас с Синклэром. Чувствую, как трещит воздух. Слышу, как хлопает дверь машины. Звучат голоса.

Медленно я погружаюсь в воспоминание.

Я охотно слеую за ним...

ГЛАВА 18

Май 2014

Каждый новый год брака несет за собой ссоры, слезы и страхи. Но также и счастье, улыбки и смех, которых всегда должно быть больше. Всегда.

Я пыталась убедить себя в этом, пока сидела напротив Уэса в ресторане, но четко осознавала, что все это было фарсом. Прошли те дни, когда мы жарили тосты, давали друг другу обещания и обсуждали наше будущее.

Между нами выросла стена. Невидимая. Незаметная для посторонних глаз. Только для нас. Порой я забывала про нее. Иногда я скучала по тому Уэсу, в которого была влюблена, искала его, но найти его не удавалось.

Расстояние образовалось не сразу. Мы превратились из влюбленных в незнакомцев не за одну секунду. Чем больше времени проходило, и чем дальше я не могла забеременеть, тем сильнее во мне нарастала обида и разочарование. Возможно стать партнером и было мечтой Уэса, но не моей. Он возвращался домой все позже и позже. Я «состояла в отношениях» с его автоответчиком. Я пыталась понять, как мы пришли к этому. Это из-за моего отчаянного желания завести семью? Из-за способности Уэса разозлиться за секунду?

Этого я не знала, и это сводило меня с ума.

Наш брак, который поначалу казался таким нерушимым, сейчас находился в плачевном состоянии. Помню, когда мы только были помолвлены, я качала головой, когда видела пары, которые разводились, расходились. Про себя я всегда думала: с нами никогда такого не случится. Мы никогда не запустим все до такого состояния.

Но вот они мы.

Вот и мы.

Я медленно размазывала еду по тарелке, и смотрела на Уэса. Все его внимание было сосредоточено на еде, словно поесть он мог лишь сегодня.

Никакой счастливой годовщины. Ничего.

Я не ожидала шикарного праздника или подарков. Я просто хотела заявления, типа «Эй! Мы прожили еще один год вместе! Следующий год будет еще лучше!»

Но мы уже практически закончили ужин, а я все еще не видела никаких признаков приближения подобного заявления.

Уэс вытер губы салфеткой и бросил ее на стол. У него был воинственный взгляд, словно он был охотником, а я его добычей. От этого взгляда я заерзала на стуле.

— Ты будешь доедать? — спросил он.

— Я не голодна.

Он усмехнулся.

— Виктория, Виктория...

— Что?

Он передвинул руку и уставился на меня.

— Что ты имеешь в виду под этим «что»? — спросил он на тон выше, — Мне что, нельзя произнести твое имя?

Добрую секунду я смотрела ему в глаза, пытаюсь найти хоть что-то от того Уэса, которого любила. Не смогла найти ни малейшего намека на него.

— Что?

— Боже, мы облажались, — сказала я, закрыв лицо ладонями.

Он поднял на меня глаза, полные ярости и боли.

— Нашла что сказать.

— Это правда.

Я подняла голову и уставилась в его пустые глаза.

— Ты меня хоть еще любишь?

— Конечно.

— Можешь сказать мне, что любишь также сильно, как и в самом начале?

— Нет, могу сказать, что стал любить тебя еще сильнее, — произнес он с такой серьезностью и убежденностью, что я практически ему поверила.

Практически.

Любовь трехмерна. Такая глубокая и обширная. Такая могущественная, что ты не можешь произнести и слова, чтобы это не отразилось у тебя во взгляде.

Глаза Уэса были пусты.

— Думаю, что у нас разные понятия о любви, — тихо сказала я.

Он громко рассмеялся.

— Ты живешь в своем чертовом саду. *Давай я буду ухаживать за этим цветком!* — он изобразил мой голос. — Ой этому цветочку нужна вода. А этот получает недостаточно солнечного света. Если ты оторвешься от этих цветов, то может быть поймешь, что такое любовь.

Я покачала головой.

— Ты злишься на меня? — хрипло спросил он.

Как бы мне хотелось злиться на него. Злость была эмоцией. Эмоции заводили сердце. Я же не чувствовала ничего.

— Ты злишься, — подытожил он.

— Прости меня. Ладно? — он понизил голос до нежного и умоляющего. — Прости меня, — повторил он.

— Ладно, — ответила я. Я положила вилку на тарелку, полную еды, пытаюсь придумать, как бы помягче сообщить ему новость. Я не видела легкого пути, но сказать было нужно.

Я сделала глоток воды и прочистила горло.

— Я подумываю вернуться на работу.

Наконец-то я озвучила свои планы.

Ответ последовал мгновенно:

— Зачем?

— Ну, а ты разве видишь, как где-то внутри меня растет ребенок? — ответила я. — Нет причин сидеть дома.

— Конечно есть.

— Уэс, я несчастна.

Он моргнул и уставился на меня с замешательством и злостью.

— Ты несчастна в своем доме мечты. В чем еще ты несчастна? Слишком жмут бриллиантовые туфельки?

— Мне нечего делать! Я схожу с ума.

— У тебя есть твой сад.

— Который ты только что высмеял.

— Я шутил. Мне ты кажешься счастливой.

В этом и заключалась проблема. Я не была счастлива.

В обществе я была хорошей женой. Я раздавала еду бездомным. Давала деньги на благотворительность. Состояла в книжном клубе, который собирался в последнюю пятницу каждого месяца. Я приглашала друзей на бранч, во время которого они собирались в моей столовой и сплетничали. Мы с Уэсом ходили с друзьями и членами семьи на ужин, и он был идеальным джентльменом.

Но как только мы оставались вдвоем, весь этот блеск и радость стирались с моего лица и становилась видна грусть. Если бы он хоть раз посмотрел на меня, то заметил бы это.

— Ты не вернешься на работу, — строго сказал Уэс. Такой тон не оставлял ни малейшего шанса на продолжение беседы.

— Ты не можешь указывать мне, что делать.

— Хм... думаю, что я только что это сделал.

Я ощутила такую сильную ненависть, что она накрыла меня с головой. Я закрыла глаза, прежде чем все заволочло черной пеленой. Мне хотелось убить его. В этот момент ничто не смогло бы сделать меня счастливее, чем зрелище его последнего вздоха, и осознание того, что он никогда не ранит меня снова.

Честно говоря, очень страшно испытывать столько ненависти к одному человеку. Я не чувствовала никакого раскаяния за то, что хочу причинить ему боль. Раскаяние я чувствовала только из-за того, что только думаю об этом.

Я скомкала салфетку и положила ее на стол.

— Я в туалет, — пробормотала я, и встала из-за стола.

— Виктория! Подожди! — закричал он мне вслед. Я быстрее пошла в сторону туалетов. Коридор был узким, с тусклым освещением. Я остановилась и обернулась, зная, что не смогу всегда избегать его, даже если захочу.

Уэс двигался ко мне как хищник и не остановился, пока не захватил меня в плен между собой и стеной. Я подняла на него взгляд, пока он смотрел на меня снизу-вверх.

— Почему ты просто убежала?

Выражение его лица не изменилось, но голос был такой приторно мягкий, что волосы у меня на шее встали дыбом.

— Ты не можешь контролировать меня, — ответила я, дрожащим голосом.

— Не шепчи!

Он стукнул ладонью по стене.

— Если есть что сказать, так говори, — заявил он злобно.

— Ты не можешь контролировать меня! — все мое самообладание исчезло.

В первый раз я потеряла терпение. Должна признать, прекрасное ощущение.

Уэс отошел от меня. Громко засмеялся и уставился в потолок.

— Ты думаешь, я контролирую тебя... Это мысли ненормальной.

Пока Уэс продолжал смеяться, я подвинулась влево, пытаюсь спрятать себя от вспышки.

Но смех медленно затих, и его внимание снова вернулось ко мне.

— Я построил для тебя прекрасный дом. Я обеспечиваю тебя. Даю все, и ты думаешь, что я контролирую тебя? Любая другая убила бы за такую жизнь, как у тебя.

— Да, возможно, они бы захотели наш первый год брака. Но не то, что у нас сейчас.

Он посмотрел на меня взглядом, полным такой ненависти, что я вздрогнула. Уэс начал ходить туда-сюда. Наконец он остановился и посмотрел на меня с такой уверенностью, словно все разрулил.

— Ты моя, — произнес он.

Поначалу мне показалось, что я неправильно его расслышала. Но он стоял там, без тени улыбки на лице, и я поняла, что он не шутит.

Пришла моя очередь нервно рассмеяться.

— Я не предмет! Мной нельзя владеть.

Он наклонил голову в сторону.

— Разве не это называется любовью? Обладать кем-то?

— Нет! — произнесла я, не веря своим ушам.

— Но ведь это так! — вернулся его дикий, безумный взгляд. — Не смотри на меня так, словно я этого не понимаю! Это ты та, кто смотрит на мир сквозь розовые очки, Виктория!

Я не могла понять, кто из нас сильнее двинулся: я, из-за того, что остаюсь с ним, или он, считающий, что любовь сравнима с владением.

Я подняла руки в воздух.

— Сдаюсь. Я сдаюсь, понял?

Я исчерпала все варианты. Просто пошла по коридору. Не знаю, куда собиралась, но знала, что нужно убираться, пока все не стало еще хуже.

— Я ухожу.

— Черта с два, — сказал Уэс у меня за спиной.

В следующее мгновение две руки вцепились мне в плечи. Меня развернули и потянули назад, пока моя голова не ударилась о стену. Затылок сразу же запульсировал. Я не видела ничего, кроме черных пятен перед глазами. Я пыталась оттолкнуть Уэса, но словно пытаюсь сдвинуть с места огромный валун. У него был садистский взгляд, словно он получал удовольствие от того, что причинял мне боль. Его пальцы обвили мои запястья.

Я стояла напуганная, пытаюсь придумать самый быстрый путь побега. Мрачная улыбка появилась на лице моего мужа, когда он положил руки мне на шею, и начал меня душить. Воздух покинул мои легкие. Мне хотелось умереть. Я царапала его руки, пытаюсь сделать хоть вдох. Мои попытки его только рассмешили. Мне хотелось свернуться в клубок. Боль пробежала по всему телу. Я отчаянно замолотила его по рукам.

Уэс сильнее сдавил мою шею, и обзор начал затуманиваться.

Это не может происходить на самом деле.

Не должно.

Затем Уэс опустил руки и отступил.

Согнувшись, я уперлась руками в колени, пытаюсь втянуть в себя как можно больше воздуха. Казалось, что легкие в огне. Так много боли. Мне хотелось плакать, но слезы не текли. Рот был открыт. Не было слов. Только всхлипы.

Я подняла голову, и увидела, как Уэс смотрит на меня, с отсутствующим выражением на лице.

— Найди кого-нибудь, кто будет любить тебя сильнее, чем я. Найди его! Где он? — быстро прошептал он. Его пальцы обвили мое предплечье, впиваясь в кожу.

Коридор начал сужаться, в глазах раздвоилось. Мне казалось, что я сейчас упаду в обморок.

— Он стоит прямо перед тобой, Виктория. Я это он. Я — единственный человек который будет любить тебя.

Он положил руку мне на макушку. На секунду, мне показалось, что он ударит меня о стену и убьет. Сразу же после этого, часть меня решила, что ей все равно. Но он просто погладил меня по голове, словно я была нашкодившим животным.

— Я не отпущу тебя, — большим и указательным пальцем он приподнял мой подбородок, чтобы я посмотрела на него.

Мы стояли там, глядя друг на друга. Я боролась за возможность дышать. Он боролся за то, чтобы контролировать меня. Все это время я приободряла себя.

Через мгновение я произнесла:

— Ты причинил мне боль.

— Хорошо.

Он опустил руки и одновременно прислонил свой лоб к моему.

— Теперь ты понимаешь, как сильно ранишь меня? Я люблю тебя, Виктория.

С таким мужем, как у меня, мне никакие враги не страшны.

На следующее утро я проснулась слегка сбитой с толку. Кровать была застелена свежестырытыми простынями. В лицо мне светило яркое солнце. Все это было неправильно; я всегда задергиваю занавески на ночь. Но затем до меня дошло, что я в комнате для гостей. Не было ни единого чертова шанса, чтобы я легла спать с Уэсом в одну кровать. Это словно спать с дьяволом.

Около двух часов Уэс несколько раз постучался в дверь, но я не открыла ему.

Я села. В дальнем конце комнаты на стене висело зеркало. Даже отсюда мне было видно, как сильно опухли глаза от пролитых за вчерашний вечер слез. На удивление, на шее не было синяков. Если бы мышцы не болели, я бы подумала, что вся эта ужасная сцена и не случалась вовсе.

Я уронила голову и взвыла. То, что произошло прошлой ночью, служило основанием для того, чтобы уйти от Уэса. Я знала это. Но я словно оцепенела. Боялась жить с ним и боялась убежать от него.

Не знаю, на что он способен, и это пугало сильнее всего.

Я откинула одеяло, и уже собиралась вставать, как вдруг краем глаза что-то заметила. На подушке рядом со мной лежала голубая коробочка с маленьким белым бантиком. К ней была прикреплена записка. Я открыла подарок. Это был прекрасный бриллиантовый браслет, который я увидела в ювелирном несколько месяцев назад. Я рассказала о нем Уэсу.

Тогда он это никак не прокомментировал, и я забыла об этом. Счастье, которое мог бы принести мне этот подарок год назад, сейчас не возникало. Я ничего не чувствовала. Я аккуратно положила его назад в коробочку и взяла записку. На ней было написано мое имя, торопливым почерком Уэса.

Надпись гласила:

В-

Сожалею о том, что произошло прошлой ночью. Я люблю тебя.

— У

Я с тоской посмотрела на надпись, желая вернуть мужа, которого я когда-то любила. Но чувствовала, что та его часть, которую я любила, уже угасла.

Слезы капали на записку, медленно скатываясь вниз по бумаге, сливаясь с чернилами и размазывая по бумаге слова «сожалению» и «люблю тебя».

Порви ее! — призвал меня разум.

Желание сделать это было сильным, но я нашла в себе силы сдержаться.

Я захлопнула крышку бархатной коробочки, встала с кровати и схватила фотоальбом с комода. Села на край кровати и начала просматривать свадебные фотографии.

Я поразились, увидев какой была раньше. Это казалось невероятным, но я отчетливо чувствовала счастье девушки на фотографиях.

Я продолжала перелистывать страницы.

Мое тело было здесь, удерживало меня в живых, но моя душа была где-то вдали от этого дома, этого брака, этой жизни.

ГЛАВА 19

Июнь 2014

Мне не хотелось уезжать из этого дома.

Вообще ничего делать не хотелось. Я просто хотела лечь в кровать, натянуть одеяло на голову, и перемотать свою жизнь назад.

Вспышки гнева у Уэса больше не проявлялись. Никаких побоев. Никакой боли. Он извинился только один раз, в той записке после нашей годовщины. Потом он притворился, что все нормально, и мы должны двигаться дальше. Но для меня это было не так-то просто. Я жила в постоянном состоянии «бей или беги».

Я уволилась с работы ради нашего будущего, и все для чего?

Ребенка не было. За несколько прошлых месяцев я убедилась в том, что никогда и не будет. Месяц назад, я предложила Уэсу обратиться к специалисту по бесплодию. Он быстро оборвал этот разговор. Сказал, что нет причин все торопить. Что мы и так усердно стараемся. Я не стала говорить ему, что если бы он уделял нашему браку столько же внимания, сколько и в начале, то понял бы, что мы «усердно» стараемся уже больше года.

Может быть бесплодие — это знак свыше? При мысли о том, что я привнесу ребенка в мир, с такой окружающей средой, меня выворачивало наизнанку.

Чуть позже я обнаружила как меня засасывает в бесконечную черную дыру, где я видела хорошие моменты с Уэсом. Видела, как мы сидим за обеденным столом с друзьями и смеемся. Он смотрит на меня, глаза сияют от счастья. И это давало мне маленький лучик надежды, что в нем есть еще что-то хорошее.

Когда Уэс был на работе, дом казался невероятно пустым. С помощью Рэне я стала

хорошим садовником. Казалось, что наша дружба стала крепче. У меня было множество друзей в Фалс Черч, но их скорее можно назвать приятелями — теми, которые рядом с тобой, пока все хорошо, но как только у тебя проблемы, их и след простыл.

Рэне была верным другом, взамен, я спасала ее от уныния. За эту неделю она несколько раз написала и позвонила мне. Я ответила лишь на один звонок и два сообщения. Рэне заявила, что должна встретится со мной лицом к лицу, и она будет ломиться ко мне в дверь, пока я не открою. Я бы предпочла прийти к ней в офис, быстренько обмолвиться словечком, чтобы она убедилась, что я в порядке и уйти.

Я боялась, что если останусь с ней дольше, то она увидит следы нашей с Уэсом драки. Злость. Стыд. А этого мне хотелось меньше всего.

Просто оставайся дома. Лучше побыть одной, шептал мой разум.

Желание сдаться и спрятаться в собственном доме было так велико. Но я сидела дома уже практически неделю и знала, что если не заставлю себя выйти сейчас, то не сделаю этого никогда.

Не остановило меня даже то, что погода была не самая хорошая. Небо стало свинцовым, от затянувших его облаков. Было так душно, что по моим вискам текли капли пота, а вещи прилипали к коже. Я надеялась на то, что сейчас начнется дождь.

Я припарковалась напротив магазина Рэне. В это время дня было довольно тихо. Большинство людей были на работе. Хлопнув дверью машины, я услышала детские крики и смех. Я медленно направилась в сторону парка. Он был одним из лучших в Фалс Черч, с новой детской площадкой, ограждением и местом для пикников и вечеринок. Здесь росли высокие дубы, чьи ветви заслоняли людей от яркого солнца.

Я заметила, что остановилась и завистливо уставилась на мам, сидящих под деревом. Все они были погружены в свой собственный мир. Они периодически поглядывали на своих детей, а потом возвращались к разговору. У одной из матерей рядом стояла коляска. Она катала ее вперед-назад, а когда приближала к себе, то мягко улыбалась смеющемуся внутри малышу.

Неужели это настолько ужасно, что нельзя такого желать? Казалось, что Уэс думает именно так. У меня были различные варианты развития событий, в результате которых мог рухнуть наш брак. Никогда бы не подумала, что это может произойти из-за детей.

Одна из мамочек посмотрела на меня. Она с подозрением прищурилась, и я поняла, что выгляжу странно: расхаживаю по парку как маньячка.

Я быстро отвернулась, и пошла вдоль улицы, надеясь спрятаться от их взглядов. Я скрестила руки на груди. Я шла сгорбившись, и если бы умела складываться пополам, то точно бы это сделала. Несмотря на то, что было облачно, я вытащила солнечные очки из сумки и надела их. Прозвучит безумно, но солнечные очки служили мне барьером между окружающим миром и мной. Когда я в очках, никто не увидит моих глаз или мою боль.

Великолепная идея. И почему я не додумалась до нее раньше? Я улыбнулась, глядя вниз и тут же врезалась в стену. Отшатнувшись, я подняла голову, быстро осознавая, что стеной был мужчина.

— Извините, — пробормотала я. Я быстро посмотрела на него. Я его знаю. Он был подрядчиком при постройке нашего дома.

Мужчина улыбнулся, и мое сердце ушло в пятки.

— Виктория, не так ли?

Я сняла очки. Синклэр Монтгомери. Как я могла забыть его? Он был все так же высок и

внушитель. Лето отнеслось к нему лучше, чем ко мне, и его кожа приобрела медовый оттенок. Его черные волосы были подстрижены короче, чем в прошлый раз. На нем были джинсы и черная футболка, обтягивающая его широкие плечи.

— Рад видеть вас, — поприветствовал меня он.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь ему в ответ.

— Я тоже.

Синклэр указал на цветочный магазин.

— Приехали повидаться с Рэне?

— Да. Давно собиралась, просто было очень много дел.

— Лучше стиснув зубы встретиться с ней, иначе она не отстанет, пока не добьется своего.

Я в этом и не сомневалась.

Синклэр открыл мне дверь и махнул рукой вперед.

— После вас.

Когда я проходила мимо него, мое плечо коснулось его груди и меня обдало запахом его парфюма. Пахло древесиной. Словно природой. Или упорной работой. Я проигнорировала ускоряющееся сердцебиение. Даже не глядя в зеркало, я могла сказать, что мои щеки покраснели.

— Виктория! Одна из самых лучших людей на планете! — воскликнула Рэне, вставая из-за стойки.

— Я в этот список не включен? — спросил Синклэр.

— Это зависит... У тебя есть ключи от моей машины?

Он бросил ей связку ключей. Рэне поймала их одной рукой.

— Отлично.

— Тогда дай я начну заново. Виктория! Синклэр! Два моих самых любимых человека!

— Так-то лучше, — ответил Синклэр. — Но в следующий раз добавь побольше эмоций.

Он положил свои большие руки на прилавок, и посмотрел на меня.

— Виктория, ты бы стала так издеваться над собственным братом, если бы он любезно привез твою машину к магазину, предварительно подкачав шины и сменив масло?

Синклэр задал вопрос не из вежливости, и не для того, чтобы втянуть меня в беседу. В его взгляде читался интерес. Я поразились тому, что прошел уже год с того момента, как я виделась с ним, но он каким-то образом сделал так, словно прошел всего день.

Мало по малу я расслабилась.

— Никогда не думала о том, чтобы так ужасно пытаться моего брата, — сказала я.

— Врушка, — произнесла Рэне.

Синклэр одарил меня улыбкой, которую я прочувствовала всем телом. Я быстро отвернулась.

— Так где ты была? — спросила Рэне.

Синклэр достал телефон и повернулся к нам спиной.

— Ой, да я так, — сказала я наотмашь, — просто отдыхала дома.

Даже мне это объяснение показалось неубедительным. Рэне нахмурилась и подошла поближе, заботливо смотря на меня.

Она подошла слишком близко. Мне нужно уходить. Прямо сейчас.

— Эй, ты же знаешь, что мы в помещении? Можешь снять свои очки.

Я сделала шаг назад.

— Знаю. Я просто хотела забежать поздороваться.

— Стой, — сказала она, мне нужно кое о чем с тобой поговорить. Она посмотрела на Синклэра.

— Мы пойдем, поговорим в подсобку, хорошо?

— Хорошо, — сказала я немного громче, чем надо. Прозвучало неправильно. Мне показалось, словно я пародия на ту, какой когда-то была, и сейчас пытаюсь притворяться, что все в норме.

Рэне пошла к кассе, и у меня появилась возможность осмотреться. Я была здесь несколько раз, но казалось, что, когда я каждый раз захожу в цветочный магазин, что-то меняется. Магазин был оформлен в деревенском стиле, и мне это нравилось. Рэне не верила в то, что можно так просто избавиться от вещей. Она ходила по антикварным магазинам и блошиным рынкам в поисках чего-то для своего магазина. Стены были выкрашены в темно-бирюзовый цвет. На стене передо мной висело множество зеркал, разных форм и размеров. У стены стоял длинный деревянный стол, а рядом с ним — две старые стремянки. Белая краска практически слезла с них, но ступеньки до сих пор были, удерживая на себе множество цветочных горшков.

— Ладно, — сказала Рэне у меня за спиной, — давай поболтаем. Я вернусь через несколько минут, — бросила она Синклэру.

Тот взмахнул руками.

— А мне что делать?

— То, что умеешь делать лучше всего: сиди здесь и выгляди красиво, Син.

Следуя за Рэне, я оглянулась через плечо на Синклэра. Мы встретились взглядами, и я мгновенно отвернулась.

Подсобкой оказалось небольшое помещение с письменным столом у стены. Старый ноутбук был открыт, на экран был приклеен стикер. Там же стояла маленькая рамка с фотографией Рэне и ее мужа. Рядом с дверью стоял маленький холодильник. Рэне подвинула мне офисный стул и достала из холодильника бутылку воды.

— Хочешь пить? — спросила она.

Я отказалась и села.

Некоторое время мы болтали с ней о приземленных вещах, не сильно утруждавших нас, но темы, которые легко обсудить закончились.

Рэне вздохнула и выбросила пустую бутылку в мусорную корзину.

— Так где ты была на самом деле?

— Дома. Были дела.

Рэне вопросительно выгнула бровь.

— Ага. Дела. У тебя все в порядке?

— Все прекрасно.

Я одарила ее ослепительной улыбкой, но мои губы начали дрожать, потому что душа вопила, умоляла, чтобы я рассказала ей правду. Мне понадобились все мои силы, чтобы ничего не произнести.

— Ладно, ладно. Все с тобой в порядке...

Рэне отошла от стены и посмотрела на свои руки с таким напряженным видом, словно не могла решить сложную математическую задачу. Она подняла голову и посмотрела мне в глаза.

— У вас с Уэсом все в порядке?

Я замялась. Лишь на секунду, но Рэне заметила.

— Что происходит?

Пришла моя очередь опускать взгляд.

— У нас сейчас сложный период.

Рэне понимающе кивнула.

— Это нормально. Пары проходят через такое. Иногда мой муж сводит меня с ума, а иногда я не могу им насытиться. Но, чаще всего, он сводит меня с ума, — сказала она, поморщившись.

Я ухмыльнулась, оценив ее попытку поднять мне настроение.

— Как долго он обычно сводит тебя с ума?

Она задумалась.

— Обычно все зависит от того, насколько я раздражена. Или он. Самый долгий период?

Я нетерпеливо кивнула, ожидая ее ответа, словно манны небесной.

— Я бы сказала, что это было, когда я открывала свое дело. Мы были женаты всего два года. Он переживал, что бизнес накроется. Честно, я тоже переживала. Но я хотела хотя бы попытаться. Мы придирались друг к другу практически два месяца, потом он один раз не пришел домой ночевать и это была настоящая проверка. Мы приложили огромные усилия, чтобы научиться не вымещать злость друг на друге из-за окружающих невзгод.

Два месяца. Для меня два месяца казались прогулкой в парке.

— По отрешённому выражению на твоём лице, я полагаю, что это не то, что ты хотела услышать, — тихо сказала Рэне.

— Между мной и Уэсом все гораздо хуже.

— Например?

— Если я скажу тебе...

Рэне подняла руки.

— Не расскажу ни единой душе.

Я выдохнула и сделала глубокий вдох.

— В жизни Уэса сейчас все очень напряженно, много стресса. Он пытается найти партнера, а это отнимает больше времени, чем он ожидал. Он работает бессчетное количество часов. Мы очень редко видимся и... В прошлом году, идея завести ребенка казалась мне такой хорошей. Я думала, что он сблизит нас, сделает счастливее, чем мы могли себе представить. Но этого не произошло. Я ушла с работы... Отказалась от части себя, ради Уэса. Он не хотел ребенка, но я настояла... Он несколько раз терял терпение. Все происходило так внезапно, неожиданно... Каждая вспышка гнева была хуже предыдущей, и я уже не знаю, что делать.

Всегда казалось, что если я поделюсь своей болью, то у меня зубы сведет. Но на самом деле я ощутила свободу.

— Эти вспышки, — медленно начала она, — насколько они ужасны?

Рэне преподнесла вопрос спокойно, чтобы он не звучал так, словно она спрашивает было ли насилие в нашей семье. Она просто это подразумевала.

Все что происходило с Уэсом пожирало меня изнутри. Я знала, что кому-нибудь нужно признаться, но это было последнее, что мне хотелось делать. Никто не хочет обнажать свою боль и унижение. Словно оказаться голышом перед толпой незнакомцев.

Но Рэне не была незнакомкой, и глубоко внутри я знала, что если кому и стоит открыться, то именно ей.

Я встала со стула. Рэне озабоченно посмотрела на меня, и я взглянула на нее в ответ. Иногда слова сбивают с толку. Порой нет нормального способа описать ситуацию или свои чувства. Порой ты просто показываешь их.

Уставившись в стену, я напредила себе, что могу ей доверять, а затем подняла подол рубашки до самых плеч.

Я поняла, что она увидела по ее резкому вздоху. Большинство синяков с ночи нашей второй годовщины прошли. Но Рэне увидела не синяк. Это был порез. Когда Уэс припечатал меня к стене в ресторане, я задела край зеркала. Порез был глубиной примерно пять дюймов.

Прошло всего несколько секунд, но этого мне было достаточно. Я опустила рубашку и повернулась к ней.

На лице у Рене был ужас.

— Что это?

— Небольшой экскурс в мой брак, — пробормотала я.

Гримаса боли отобразилась на ее лице.

— Так происходит все время?

Я пожала плечами и уставилась в пол.

— Не все.

— Тогда как давно?

— Только... недавно, — призналась я, стараясь не упоминать моменты, когда он действовал как невротик.

— Совсем не похоже на него. Не могу в это поверить, — ответила она едва дыша.

— Но так и есть.

В воздухе повисло напряженное молчание. Рэне начала рассказывать взад-вперед.

— Это ненормально, — произнесла она с опаской.

— Я знаю.

Она похлопала по бедрам, широко распахнув глаза.

— Так ты собираешься уйти от него?

Я замялась, и ее лицо помрачнело.

— О, нет, Виктория...

— Все очень сложно, — пробормотала я, но даже для меня такой ответ не звучал убедительно. Может я и выдала небольшую порцию правды, но пока не готова была открываться полностью. Я не могла объяснить ей, что мой страх был огромным, ужасным чудовищем, живущим внутри меня, контролирующим все, что я делаю. Из-за него я застываю в собственном теле. Решения, которые раньше мне давались также легко, как биение сердца, теперь с трудом взбирались на гору выбора, вершину которой я толком и не видела.

Я не могла рассказать ей, какой лицемеркой себя чувствую. Как много раз я видела людей в больнице с подозрительными синяками, и слушала их нелепые оправдания. Всегда думала, что будь я на их месте, то никогда бы не жила с этим. Я бы ушла, потому что сильная. Я знала себе цену и заслуживала большего.

Но вот она я.

Если бы я могла вернуть к себе всех пациентов, на которых осуждающе смотрела и извиниться перед ними, я бы так и сделала.

— Слушай, не надо говорить мне, что это неправильно. Я сама это знаю. Не нужно говорить, что пора уходить от него. Клянусь, что бы ты сейчас не думала, я уже обдумала это тысячу раз до этого.

Рэне сжала губы в тонкую линию, и уверена, что она столько всего хотела мне сказать, но не стала. За что я была ей благодарна.

— Может мы прекратим это?

— Конечно.

Я схватила сумочку и устремила к двери, пытаясь как можно скорее оставить этот разговор за спиной.

— Виктория?

Я медленно обернулась.

— Это не твоя вина, — тихо произнесла Рэне.

Я подняла голову и сморгнула слезы.

— Если тебе что-то понадобится, ты всегда можешь мне позвонить.

— Я знаю, — ответила я.

Она остановила меня нежным прикосновением руки. Но я все равно вздрогнула.

— Я имею в виду, что я всегда рядом. Что бы не произошло.

Когда люди пытаются помочь, я действительно верю, что они искренне хотят это сделать. С такой наивностью. Так просто делать заключения, если сам не находишься в ситуации, когда легко убежать от всего, что рушится. Но по взгляду Рэне, я поняла, что она знает, о чем говорит.

— Спасибо, — благодарно прошептала я. Я действительно это подразумевала.

В ту же секунду, как мы вышли в помещение магазина, Рэне натянула на себя улыбку, словно ничего и не произошло.

— Мы вернулись, — произнесла она

Синклэр постучал по часам.

— Вы обе понимаете, что вас не было практически полчаса?

— Мы разговаривали.

Взгляд Синклэра метался между мной и сестрой.

— О чем?

— Извини, ты что отрастил вагину пока нас не было, а я и не знаю? Почему тебя заботит, о чем мы разговаривали?

Он поднял руки вверх, словно сдавался.

— Просто спрашиваю. Не руби голову с плеч.

— Мне пора, — произнесла я.

— Хорошо, увидимся позже, — беззаботно ответила Рэне.

Синклэр долго смотрел на меня, я чувствовала себя словно под микроскопом.

— Увидимся, — наконец попрощался он.

Слова были произнесены не просто из вежливости. Его слова звучали скорее как обещание.

ГЛАВА 20

Июль 2014

Никто не должен звонить в дверь в восемь утра.

Это неправильно. Большой грех.

Я завязывала халат, спускаясь по ступенькам.

— Иду, уже иду.

Я быстренько посмотрела в глазок. Это была моя мать.

Я повернула ключ и открыла дверь.

— Доброе утро.

Моя мать прошла мимо меня с таким сияющим взглядом и довольным видом, словно была середина дня, а не раннее утро. Она несла коробку с надписью ВЕЩИ ВИКТОРИИ. Н коробке стояло два стаканчика кофе и бумажный пакет с едой.

Не зная, с чего начать, я сняла кофе и еду. Затем указала на коробку.

— Что это?

Мама поставила свою сумочку и коробку на стол у стены.

— Ой, я просто разбиралась на чердаке и нашла твои старые вещи. Подумала, что ты захочешь на них взглянуть.

На самом деле нет, но я пожала плечами. Мама сделала глубокий вдох и взяла у меня стаканчик с кофе. Она все еще не объяснила почему пришла, и похоже, не собиралась этого делать.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, закрывая дверь.

— Просто хочу немного побыть со своей единственной дочерью.

— В восемь утра?

— А что, завтракать вместе, это теперь преступление?

Этот незапланированный визит был таким странным. Я не знала с чего начать. Обычно моя мать все заранее планирует. Никаких сюрпризов.

Что-то случилось.

Я последовала за ней на кухню.

— Я заказала два без кофеина, но мне кажется, они перепутали заказ. Была длинная очередь, поэтому я не стала разбираться.

— Все нормально. У меня есть сливки.

Я достала тарелки, а моя мать села за кухонный уголок и достала два больших бэйгла из пакета.

Кофе и углеводы. Она что, пришла сюда сообщить что умирает и ей осталось жить три недели?

— Все в порядке? — осторожно спросила я.

Мама опустила руки на стол.

— Конечно. — Она помахала рукой в воздухе, словно отметала мои слова и посмотрела в окно. — Вечно забываю насколько прекрасен твой сад.

— Ты за этим сюда приехала? Поговорить о моем саде?

Моя мать нахмурилась.

— Конечно же нет, — Она откусила кусочек булочки и вытерла руки о салфетку. — как ты?

Она посмотрела на меня многозначительным взглядом. Также мать смотрела на меня, когда я была подростком, а она знала, что я накосячила и хотела услышать мои признания.

Я сделала глоток кофе.

— Я в порядке, — медленно повторила я.

— Точно?

— Мам... что происходит?

— Со мной разговаривал Уэс, — призналась она.

— О чем? — резко спросила я.

— Он переживает за тебя.

— Он переживает за меня, — отрешенно повторила я.

— Ну да!

Я нетерпеливо взмахнула рукой.

— Мам, просто скажи, что он сказал.

— Говорит, что ты ведешь себя нервно и непредсказуемо. Что у вас бывают ужасные ссоры, и что он пытается все исправить, но ты неисправима.

От услышанного меня парализовало. Я знала о темной стороне Уэса. Но никогда бы не подумала, что он попытается настроить против меня мою мать. Он упал еще ниже в моих глазах.

— И ты поверила в это? — гневно произнесла я.

— Конечно. Ты уже давно выглядишь несчастной.

— Откуда ты знаешь? — просипела я.

— Ну у меня есть глаза, и на зрение я не жалуясь. Очевидно же, что с тобой что-то не так!

— Ты не должна об этом знать!

— Расскажи мне, — настаивала она, — может я сумею помочь.

— Это не твое дело, и ты не сможешь в этом помочь.

Мама скрестила руки на груди.

— А теперь успокойся. Я сюда пришла не для того, чтобы ссориться с тобой. Она встала и распахнула руки для объятий. Я сделала шаг назад. Сердце так сильно стучало, что я с трудом дышала.

— Он сказал мне, что ты несчастлива в браке.

Ну конечно.

— Милая, он любит тебя. Боже мой, он был так подавлен, когда разговаривал со мной.

Я запустила руки в волосы и сделала глубокий вдох. Словно я в сумеречной зоне. Все вокруг меня видели, какой он прекрасный мужчина. Никто не видел ту сторону, которая открылась мне. Он так хорошо это скрывал, что я выглядела обманщицей. Я была злодейкой в нашей паре.

— Ты должна дать шанс вашему браку.

— А тебе не следует давать советов, не зная всей истории.

— Ну тогда просвети меня. Заполни пробелы.

— Тогда ты согласишься мне?

Мама поколебалась. Всего на секунду, но этого было достаточно, чтобы понять, что вероятнее всего, она не поверит. Она рассматривала мою жизнь, мой брак как трофей, который можно показывать друзьям, и, если я поделюсь с ней хотя бы долей своих чувств, она сделает все что в ее силах, чтобы отговорить меня от развода.

— Мне начинает казаться, что я вышла замуж за абсолютно незнакомого мне человека.

— Виктория, это невозможно. Ты...

— Ты дашь мне закончить? Ты так торопишься поправить меня, даже не дослушав!

— Хорошо. Продолжай.

— Как я уже сказала, мужчина, за которого я вышла замуж, не тот, кем кажется.

— Это не важно! — она не могла совладать с собой, ей обязательно нужно было высказать свое мнение, — ты решила прервать отношения с человеком, которого любишь больше всех из-за пустяка.

Это Уэс начал, забрав мою душу и заперев ее в стеклянной банке.

— Я знаю, что ты любишь Уэса.

— Я люблю его добрую сторону, — медленно признала я, — но, к сожалению, даже с ней, я не могу сражаться с его темной стороной, которая может вернуться совершенно внезапно.

— Виктория, ты замужняя девушка. Ты давала брачные клятвы.

Она так произнесла слово «клятвы», словно это было что-то святое. Ты никогда не должна их нарушать.

— Ну так ты расскажешь, что происходит у тебя в голове?

Шли секунды. Мать ждала ответа, пока я, глядя на булочку, размышляла, стоит ли так скрывать правду о моих проблемах. Я вспомнила о записке, оставленной на моей подушке на следующее утро после происшествия. Думала о том, что мы живем с Уэсом разными жизнями, что он подумал, что краткое «прости» поможет все забыть, и как часами пытался обеспечить мне комфортное существование. Подумала о том, как перебралась в гостевую спальню, не желая, чтобы Уэс прикасался ко мне, лишь бы защитить себя.

— У него проблемы на работе, верно? — спросила она.

— Да.

— Милая, все в порядке. Ссоры случаются. Они неизбежны. Но это не означает, что ты должна убежать и спрятаться. Вы должны смело смотреть проблемам в лицо и решать их вместе.

— Это не так просто, — я нервно облизнула губы. — С ним что-то не так, мам. Я имею в виду, в нем что-то серьезно изменилось.

— Виктория, это все твое воображение. Вы...

— Это не мое чертово воображение!

Я запустила руки в волосы и с трудом подавила желание, вырвать их с корнем. Боже, кажется, что я схожу с ума.

— Ты не видела его, когда он злится. Это выходит за грани разумного. Он становится другим!

— Виктория, — спокойно сказала она, — послушай меня.

Медленно, я встретилась с ней взглядом.

— Это постоянная борьба. Если вы пройдете через это, значит перейдете на новый уровень.

Моя мать всегда верила, что любое препятствие можно преодолеть, если хорошенько постараться. Но это не было испытанием. Это был кошмар наяву.

— А что будет, если мы не справимся?

Она посмотрела мне в глаза.

— Тогда хотя бы будете знать, что пытались.

На это мне нечего было сказать.

— Мне пора, — мама встала и слегка улыбнулась, обнимая меня. Я была так шокирована, что просто застыла на месте, как ледяная статуя.

Обняв, она посмотрела мне в глаза.

— Почему ты еще не заглянула в коробку, которую я тебе принесла?

Я нахмурилась.

— Старые воспоминания не помогут мне.

— Ошибаешься, — мягко сказала она, — они всем помогают.

Мы пошли к входной двери. Моя мать открыла коробку. Достала оттуда старый

фотоальбом, готовясь погрузиться в воспоминания. У меня не было ни малейшего желания присоединиться к ней, я все еще отходила от нашего разговора.

Она достала фотографию и протянула ее мне. На ней была маленькая я.

— Зачем мы смотрим на это?

— Может вам пора обсудить вопрос ребенка.

Она провела пальцем по маленькому личику на фотографии.

— Ты и твой брат это лучшее, что когда-либо случилось со мной. Это сблизило нас с отцом сильнее, чем я думала.

Она не знала, что я уже пыталась завести ребенка некоторое время. Мне не хотелось ей об этом рассказывать. Поэтому я кивнула и проводила ее до двери. Мое сердце разрывалось на части.

Когда закрылась дверь, я прислонилась к ней и закрыла глаза.

Глубоко внутри я знала, что ни бесчисленное количество извинений, ни подарки, ни ребенок, не смогут сблизить меня с Уэсом.

ГЛАВА 21

Июль 2014

— Что ты думаешь об этом?

Синклэр посмотрел на цветок.

— Черная роза? — он покачал головой, — слишком темная.

Я провела пальцем по темно-фиолетовым лепесткам.

— А мне нравится.

— Ты должна помочь Рэне составить свадебный букет, а не похоронный.

Мы были в цветочном магазине Рэне. Он располагался в самом сердце Фолс Черч. Это было тихое и необычное место с бело-зеленым навесом, который переживал не лучшие времена. Входная дверь была выкрашена черной краской, которая начала отслаиваться в области дверной ручки. Казалось, что людей привлекает необычный вид здания, которое выглядело так, словно его перенесли из прошлых десятилетий. Когда было тепло, букеты и цветы в горшках стояли перед зданием.

Магазин был предметом радости и гордости Рэне, и тот факт, что она разрешила приглядеть за ним в течение двух часов, очень удивил меня. Первые полчаса я просидела за кассовым аппаратом, абсолютно не понимая, что надо с ним делать. Синклэр пришел час назад. Он также ничего не понимал, и мы были абсолютно бесполезной парочкой.

Погода стояла унылая. Сгущались тучи и вдалеке гремел гром. За все это время пришел только один покупатель.

— Должно быть, эти для свадьбы, — я собрала розы на длинных ножках и передала их Синклэру. — Вот ваш букет. Желаю всего хорошего в вашем будущем, обреченном на провал браке.

Синклэр поднял бровь.

— Я не знаю, как Рэне может этим заниматься и превращать все в прекрасные букеты.

— У нее точно есть талант.

— Может он проявится и у тебя, если она научит тебя искусству составления букетов.

Я пожала плечами и вернулась к обрезанию стеблей у черных роз. На Синклэре были черные брюки и белая приталенная рубашка, с рукавами, закатанными по локоть. На груди слева виднелась эмблема его строительной компании. Он был здесь около часа и пока не собирался уходить. Меня это устраивало. Мне нравилось, когда он был рядом, что очень

часто случалось в последнее время.

Мы начали общение по телефону с того дня, как мы с Уэсом переехали в наш дом. По началу короткие беседы переросли в длинные разговоры. Вскоре мы стали переписываться по почте.

Синклэр никогда не приходил ко мне домой. Я проводила с ним время в магазине Рэне. Это было наше место встречи, и я ценила каждую секунду; без него внутри разрасталось что-то болезненное, и оно медленно убивало меня. Рядом с ним я чувствовала себя живой. Я могла дышать.

Я могла жить.

Трудно было поверить, что я познакомилась с ним всего девять месяцев назад. Казалось, что мы знакомы гораздо дольше. Мы с такой легкостью разговаривали друг с другом. Казалось, что он всегда заинтересован в том, что я говорю. Так прекрасно было ощущать, что кто-то действительно меня слушает.

Все это время мы не делали ничего такого, что было бы неприемлемым. Мы знали, что между нами существует невидимая грань, которую не стоит пересекать. Но я все ближе и ближе приближалась к этой границе, и становилось все сложнее ее не пересекать.

— Почему ты такой нарядный? — поинтересовалась я у него.

— У меня встреча с потенциальным клиентом. Планируется постройка большого дома на дороге Бэллами.

— У меня появится новый сосед?

Он ухмыльнулся, и у меня свело живот.

— Может быть, но ни в чем нельзя быть уверенным наверняка.

Мне пришлось прикусить губу, чтобы спрятать улыбку. Мне нравилось, что Синклэр был так откровенен со мной. Когда я спросила, как прошел его день, он не пожал плечами и не захлопнул дверь в кабинет. Он не прищурился и не спросил зачем я спрашиваю. Он сказал правду. В один день, в ближайшем будущем, я надеюсь, что смогу быть с ним также откровенна.

Собрав обрезанные стебли, я выбросила их в мусорную корзину.

— Как ты жил с ней, когда она была подростком? — спросила я через плечо.

— Ох, это был кошмар наяву.

— Правда?

Синклэр кивнул и зловеще улыбнулся. Я уже поняла, каким вредным братом он был для Рэне.

— В ее комнате все всегда стояло на своем месте. У каждой вещи было определенное место. У каждой. Если что-то было сдвинуто, то мир переставал для нее существовать.

— А в твоей комнате?

— Чертов беспорядок. Это сводило ее с ума. Когда у нее были неприятности, она никогда не собирала вещи, чтобы уйти из дома и не ругалась. Нет, наша мать просто отправляла ее убираться в моей комнате.

Положив локти на стол, я улыбнулась и пригнулась поближе. Вокруг Рэне и Синклэра было какое-то... сияние. На инстинктивном уровне, люди тянулись к ним, желая услышать, какое следующее слово сорвется с губ.

— Бедняжка Рэне, — прокомментировала я.

— Вовсе не она бедняжка, — быстро ответил Синклэр, — скорей всего бедный мир! Или бедняга Синклэр!

Я взяла метлу и начала в миллионный раз подметать пол; честно говоря, это место было безупречно чистым.

— Тогда хорошо, что мы встретились взрослыми, — сказала я.

— Почему?

— Когда она говорит, кажется, что она все в жизни держит под контролем. В то время как моя жизнь... разбита на осколки.

— Правда?

Я кивнула.

— Я была молодой, дикой и беззаботной. Если что-то шло не по плану, я просто возвращалась, чтобы это исправить. Я так много раз меняла специальность в колледже, что уже сбилась со счета. Мне хотелось попробовать себя во всем, игнорируя тот факт, что это было невозможно. Я сводила свою мать с ума тем, что так спокойно ко всему относилась. Так осталось и по сей день.

— Звучит так, словно ты была любвеобильной хиппи, а не молодой девушкой.

Я оглянулась на него через плечо и продолжила убираться.

— Я всего лишь пытаюсь сказать, что если бы она посмотрела на молодую Викторию, то тут же убежала от нее в противоположном направлении.

— Сомневаюсь. Думаю, что, когда ты вела себя так, то выглядела прекраснее, чем сейчас.

Он произнес это так тихо, что поначалу я даже не поняла. Он скорее прошептал эти слова, и мне понадобилось несколько секунд на осмысление.

Я подняла голову, и увидела, что Синклэр смотрит мне прямо в глаза. В них я не видела сожаления или смущения. Он был готов ответить за каждое произнесенное слово. Живот свело от напряженности в его взгляде.

Мы очень часто перемещались от нормальных тем в разговоре к тем, о которых нам не следовало разговаривать.

Именно в этот момент я поняла, что Синклэр слушает каждое мое слово. Более того, он был заинтересован в том, что я говорю. Не то что мой муж. Даже с самого начала отношений, весь разговор крутился вокруг Уэса. Он слушал меня, но в итоге тема разговора сводилась к нему. И я осознала это уже очень давно. Просто не придавала этому значения.

Но должна признать, как же это великолепно быть услышанной.

Синклэр прочистил горло.

— Могу я задать тебе вопрос?

— Конечно, — ответила я, опустив ножницы.

— Ты работала до замужества?

Я застыла, мои руки зависли над вазой.

— Я была медсестрой.

— Но не сейчас. — вяло подытожил он.

Я кивнула.

— Мы с Уэсом хотели завести семью.

Мы с Уэсом? Что за глупость. Чем больше времени проходило, тем больше я осознавала, что Уэс спокойно бы провел остаток своей жизни без детей и чувствовал бы себя великолепно.

— Но уже нет? — спросил он.

— Уже нет.

Синклэр наклонился над столом, осторожно глядя на меня, словно я была кусочком пазла, который он не мог вставить в картинку.

— Скучаешь по работе медсестрой?

— Да.

Даже для моих собственных ушей голос показался слишком тихим. Это был тот момент, когда я должна была быстро сменить тему разговора, но я начала говорить.

— Преимущественно я работала в отделении экстренной помощи. Большую часть времени это был дурдом. Порой я так сильно уставала, что к концу дня клала голову на подушку и вырубалась. Но каждый день происходило что-то новое. Повторов никогда не было.

— Ты любила свою работу.

Я слабо улыбнулась.

— Все еще люблю.

— Тогда возвращайся.

Я опустила ножницы и взглянула на него из-под ресниц.

— Как бы я хотела, чтобы было так просто.

— Конечно это просто.

— Нет, это не так. Это...

Я резко замолчала. Отчаяние начало заполнять мои слова. Невозможно было объяснить ему всю ситуацию. Он не поймет. Никто не поймет.

— Я не пытаюсь тебя разозлить, — сказал Синклэр после минутного молчания.

Я облокотилась на стол и потеряла виски. Как же мне хотелось сказать ему правду.

— Я знаю, что ты не пытаешься.

Синклэр встал и обошел вокруг стола. Его плечо соприкоснулось с моим. Жар. Меня обдало таким жаром, что казалось будто я вот-вот воспламенюсь. Наверное, это реакция моего тела на него. Даже на Уэса оно так не реагировало. Я хотела убрать руку, но не смогла. Просто невероятно испытывать такие ощущения от одного только прикосновения.

— Я бы сказал, что не лезу в твою жизнь, но это было бы неправдой.

Не отвечая, я опустила голову, уткнувшись взглядом в дубовый стол.

— Я наблюдал за тем, как он обращается с тобой... это неправильно.

Синклэр поставил локти на стол и посмотрел мне в глаза; он наклонился так близко, что наши лица оказались на расстоянии дюйма. Облик дружбы исчез из его взгляда, оставив лишь слепое желание. По моей коже побежали мурашки.

— Ты заслуживаешь лучшего, — низким голосом сказал он.

Все что я смогла сделать — кивнуть. Я не могла дышать. Не могла говорить.

Что происходило между нами?

Я любила.

Хотела.

Желала.

Но ни одно из этих чувств не было сравнимо с тем, которое нарастало сейчас.

Я знала, что Синклэр тоже ощущает эту связь между нами. Он нахмурил брови, его взгляд метался от моих глаз к моим губам. Я видела, как бьется пульс на его загорелой шее.

Так же сильно, как и у меня.

Синклэр придвинулся ближе. И я сделала сумасшедшую вещь: тоже наклонилась вперед. Но не думаю, что у меня был выбор. Не помню, когда в последний раз мужчина смотрел на

меня как на девушку, а не на свою собственность. Мне хотелось быть честной с ним и я уже было открыла рот, чтобы произнести слова.

— Синклэр, я...

Именно в этот момент зазвенели колокольчики над входной дверью. Я отпрыгнула от стола, словно он пылал в огне.

— А вот и я, — прокричала Рэне. Она несла две больших коричневых сумки. Она как пчелка подлетела к месту, где стояли мы с Синклэром.

— Потребовалось больше времени, чем я рассчитывала.

Я скрестила руки и снова их опустила. Опять скрестила. Я не могла перестать суетиться. Не могла перестать искоса поглядывать на Синклэра. Он стоял прямо. Руки его висели вдоль узких бедер. Он непоколебимо смотрел на меня.

— Не волнуйся об этом, — громко ответила я Рэне, — все в порядке.

Рэне поставила сумки на стол, и с любопытством посмотрела на меня. Ее взгляд метался между мной и Синклэром.

— Много народу было?

— Один покупатель.

Рэне присвистнула.

— Похоже дела совсем плохи.

Я чувствовала на себе взгляд Синклэра. Но Рэне тоже смотрела на меня, поэтому я никак не могла посмотреть в его сторону. Я указала на сумки.

— Что ты принесла?

— О! — Рэне в возбуждении хлопнула в ладоши и потянулась к сумкам, — после всех дел, я пошла на фермерский рынок. Я нашла этот прекрасный цветок, в который ты однозначно влюбишься...

Она продолжала рассказывать. Ее губы шевелились, но я не могла разобрать ни единого слова. Я посмотрела на место, где стоял Синклэр. Взглядом я умоляла его, чтобы он не рассказывал о том, что только что чуть не произошло.

— ... думаю я попробую и поеду в путешествие на неделю, — сказала Рэне. Она перелистнула календарь, и резко замолчала. Ее лицо побледнело.

— Черт, черт, черт, черт, — Рэне запустила руки в волосы.

Я попыталась заглянуть в расписание, но ее рука его загородила.

— Что случилось?

— Я забыла отвезти цветы.

— Кому? — спросил Синклэр.

— Клиенту. Я абсолютно забыла. Мы с Джеффом сегодня планировали провести вечер вдвоем.

— Я отвезу, — пробормотала я.

Рэне выглядела шокированной.

— Что?

Я произнесла эти слова прежде, чем подумала, но, когда они были произнесены, я подумала, что это может быть забавно. Или хотя бы интересно.

— Да, — сказала я, обходя кассу, — да, я сделаю это. Без проблем.

— Я поеду с ней.

Мои глаза распахнулись от удивления. Я повернула голову и уставилась на Синклэра. Он пожал плечами, словно не сказал ничего такого, и ни разу не встретился со мной.

взглядом.

— Ты собираешься доставлять цветы? — скептически начала Рэне.

— Ага, — ответил он.

— Ты собираешься доставлять цветы.

— Ага.

— Ради меня.

— Да!

— Ни разу за все время пока мы были детьми, подростками, и даже во взрослой жизни, ты не хотел мне помогать.

— Ну, я помогаю тебе сейчас.

— Да, это так, — недоверчиво сказала Рэне. Они больше не сказали друг другу ни слова, но переглянулись взглядом, которым переглядываются только брат с сестрой.

Момент прошел, и я прочистила горло. Рэне достала свои ключи и передала их Синклэру.

— Не гони быстро. Тормоза очень чувствительные.

— Рэне, расслабься. Веришь или нет, я уже водил машину до этого.

Рэне пренебрежительно фыркнула на своего брата. Она посмотрела на меня, в ее взгляде читались тысяча вопросов. Синклэр собирался доставить цветы. Значит мне ехать было не обязательно. Я поняла, что все ближе и ближе подхожу к двери.

— Увидимся позже, — крикнула я, не оглядываясь, пока шла к двери. Не прошло и секунды, как он уже добежал до меня и придерживал дверь. Когда мы были уже на улице, я сказала ему:

— Думала, мы поедem на моей машине.

— Ты уверена?

Когда я посмотрела на Синклэра, то заметила, что притяжение, которое было в магазине, перенеслось с нами и на улицу. То, что мы куда-то собирались вдвоем, было плохой затеей.

Доставлять цветы — это не так-то просто как кажется. Тот факт, что мы прибыли за пять минут до вечеринки, должен был сработать в нашу пользу, но гости уже сидели за столами. Дети носились туда-сюда, пытаюсь стукнуть воздушными шариками своих братьев, сестер и кузенов. Женщину, у которой был день рождения, звали Барбара и она оказалась очень требовательной. Она заставила Синклэра переносить цветы с одного стола на другой. Когда казалось, что подходящее место найдено, она просила передвинуть вправо, нет, нет, влево. Можете придвинуть немного вперед? Да, вот именно так идеально.

Я прислонилась к стене, наблюдая за тем, как комната все больше и больше заполняется. Столы были застелены красными одноразовыми скатертями, вокруг столов стояли черные складные стулья. Каждый раз, когда кто-то отодвигал стул, раздавался противный скрип по полу, от которого я вздрагивала.

Это было больше похоже на домашнюю дискотеку, а не на вечеринку в честь дня рождения.

Но было приятно видеть, что все члены семьи именинницы пришли на него. Сначала они вели разговоры о погоде, но как только появилась Барбара, они заулыбались и засмеялись, вспоминая как давно они не видели друг друга. Я пыталась вспомнить, когда мы с Уэсом в последний раз видели наших родных. Наверное, на нашей свадьбе.

Неприятная дрожь пробежала по спине, когда я поняла, что кроме как с моей матерью, ни с кем из других членов семьи я не виделась. Я даже не видела семью моего брата. Несколько моих кузенов жили в разных точках страны.

Это было моей виной или виной Уэса? Я не хотела копаться в нашем прошлом. Чутье подсказывало мне, что если я начну это делать, то все прояснится. И я увижу вещи такими, какие они есть.

Синклэр подошел ко мне, и я отбросила все мрачные мысли об Уэсе.

— На это больше времени, чем я думал.

Он отряхнул руки и прислонился к стене. Мужчина находился на расстоянии нескольких дюймов от меня. Он выглядел таким расслабленным, словно мы всегда стояли так близко. Словно я не была замужем, словно нас не разделяли мои страхи, стыд и унижение.

— Я теперь еще больше зауживал свою сестру, — сказал он.

— И я, — я отошла от стены. — Все улажено?

Синклэр кивнул и достал ключи.

Я взяла сумочку, и мы направились к выходу.

— Нет, нет, нет. Куда это вы собрались?

Мы одновременно обернулись. К нам сквозь толпу пробиралась Барбара, подняв над головой бокал с маргаритой. Диктатор сменился на совершенно другого, счастливого человека.

— Вы должны остаться!

Мы ничего не ответили, и она схватила меня за руку и начала раскачивать ее вперед-назад.

— Оставайтесь и повеселитесь.

Мы обменялись взглядами.

— Хочешь? — спросила я.

Синклэр в шоке посмотрел на меня. По правде говоря, провести субботнюю ночь на вечеринке с незнакомцем не было самой лучшей идеей, но одна мысль о возвращении домой к Уэсу так угнетала меня, что я предпочла наполнить сегодняшний день приятными воспоминаниями.

Видимо все мои мысли отразились у меня на лице, потому что Синклэр слегка кивнул и улыбнулся Барбаре.

— С удовольствием.

— Великолепно! Отлично!

Потом она ушла, крича на кого-то через всю комнату.

Синклэр наклонил голову и прошептал мне на ухо.

— Тебе правда хочется здесь остаться или ты просто стараешься быть вежливой?

Я сглотнула и устремила взгляд в толпу.

— Все выглядит не так уж и плохо, — ответила я, глядя на него краем глаза. — Ну, если, конечно, у тебя не было планов на сегодняшний вечер.

Он поймал мой взгляд и постарался удержать его.

— У меня нет планов, а у тебя?

Уэс бы сказал, что ему надо на ночь остаться в офисе. В последнее время его дом был там. Я оглянулась.

— Неа. Никаких планов.

Не было времени скучать или думать о проблемах в жизни. Семья Барбары оказалась очень дружелюбной. Все подходили к нашему столику. Повсюду звучал смех и наливались напитки. Невозможно было находиться в такой обстановке и не стать ее частью.

Я осушила четвертую чашку пунша, желая, чтобы вместо него там был налит крепкий алкоголь.

— Есть вероятность напиться фруктовым пуншем? — размышляла я.

— Если под напиться ты имеешь в виду повысить уровень сахара, то да, вероятность есть.

Я посмотрела на него и улыбнулась.

— Этот вечер не так уж и плох.

Синклэр посмотрел на людей вокруг нас.

— Он был бы лучше, если бы мы перестали прятаться за углом.

— Вот разница между тобой и мной: я чувствую себя спокойно, сидя в уголке, в то время как ты, любишь со всеми поболтать. — Я пихнула его плечом. — Тебе невыносимо сидеть рядом со мной?

Все смешинки исчезли из его взгляда. Взгляд бы настолько пронзительным, что я с трудом удержала себя, чтобы не отвернуться.

— В этом нет ничего смертельного для меня, мне нравится быть с тобой.

Мое сердце жадно поглотило эти слова, хотя я не имела на это права. Но Синклэр сделал это. Заставил меня желать то, чего нельзя.

Я прочистила горло и оглянулась на смеющихся людей.

Синклэр встал, громко заскрипев стулом. Он навис надо мной и протянул руку.

— Потанцуем? — он кивнул головой в сторону танцпола.

Мне нравилось развлекаться по-разному, но танцы перед толпой людей, не входят в список моих развлечений. Я покачала головой.

— Мне хорошо и здесь.

— Что-то подсказывает мне, что тебе будет хорошо везде, ну, давай, это будет весело.

Синклэр произнес это с легкой улыбкой. Он не знал, как его слова пронзили мое сердце.

— Давай, — поторопил он, — чуть-чуть.

Я кивнула, сбросила напряжение и взялась за его руку.

Играла какая-то песня из восьмидесятых, которую слушала моя мама, когда я была маленькой. Окружающих это не волновало. Они погрузились в воспоминания, когда были счастливы. Их энергия была такой заразительной, что невозможно было не улыбнуться.

Но я все еще стеснялась, и неловко двигалась из стороны в сторону.

Синклэр покачал головой.

— Мне ты не показалось девушкой, стесняющейся танцевать.

— Дело не в том, что я не хочу танцевать. Все дело в окружающих незнакомцах.

Он приподнял бровь.

— И знаешь, — я обвела рукой помещение, — все это неловко.

— Не совсем. Тот факт, что все окружающие — незнакомцы, наоборот должен подтолкнуть тебя к танцу.

Я улыбнулась: Синклэр прав.

— Выглядишь как идиотка? Не важно. Возможно, ты больше не увидишь этих людей.

— Кроме тебя.

— Кроме меня, — подтвердил он, и в его глазах загорелся дьявольский огонек. — Поверь, буду постоянно тебя поддразнивать.

Мы прикасались друг к другу только руками, но и этого хватало, чтобы пустить по телу электрический разряд. Он поднял мои руки в воздух и раскачивал ими из стороны в сторону, и у меня не оставалось выбора, кроме как повторять за ним.

Затем он закрутил меня. Моя юбка перекрутилась, и я широко улыбнулась. Я даже не сумела вспомнить, когда в последний раз мне было так весело.

Прозвучали уже две или даже три песни. У меня заболели ноги. Но мы продолжали танцевать, развлекаться в нашем маленьком мирке.

Когда мы закончили, щеки у нас покраснелись.

— Разве это было так плохо? — спросил Синклэр. Его глаза просто светились от энергии, пока мы возвращались к столу.

— Было весело, — ответила я, но на самом деле, я недоговаривала: танец с Синклэром просто вернул меня к жизни. Я чувствовала себя живее, чем за последние несколько месяцев. Или лет.

Моя улыбка помрачнела, когда я подумала о том, что нужно найти плохие качества в Синклэре, чтобы держать дистанцию.

Но может так и должно быть.

Может быть это притяжение всегда будет таким сильным.

— А ты умеешь танцевать. Просто скрывала это от меня.

Секундой позже какая-то старушка пригласила Синклэра на танец. Я уступила ей партнера и села за свободный столик, просто наблюдая за всеми вокруг меня. Так много счастливых, жизнерадостных людей, но все, о чем я могла думать — о том, что мы с Уэсом могли бы быть такими же.

Я вытасила телефон. Часы показывали 10:43. Я испуганно округлила глаза, но не из-за времени. У меня было пятьдесят пропущенных звонков от Уэса.

— Эй, ты в порядке?

Я в последний раз посмотрела на телефон и убрала его в сумку. Улыбнулась Синклэру самой своей неискренней улыбкой.

— Все прекрасно.

Он скрестил руки, и я знала, что он увидел правду, скрывающуюся за этими словами.

Я резко встала.

— Пойдем? Уже поздно.

— Конечно. Пошли.

Бок о бок мы вышли из здания. Мысли бешено носились у меня в голове. Я пыталась придумать, что сказать Уэсу по возвращении домой. В этот раз я была неосторожна. Я отпустила сомнения и теперь должна за это расплачиваться.

— Все было не так плохо, как могло бы быть, — сказал Синклэр.

— Мне тоже было весело.

— Знаю, я наконец-то увидел твою улыбку.

— Я постоянно улыбаюсь.

— Нет, я имею в виду настоящую улыбку, искреннюю.

Я сильнее сжала ручку сумочки. Если я прямо сейчас посмотрю на Синклэра, то потом уже не смогу отвести взгляд, поэтому я смотрела строго перед собой. Но я чувствовала его взгляд на себе.

— Где ты припарковался? — спросила я его.

Синклэр рассеянно на меня посмотрел и указал на противоположную сторону парковки, рядом с задним выходом.

— Там.

Я кивнула головой в противоположную сторону.

— А я там. Увидимся позже. Было весело.

Я сказала это быстро и неловко, и сразу же отвернулась, чтобы не выглядеть еще большей дурой.

— Виктория, подожди, — сказал Синклэр и схватил меня за руку.

Я охотно обернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

— От чего ты бежишь? — спросил он.

От тебя, так и хотелось сказать мне. Но я не стала. Не смогла. Правда — это последнее, что мне следовало сейчас говорить. Я сделала шаг назад.

— Ни от чего я не бегу, — сказала я, и начала рыться в сумочке в поисках ключей. — Уже поздно и мне пора возвращаться домой.

— Ты врешь.

Я лихорадочно отодвинула бумажник, мешавший мне искать ключи. Где, черт побери, мои ключи? Я была ходячей катастрофой. Мысли перескакивали с одной на другую. И все из-за Синклэра.

— Ну же, Виктория. Поговори со мной.

Синклэр подошел ближе. Я оглянулась через плечо, сканируя площадь и разыскивая тех, кто может наблюдать за нами. Когда я обернулась, то уперлась прямо в грудь Синклэра. Я резко вздохнула.

— Виктория, — произнес он. Мое имя, слетевшее с его губ, звучало так идеально, что у меня по спине побежали мурашки.

Меня охватила волна желаний. На краткую секунду я позволила себе лбом прикоснуться к его груди. Его тело словно поглотило мое и, если бы кто-то прошел мимо, то даже не увидел бы меня. Я подняла голову и встретилась с ним взглядом. Его лицо было в дюйме от моего. Он был ближе, чем когда-либо, но мне хотелось, чтобы он приблизился еще ближе.

Это все произошло так медленно. Я множество раз оттягивала этот момент. Я стояла неподвижно, когда его губы коснулись моих.

Есть сотни способов поцеловаться, но такой?

Этот превзошел все.

От его мягких губ до того, как он обхватывал мое лицо — все было идеальным.

Любой мог зайти и застукать нас, но меня это не волновало. Губы Синклэра Монтгомери касались моих.

Его язык проскользнул мне в рот, и я издала слабый вздох. Я прижалась к нему так сильно, что между нами не осталось свободного пространства. Его сильные руки обняли меня.

Мне пора домой. Дома меня ждал муж. Но меня это не волновало: ко мне прикасался Синклэр Монтгомери.

«Остановись сейчас же», кричал мне мой разум. Тебе нужно остановиться.

Но я не могла. Этот поцелуй был сильнее меня. Этот поцелуй обладал силой, которая связывала наши жизни вместе.

Я обняла его за талию. Мне хотелось, чтобы это продолжалось и никогда не

заканчивалось. Чтобы это ощущение не прекращалось. Мой язык двигался в такт с его, а его ладони крепко сжимали мои бедра. Из глубины его горла раздался стон.

Я прижала ладони к его животу, пальцы ощущали каждый мускул под его рубашкой.

Это не должно было пойти дальше. На самом деле, через несколько минут я подумала бы иначе, но вдали раздался смех. Не громкий, но достаточный для того, чтобы вернуть нас двоих к реальности. Мы одновременно оторвались друг от друга.

Губы у меня дрожали. Я прижала к ним пальцы, пытаюсь унять эту дрожь. Я хотела вернуть поцелуй. Хотела держать его и никогда не отпускать. Синклэр отступил на шаг назад, словно прочитал мои мысли. Я подняла руку. Он остановился. Его руки были опущены вдоль тела. Мое сердце прошептало, что это все неправильно и эти руки должны снова меня обнимать.

— Не извиняйся. Не говори, что этого больше не произойдет, — прошептал Синклэр.

Он сокращал расстояние между нами, пока не осталось меньше дюйма.

— У меня нет выбора, — ответила я, — я замужем.

— Ты замужем... но означает ли это то, что ты влюблена?

Совсем недавно, я бы ответила на этот вопрос сразу же. Казалось, что только любовь удерживала нас с Уэсом рядом. Мы жили ради любви. Но теперь? Сейчас она ушла, и я не знала, как вернуть ее назад.

Я не ответила Синклэру. Он долго смотрел мне в глаза, а потом отошел. И просто кивнул мне.

— Спокойной ночи, Виктория.

Его взгляд говорил, что этот разговор далек от завершения.

— Спокойной ночи, Синклэр.

Я смотрела, как он садится в машину и уезжает. Смотрела на свет фар, пока он совсем не исчез вдали.

Обернувшись, я наткнулась на Уэса.

Я положила руку на сердце и сделала глубокий вдох. У него был такой безжизненный взгляд, что по спине заструился страх.

— Чем вы занимались?

Его голос звучал так спокойно и обманчиво мягко, что я поняла, что он видел поцелуй.

— Уэс...

— Что вы делали? — медленно повторил мой муж.

Я сделала шаг назад и быстро обернулась. На парковке было множество машин, но все люди были внутри. Если я закричу достаточно громко, то, возможно, меня услышат. Возможно.

— Я пытался дозвониться до тебя, и ты ни разу мне не ответила.

Все внутри сжалось. Внезапно мне стало трудно дышать.

— Я была занята.

— Занята с Синклэром? Занята тем, что трахалась с ним за моей спиной?

Я открыла рот, но Уэс не дал мне сказать ни слова.

— Я должен знать, где ты! — прокричал он, — все время!

Он отошел от меня, скрестил пальцы за головой и рассмеялся в черное небо.

— Я звонил и звонил, а ты все не отвечала.

Я слишком боялась говорить. Понимала, что имею дело с не совсем здоровым человеком. Буду я с ним соглашаться или спорить, все не важно, ему будет все равно.

— Ладно, ладно, — как можно мягче произнесла я, словно разговаривала с ребенком. Я должна была его успокоить. Попытаться смягчить ситуацию.

— Извини, что не отвечала на твои звонки, Уэс.

— Не извиняйся, Виктория! Ты моя жена. Моя! Я не должен задаваться вопросом, что делает моя жена каждую чертову ночь! — прокричал он.

— Уэс...

— Замолчи!

Внезапно он оказался прямо передо мной. Я увидела ту личность, которую по началу находила такой привлекательной, которая притягивала меня, но сейчас у нее была другая сторона, страшная и уродливая, которая залезла к нему в голову. В этом не было ничего привлекательного. Это было страшно и опасно, и я не могла убежать от этого. Я сделала шаг вперед, но Уэс заблокировал пути отступления.

— Сначала ты говоришь о разводе. Потом собираешься вернуться на работу. А теперь за моей спиной, ты превращаешься в чертову шлюху. Чем еще ты занимаешься, Виктория?

Он так внезапно ударил меня кулаком в живот, что у меня не было времени защититься. Я захрипела, руки инстинктивно схватились за живот. Уэс толкал меня, пока я не ударилась о машину, все это время его кулак продолжал бить меня по ребрам.

Когда мне было шестнадцать, и я только училась водить, мой брат сказал мне, что, если мне нужно будет защититься, я должна просунуть ключи между пальцами и использовать их как оружие. Тогда я посмеялась над этим, но сейчас это казалось не такой уж плохой идеей. Я открыла глаза. Постаралась отойти от ослепляющей боли, увидела ключи на земле и потянулась за ними.

— Виктория?

Уэс схватил меня за подбородок и поднял мою голову, чтобы я смотрела ему прямо в глаза.

— Если ты уйдешь от меня, я буду преследовать каждого человека, которого ты любишь. Свободной рукой он смахнул мои слезы.

— Рэне. Твою мать. Даже Синклэра. Все они исчезнут.

— Почему ты это делаешь?

Нахмурившись, он растерянно посмотрел на меня, словно я на самом деле должна была знать ответ.

— Потому что если ты исчезнешь из моего мира, что еще у меня останется?

Не говоря больше ни слова, он ушел.

В мозгу возникла картинка, в которой Уэс поедает мое сердце. Он разрывает его на кусочки. Я почувствовала каждую слезинку, словно оно все еще билось во мне.

Знаю, что звучит ужасно. Но самое плохое, что все это не так далеко от истины. Мы с Уэсом поедали друг друга, вместо того, чтобы становиться лучше.

Мы знали только разрушение.

Если мы продолжим идти по этому пути, то скоро один из нас будет мертв.

Я не помню, как подняла ключи. Не помню, как села в машину.

Помню только, как лежала на руле, оплакивая воспоминания о наших счастливых деньках с Уэсом.

Мое сердце все это видело и прошептало: «Но Синклэр Монтгомери поцеловал тебя. Прикасался к тебе...»

На потолке пятно.

Его разделяет трещина, и оно распадается на несколько черных точек вокруг, которые я пересчитываю. Уже час я лежу, пытаюсь сфокусировать внимание на чем-нибудь, кроме страха внутри меня.

Кто я?

Кто я?

Кто я?

Я ненавижу ту себя, которую увидела в воспоминаниях. Они приносят лишь мучения. Как, если бы меня прибили к столу и медленно сдирали кожу. Я бы молила о пощаде, было бы безумно больно, но пытки не прекратились бы. Хочу вернуться назад во времени и встряхнуть старую себя. Сказать, что нужно поступать совсем по-другому. Но я не могу.

Тру глаза и делаю глубокий вдох.

Моя комната стерильна и буквально кричит об одиночестве. Жесткие простыни царапают кожу, матрас скрипит всякий раз, когда я двигаюсь. Подушка комковатая. Шея затекла. Как я допустила, чтобы это место стало моим домом?

Эвелин громко плачет, но я впервые не бегу к дочери. Я оставляю ее лежать в колыбельке.

Ужасная мать. Вот в кого я превращаюсь. Но несмотря на осознание собственной неправоты, я оставляю ее лежать там.

Сердце словно замерзло. Молодая Виктория, ее боль кажется такой свежей. Чувствуется каждая ссадина. Я поднимаю рубашку, ожидая увидеть сине-фиолетовые синяки на ребрах. Но там ничего нет. Я глажу пальцами кожу, пока не нахожу то самое место, куда он меня бил. Я нажимаю так сильно, что чувствую кость.

Ничего.

Но это было.

— Хороший день, Виктория?

Я быстро сажусь на кровати. В противоположном углу комнаты, прислонившись к стене, стоит Уэс и с любопытством наблюдает за мной. Я все еще отхожу от сегодняшних воспоминаний. Уэс — последний человек, которого бы мне сейчас хотелось видеть.

— Как ты попал сюда?

— Я был здесь все время. Ты не слышала, как я зашел.

Он врет. Врет, и мы оба это знаем. От его слов я вскакиваю с кровати. Дергаю себя за волосы и в последнюю секунду сдерживаю слезы.

— Тебя не было здесь все время, — я начинаю ходить по комнате, как обычно считая до двадцати пяти, — я бы тебя заметила.

— Технически, это неправда. Существует множество вещей, которые ты не замечаешь.

Я замираю. Наконец-то хоть в чем-то мы согласны друг с другом.

— Ты прав. Я действительно не вижу вещи такими, какие они есть.

Уэс прищуривается. Делает шаг вперед. Первым моим порывом сделать шаг назад, но я уже видела Викторию из прошлого, трусливую и обороняющуюся. Прячущуюся в страхе. Я отказываюсь повторять ошибки прошлого. Если он причинит мне боль, я крикну и на помощь прибежит одна из медсестер.

— Уэс, я кое-что вспомнила.

Уэс смотрит прямо на меня. Он качает головой и смотрит на меня пустым взглядом.

— Что, например?

— Как мы поссорились, — я проглатываю свой страх, — как ты ударил меня.

Он хмурится

— Я обращался с тобой, как с королевой.

— Нет, — свирепо шепчу я.

— Я, — он делает шаг вперед, — я бы никогда, — еще один шаг в моем направлении, — не ударил тебя. Никогда.

— Это неправда. Ты ударил меня сюда, — я указываю на щеку, — и сюда, — я кладу руку на живот.

— Что тебе сказал доктор?

Всего лишь на секунду его слова полны яда, как в прошлом. Вспышка злости, его слова наполнены ненавистью. Всего лишь несколько секунд, а потом все проходит. Но я заметила это, и это единственное что меня волнует.

— Она ничего не говорила мне. Она просто показала...

Я резко замолкаю. Воспоминания надломили образ Уэса. Я больше не вижу его таким как раньше, а значит и доверять не могу.

— Что собиралась сказать?

— Разве это важно? Ты все равно будешь все отрицать.

— Разумеется это важно! Тебя закормили ложью.

— Это не ложь! — кричу я.

Я обхожу кровать, создавая между нами как можно больше свободного пространства, и цепляюсь за кроватку Эвелин.

— Тебе нужно уйти.

— Виктория, не верь им.

— Уходи.

— Я был с тобой тогда, когда рядом никого не было. Разве я не должен был сказать тебе то же?

— Уходи.

— Однажды ты пожалеешь о всех словах, сказанных мне. Однажды ты поймешь, что никто на целом свете не будет тебя любить так, как я.

Уэс качает головой, глядя на меня со злостью и разочарованием. Когда он проходит мимо меня, все мое тело каменеет.

— Вместо того чтобы так смотреть на меня, я бы посоветовал тебе посмотреть на себя получше. Может это ты злодей в нашей истории. После всего что случилось, это ты прячешься за стеной. Не я.

Как только он уходит, я пытаюсь закрыть окно. Разве эти окна изначально не должны быть заблокированы? Я прикладываю все свои усилия, чтобы задвинуть щеколду, но она не поддается.

Я делаю глубокий вдох и бьюсь головой о стену.

Этот мужчина был для меня всем, но теперь я понимаю, что он — моя Ахиллесова пята. Поэтому я закрываю уши и кричу.

Я разбудила Эвелин. Она кричит от страха, но я кричу еще громче.

В мою палату прибегает медсестра, судорожно оглядываясь по сторонам.

— Что случилось?

— Уэс был здесь.

Выражение на ее лице меняется за долю секунды. Мне хочется встряхнуть ее, заставить увидеть правду.

— Виктория, его здесь нет и не было.

— Он был здесь.

Я резко подсакиваю к ней и хватаю за руку. Она пытается вырваться, но я тяну ее к окну.

— Он сбежал через окно, и теперь оно не закрывается.

Медсестра вырывает руку из моей хватки, бросает в мою сторону недовольный взгляд, и осматривает окно. Я ж яростно сжимаю руки в кулаки. Эвелин успокоилась. Хорошая мать бы сейчас стояла рядом с ребенком, но прямо сейчас мне необходимо доказать свою правоту, чтобы Уэса наконец-то поймали.

— Что ты сделала с этим чертовым окном? — рычит Кэйт. Она пытается сдвинуть щеколду, но также, как и у меня, у нее ничего не выходит.

— Я этого не делала. Это Уэс сломал ее! — улыбаясь, я указываю на щеколду, и Кэйт смотрит на меня словно я по-настоящему безумна, правда, меня это мало волнует.

— Вот видите, это мое доказательство. Он был здесь.

Медсестра в отчаянии опускает руки и еще раз внимательно изучает меня взглядом. В ее взгляде я вижу страх.

— Его здесь не было, Виктория.

— Нет, он был! Вероятно, прямо сейчас он за моим окном, ждет, когда вы уйдете, чтобы вернуться!

— Клянусь тебе, там никого нет.

Она не понимает. Никто не понимает, не важно сколько раз я пыталась это объяснить; они не хотят слушать то, что я им говорю. Кэйт все старается открыть окно, и через несколько минут, ей это удастся. Она распахивает створки, открывая передо мной чистое черное небо и полную луну.

— Он был здесь всего несколько минут назад, — тихо твержу я.

На лице Кэйт появляется жалостливое выражение.

— Может быть я принесу тебе что-нибудь, что поможет уснуть? — она касается моей руки, — чего бы тебе хотелось?

— Мне не нужны лекарства, — я чуть не проболталась ей, что не проглотила и пилюли за последний месяц, — я просто хочу, чтобы вы все мне поверили.

Кэйт пробует зайти с другой стороны.

— Может быть ты приляжешь? Если вздремнешь, станет лучше.

— Я не ребенок. Не надо со мной разговаривать, как с ребенком.

— Виктория, приляг или я позову доктора.

Перевод: Или ты слушаешься меня, или доктор накачает тебя лекарствами.

Во мне закипает гнев, он бежит по венам, собираясь вылиться наружу. Но я медленно направляюсь к кровати. Ложусь в ту же позу, в какой лежала несколько минут назад.

Как? Как это вообще возможно? Сначала он был здесь, а потом исчез в мгновение ока.

Я так устала, что меня воспринимают сумасшедшей. Устала выглядеть лгуньей.

Кэйт до подбородка накрывает меня одеялом, как ребенка, и улыбается безжизненной улыбкой.

— Вот так, девочка.

Я как мумия лежу и не шевелюсь.

— Проверю тебя через несколько минут.

Нет ни малейшего сомнения, что сегодняшней ночью она это сделает.

— Если ты завтра все еще будешь об этом переживать, может будет лучше обсудить это с твоим доктором.

— Может быть.

Кэйт идет к двери, но прежде чем выйти, оглядывается через плечо.

— Нужно что-нибудь еще?

— Нет, — шепотом отвечаю я.

ГЛАВА 23

Произошедшее вчерашней ночью преследует меня, как приведение.

Я не спала всю ночь и теперь расплачиваюсь за это. Веки тяжелеют. Глаза продолжают открываться и закрываться, снова и снова. По моей вине не спала и Эвелин. Всю ночь я держала ее на руках, одержимая тем, что Кэйт вызовет дежурного доктора, который внезапно ворвется ко мне, напичкает меня лекарствами или отберет мою дочь.

Громко звонит телефон. Все резко замолкают и смотрят на него. Ригэн, которая последние полчаса мерила шагами комнату, несется к аппарату.

Есть два вида контактов с внешней стороной: часы посещения и звонки.

Все, в том числе и я, не сводят глаз с телефона. Помимо настольных игр и телевидения, это самое желанное развлечение. Наш телефон — большой настенный бежевый аппарат с длинным шнуром, который практически лежит на полу.

Ригэн зажимает трубку между щекой и ухом и прислоняется к стене, отчего становится похожа на девочку-подростка, которая болтает со своим возлюбленным. Сахарно-сладким голосом, она произносит:

— Благодарим вас за звонок в *Оздоровительный центр «Фэйрфакс»*, где мы не оправдываем убийства или даже мысли о нем, но доктора запихируют в нас столько таблеток, что их хватит, чтобы задохнулась лошадь. Чем могу вам помочь?

На секунду Ригэн устремляет взгляд в пол, а затем округляет глаза. Она отводит трубку в сторону и, не прикрывая микрофон, протягивает ее Элис.

— Это тебя.

Элис встает. Ее лицо бледнеет.

— Кто это?

— Сагана. Хочет знать, почему ты не создала портал в ад, — невозмутимо отвечает Ригэн.

Элис закатывает глаза, а Ригэн раздражается таким приступом смеха, что слезы текут по лицу.

— Прекрасная шутка. Нужно запомнить... нужно запомнить это.

Затем она смотрит на новенькую.

— Стэлла, — драматично зовет она, — Стэлла! Это тебя!

Новенькая вскакивает со стула и летит к телефону.

— Боже, я здесь, — шипит она, прежде чем взять трубку и отвернуться лицом к стене.

Ригэн пожимает плечами и начинает ходить по комнате. Она всегда такая озорная, с блеском в глазах. Но сегодня она какая-то дерганная, смотрит на всех с вызовом, словно надеется с кем-нибудь поругаться.

— Я так чертовски устала! — драматично выдает она, когда проходит мимо столов.

Несколько пациентов поднимают глаза, но по-настоящему никто не обращает на нее внимания.

Ригэн разворачивает стул и, сев на него верхом, прямо напротив меня, указывает на стену.

— Кажется что-то не так с часами.

Медсестра даже не поворачивается в сторону часов.

— Нет, с ними все хорошо.

— А вот и нет! Когда я вошла было 12:15. Я была уверена, что прошло несколько часов и посмотрела. Прошло лишь пять минут!

Я согласна с Ригэн. Кажется, словно часы движутся в обратном направлении, лишь бы посмеяться над нами.

— Повторяю, с часами ничего не случилось, — отвечает медсестра, — а если тебе и правда так скучно, то почему бы тебе не пойти на занятие по рисованию. Оно начнется через пятнадцать минут.

— Занятие по рисованию?

Ригэн хлопает в ладоши и насмешливо улыбается медсестре.

— Хватит выбирать! Я в таком восторге! Словно сейчас прокачусь на единороге по радуге!

Медсестра поворачивается и уходит.

Мой взгляд прикован к странице книги, лежащей передо мной. Последние сорок минут я снова и снова перечитывала ее, ожидая, что слова сложатся во фразы и я смогу погрузиться в эту удивительную историю. Но ничего не срабатывает; над моей головой висит черное облако, которое погружает меня в тоскливое настроение. Мне хочется избавиться ото всех, кто смотрит в мою сторону. Вероятно, в моих интересах, как и в интересах окружающих, оставаться в своей комнате. Но если бы сегодня я осталась там, то не смогла бы усидеть спокойно, даже если бы попыталась.

Обычно, когда я нервничаю, рядом со мной находится Эвелин, чтобы успокоить меня, чтобы я сжимала ее и укачивала. Но впервые она с одной из медсестер, и я начинаю сожалеть о своем решении. Утром оно казалось мне великолепным. Всю ночь Эвелин кричала мне на ухо, сколько бы я ее не успокаивала. Словно она разделяет слова Уэса, и больше мне не доверяет.

Сьюзан — одна из самых добрых здесь медсестер — предложила присмотреть за Эвелин. Она сказала, что иногда мамочкам нужно побыть наедине с собой, поэтому я согласилась. Она заметно удивилась. Обычно, я никому не разрешаю позаботиться об Эвелин, но Сьюзан подставила руки, и я нежно передала ей Эвелин. Практически сразу моя дочь прекратила плакать.

Повисает оглушительная тишина, и все что я слышу, это слова Уэса: *«Может быть это ты злодей в нашей истории... Может быть это ты злодей в нашей истории... Может быть это ты злодей в нашей истории...»*

Ригэн отклоняется назад, пока ее стул не касается стула Ксандера. Он в Фэйрфаксе по неизвестной причине. Я знаю только то, что он слишком много со всеми болтает и находится тут дольше меня.

Ригэн не слишком тихо произносит:

— Чем занимаешься?

— Спокойно читаю. — отвечает он. — Тебе бы тоже не мешало попробовать.

— Ребята, — предупреждает медсестра, — потише.

Ригэн замечает, что я тарашусь на нее. Ее стул громко скрипит ножками, отчего я вздрагиваю. Она кладет подбородок на спинку стула и смотрит на меня в ответ.

— А ты чем занимаешься?

— Смотрю на то, как ты болтаешь с Ксандэром.

— Сколько ты уже здесь? — внезапно спрашивает она.

— Уже давно, — кратко отвечаю я.

— Ну, сколько? — настаивает она, — Четыре года? Пять? Два? Скажи хоть примерно.

Если она так хотела завязать разговор, то ей стоило придумать что-нибудь получше. Во мне начинает закипать злоба. Я изо всех сил пытаюсь сдержать ее.

— Это тебя так волнует?

— Конечно. Месяц в этом месте равен десятилетию в тюрьме.

Я прикусываю кончик языка, чтобы не сказать то, о чем потом могу пожалеть. Очевидно, что мне не хочется с ней разговаривать. Но Ригэн стоит на своем и смотрит на меня.

— Как дела у дочери?

— Отлично.

— Где она?

Я выпрямляюсь и смотрю на нее.

— С медсестрой.

— Так значит Фэйрфакс не только место для больных головой, но еще и чертов детский садик. Как забавно.

Я не отвечаю.

— Нам следует сделать вывеску и повесить ее снаружи. Уже представляю, как это будет.

Она проводит рукой в воздухе, словно перед ней появляется радуга.

— Фэйрфакс: один раз в день мы превращаем ваших детей в сумасшедших.

Слова Ригэн идеально совпадают со словами Элис:

— В Фэйрфаксе ребенку не место.

При каждой мысли об этом, ярость все сильнее закипает во мне.

Я сделала несколько глубоких вдохов. Нужно просто улыбнуться и притвориться, что ее нет рядом. Но мой мир катится вниз по спирали, и я с удовольствием придушила бы Ригэн, лишь бы она заткнулась.

— Мне так хочется узнать почему ты здесь, — произносит она.

Прежде чем уйти, я опираюсь руками на стол и смотрю на нее.

— Основное правило Фэйрфакса — никогда ни у кого не спрашивать, как человек сюда попал, почему, и как долго он здесь. И что-то подсказывает мне, что ты не первый раз в подобном месте. Разумеется, ты уже знаешь правила игры.

Я знаю, что мои слова задели ее за живое. Она шокировано распахнула глаза, но все же слабо улыбнулась.

— Слушать такое крайне неприятно.

Я пожимаю плечами. Велика вероятность, что вскоре я об этом пожалею, но не сейчас.

— Мне кажется я знаю, почему ты здесь. Хочешь знать?

Медленно уходя, я бросаю через плечо:

— Нет.

— Думаю, что ты здесь, потому что ты слабая! — кричит мне вслед Ригэн. Я застываю как вкопанная. Кровь приливает к лицу. Я не оборачиваюсь, но чувствую, как Ригэн улыбается.

— Да, так и есть, ты слабая. Расхаживаешь здесь, словно это твои владения, считаешь, что твоя фальшивая жизнь прекрасна, но правда в том, что ты слабая и мягкотелая. Ты — жертва.

Жертва. Ригэн выплюнула это слово, словно оно ядовитое.

Не в силах больше этого терпеть, я оборачиваюсь.

— Заткнись.

Улыбнувшись, Ригэн вскакивает со стула и встает за спиной другой пациентки.

— Вот она разговаривает со своей рукой. Путаает дни. Чокнутая.

Она подбегает к следующему столику, плюхается на свободный стул и тычет пальцем в сторону женщины, неотрывно глядящей на часы.

— Она думает, что сейчас 1993. Курт Кобейн все еще поет, а президент страны — Клинтон. Она поехавшая.

Затем она медленно встает и смотрит мне в глаза.

— Но ты? Ты видишь себя. Ты разговариваешь. Ты здесь. Тем не менее, ты боишься всего. Стоит только препятствию появиться у тебя на пути, как ты сразу же сдаешься. Единственное, что ты делаешь — ухаживаешь за ребенком...

Ригэн сумасшедшая. Она громкая, всегда шутит и указывает на чужие проблемы, поэтому на нее никто не обращает внимания. Я все это знаю, но тем не менее иду к ней. Я заглотила наживку.

— Заткнись!

— Ты можешь менять ей чертовы подгузники. Можешь кормить ее и петь всякие песенки, но это ничего не изменит. Хочешь знать почему? — она наклоняется поближе. — Потому что ты плохая мать.

Ксандэр выдыхает. Не смеется. Сюзан за стойкой медсестер, но она медленно встает со стула, оценивающе глядя на Ригэн. Элис же улыбается.

Не покупайся на это. Это ловушка.

Но я не могу. В голове бесконечным эхом звучат два слова: плохая мать. Плохая мать. Плохая мать! Они становятся все громче и громче, пока не начинают звучать так громко, словно кто-то кричит мне на ухо в мегафон.

Ригэн замечает мое смятение. Она смеется, поначалу слабо, но вскоре смех поглощает ее всю, так что слезы текут по щекам.

Все что я вижу перед глазами — красные искры. Злость, которая так долго накапливалась внутри меня, наконец-то выходит наружу. Вырывается так резко, что у меня нет времени обдумать свои действия.

Я залезаю на стол и прыгаю на Ригэн. Застаю ее врасплох и выбиваю из нее дурь. Я использую свое преимущество.

Вокруг меня крики и вздохи. Стулья скрипят по полу. Кто-то двигается, но я не останавливаюсь. Мои руки сжаты вокруг ее горла, и я сдавливаю его как можно сильнее.

— Что насчет тебя, Ригэн? — тяжело дыша спрашиваю я. — Расскажи мне свою чертову историю.

Ее лицо медленно синеет. Я продолжаю сжимать, даже когда замечаю страх в ее глазах. Я сильнее вдавливаю пальцы в ее кожу.

— Скажи мне, от чего бежишь, — приказываю я.

Я отпущу ее. Клянусь. Я просто хочу показать ей, что она зашла слишком далеко. Но чьи-то руки ложатся мне на плечи.

— Виктория! — кричит у меня за спиной Синклэр.

Откуда он взялся?

— Отпусти ее.

Он пытается отцепить меня от нее, но сейчас в моих руках сила двадцати мужчин.

— Скажи мне! — я кричу на нее. Ригэн слабо хлопает по моим рукам. Ее ноги дергаются подо мной.

Синклэр предпринимает еще две попытки, прежде чем ему, наконец-то, удастся оттащить меня. Он сжимает мои запястья за спиной, словно я преступница.

Сердце бешено стучит в грудной клетке. Я не могу восстановить дыхание, и знаете, что? Мне это нравится.

— Ты ничего обо мне не знаешь, глупая сука! — кричу я.

С помощью двух медсестер, Ригэн садится. Медленно ее лицо приобретает обычный цвет. Она торжествующе всасывает воздух и снова начинает бесконтрольно смеяться.

— Bravo! Виктория, ты ожила!

— Ты чертова психопатка.

Кажется, мои слова задели ее. Я улыбаюсь и уже открываю рот, чтобы продолжить свою речь. У меня тысячи фраз, которые просто ждали подходящего момента, чтобы вырваться наружу. Кто знал, что во мне столько злости?

Я вырываюсь из хватки Синклэра. Две медсестры отводят меня подальше от Ригэн. Я брыкалась ногами, стараясь бороться с ними. Синклэр смотрит на меня с болью в глазах, и я знаю, что это из-за меня. Я причинила ему боль. Я начинаю паниковать. Он видел меня в бешенстве. Он никогда не вернется. Я останусь одна, а ведь я только начала осознавать, что у меня были «мы».

— Синклэр, — говорю я.

Он ничего не произносит.

— Синклэр, прости.

Медсестры тащат меня по коридору в направлении женского отделения.

— Синклэр, прости! — кричу я.

Дверь открывается, и я изо всех сил стараюсь вырваться из хватки медсестер. Но они крепко держат меня. Дверь закрывается, и лицо Синклэра исчезает.

Я хромаю, а медсестры тащат меня в палату. Они кладут меня на кровать, я смотрю в потолок. Чувствую онемение.

Прежде чем дверь закрывается, одна из медсестер предварительно задает вопрос:

— Принести Эвелин?

Я поворачиваю голову.

Во мне должна быть отчаянная потребность увидеть своего ребенка, но ее нет. Я представляю, как держу ее на руках и всякий раз, когда смотрю на нее, внутри пусто. Что если она была там во время драки? Смогла бы я защитить ее со своим помутившимся от злости рассудком? Хочется сказать да. Но что-то не дает мне этого произнести. Я никогда не испытывала такой сильной и острой злобы, которая превратила меня в абсолютно другого человека.

Может, я правильно поступила, отдав ее медсестрам. Хоть единственный просвет в

ЭТОМ ТЯЖКОМ ИСПЫТАНИИ.

— Нет.

Дверь закрывается, и я сворачиваюсь в клубок.

Чувствую, как все тело трещит по швам.

ГЛАВА 24

Мне все еще хочется причинить кому-нибудь боль. Вечером, медсестры приносят Эвелин в палату.

Она без остановки плачет. Я подхожу к ее кровати. И смотрю на нее.

Плохая мать, плохая мать, плохая мать...

Я затыкаю уши, отчаянно желая заглушить голос Ригэн. Решаю принять лекарства, которые дадут медсестры.

Я сделаю что угодно.

Я начинаю ходить по палате, тщательно считая шаги. Моя палата маленькая. Успеваю пройти ее за 24 шага. В комнате отдыха я всех напугала. Знаю. Вспышки гнева случаются часто, но не со мной. Если бы кто-то другой смог встать на мое место и почувствовать тот страх, который бежит по моим венам, он бы понял меня.

— Зачем ты это сделала? — раздается голос у меня за спиной.

Я оборачиваюсь и вижу Уэса, сидящего в кресле-качалке. Пока он качается туда-сюда, оно зловеще скрипит. Этого мне еще не хватало. Я все еще чувствую себя, словно нахожусь в комнате отдыха, под воздействием слов Ригэн. Я близка к тому, чтобы потерять разум окончательно, и Уэс может стать последней каплей.

Я не могу сбежать от него. Не важно куда я пойду или что буду делать, он всегда будет присматривать за мной. Всегда.

— О Боже, — стону я, и зарываюсь лицом в ладони. — Оставь меня одну, — шепчу я снова и снова, и снова.

— Боюсь, что это невозможно.

Я поднимаю голову.

— Как ты попал сюда?

Уэс перестает раскачиваться и встает в полный рост. Он не улыбается.

— А ты как думаешь?

Я сжимаю ладони в кулаки. Продолжаю это делать, пока ногти не вонзаются в кожу.

— Ты заставляешь меня приходить сюда.

Я делаю четыре шага назад. Закрываю глаза, и напоминаю себе, что надо дышать.

— Нет, это делаю не я.

Внезапно Уэс уже стоит передо мной. Кладет руки мне на плечи.

— Ты. Почему ты думаешь я прихожу сюда?

Если кто-то прямо сейчас войдет в комнату, то увидит влюбленного мужчину. Обеспокоенного и заботливого. Но Уэс только играет эту роль. Поверьте, мне, ему нельзя доверять. Это игра.

— Ты снова стараешься меня запугать.

— Зачем мне это делать, Виктория?

Слишком много слов и голосов у меня на пути. Одновременно. Я не в состоянии думать.

— Я люблю тебя, Виктория.

Я сбрасываю его руки с себя и бегу в другую сторону комнаты. Уэс не следует за мной. Кажется, ему обидно, что я убежала от него.

— Скажи мне, что не так, Виктория.

— Прекрати произносить мое имя! — кричу я.

Я быстро теряю самообладание.

— Ты хочешь, чтобы я казалась сумасшедшей, — я тычу пальцем в его сторону, — но сумасшедший здесь ты. Не я.

По началу он не отвечает, просто смотрит на меня пустым взглядом. Затем направляется прямо ко мне. Мое тело застывает. Я делаю шаг назад, еще один, пока мои плечи не касаются стены. Он все это время смотрит на меня, и не останавливается пока мы не оказываемся друг от друга на расстоянии волоска. Никто не смеет так нарушать мое личное пространство.

Только Уэс.

Он кладет руки мне на плечи. Качает головой, и наклоняется так близко, что мы смотрим друг другу в глаза.

— Есть моя сторона, твоя сторона, и правда. — он поднимает бровь и ухмыляется, — Как думаешь, во что поверят доктора и медсестры?

Я ненавижу его. Ненавижу за то, что он прав.

— Почему ты набросилась на эту девушку?

— Ты это видел?

— Конечно. Она сказала, что ты плохая мать.

Его губы шевелятся, и я знаю, что он собирается сказать что-то еще.

Я не могу вынести этого. Затыкаю уши.

Уэс убирает мои руки.

— Я с тобой разговариваю! Слушай.

— Ты тоже думаешь, что я плохая мать, не так ли? — шепчу я.

— Виктория, разве я так сказал?

— Нет. Но подумал.

— Думаю, что ты захотела сама от меня это услышать, и у тебя получилось.

Я уже было открываю рот, но Уэс накрывает его ладонью. Я остолбеневаю.

— Виктория, я просто хочу убедиться, что ты в порядке, — говорит он.

Я не верю ни единому его слову. Все это игры разума.

Уэс движется к кровати Эвелин. Я пытаюсь перегородить ему дорогу, но он очень быстр. Он заглядывает в колыбельку и улыбается. Улыбка не отражается в его взгляде.

— Что ты делаешь? Оставь ее.

Уэс игнорирует меня и берет книжку с моего ночного столика. *«Баю-баюшки, Луна»*. Это любимая колыбельная Эвелин, слушая ее, она мгновенно засыпает. Ну, засыпала. Тогда, когда она еще любила меня.

Но мне не нравится, что Уэс держит книгу. Он словно пытается проникнуть в память, где его быть не должно.

Он открывает книгу и перелистывает страницы, читая вслух.

Спокойной ночи... Спокойной ночи... Спокойной ночи...

Он останавливается и улыбается Эвелин.

— Спокойной ночи, никто.

Его слова повисают в воздухе, кружатся над моей головой, они готовятся задушить меня.

Я вырываю книгу у него из рук. Меня так сильно трясет, что я едва могу пошевелиться.

— Ты должен уйти, — мрачно шепчу я, — сейчас же.

Уэс не движется.

— Уходи, — мой голос становится громче, — иначе я закричу и прибегут медсестры.

Может быть по моему взгляду он понимает, что я не шучу: он отступает от меня на шаг.

— Бог предлагает каждому на выбор — правду или спокойствие. Выбирайте первое или второе: иметь и то, и другое одновременно нельзя. Помни эти слова Эмерсона.

Я вздрагиваю.

— Увидимся позже, — говорит Уэс.

Я зажмуриваюсь, снова затыкаю уши пальцами. В голове крутится фраза: Выбирайте первое или второе, иметь и то, и другое одновременно нельзя.

Прижав колени к груди, сползаю по стене. За моей спиной в своей кроватке непрестанно плачет Эвелин.

Я не могу это прекратить и плачу от отчаяния, закрыв уши ладонями. Вскоре мой плач перерастает в рыдание.

Медленно, но уверенно, я чувствую, как распадаюсь на части. Я не могу так больше. Жить здесь. Слушать Уэса. Слушать страдания дочери.

Все это слишком.

Сомнения начинают проникать в мой мозг. Они хотят там обосноваться. Хотят построить маленький городок и пригласить друзей: страх, паранойю, отчаяние, боль. Я начинаю громко бормотать.

Вот как начинается безумие. Оно очень медленно к тебе подкрадывается, хватается за плечо. Ты оборачиваешься в страхе. Затем, когда тебе кажется, что уже ничего нет, оно атакует. Хватает тебя и затягивает все глубже и глубже...

ГЛАВА 25

— Тук, тук.

Я поднимаю голову, как только доктор Кэллоуэй входит в комнату. Она несет поднос с едой. Ужин. На краю подноса стоит белый бумажный стаканчик с моими лекарствами.

Она неуверенно мне улыбается, пока ставит поднос на столик рядом с моей кроватью. Я перевожу взгляд с нее на еду, ожидая ее слов, но она ничего не произносит. Просто садится на край моей кровати.

Это молчание сведет меня с ума. Мне хочется встряхнуть ее и спросить: ЗАЧЕМ ВЫ ПРИШЛИ?

Я должна сказать ей, что Уэс был здесь, но боюсь, что только все усложню. Знаю, что последует наказание, которое может оказаться, чем угодно: от лишения очков, запрета покидать свою палату до отмены посещений. Но я готова бороться. Я ничего плохого не сделала. Я отреагировала так, как отреагировал бы любой другой человек.

Наконец-то Эвелин заснула. Ее плач все еще звенит у меня в ушах. Мои нервы на пределе.

Но все, о чем я могу сейчас думать, так это о том, где сейчас Ригэн. Мне кажется несправедливым то, что я страдаю в тишине, пока она сидит безнаказанная. Поэтому я спрашиваю доктора Кэллоуэй.

— Ригэн тоже в своей комнате. Драка не была односторонней, но...

— Но я была той, кто ее начал, — перебиваю ее я.

Доктор Кэллоуэй кивает и с беспокойством смотрит на меня.

— Именно.

— Значит у меня неприятности?

Пожалуйста, скажи «нет». Пожалуйста, скажи «нет». Пожалуйста, скажи «нет».

— Ну, я не в восторге от того, что ты сделала. Судя по выражению на твоём лице, тебе это тоже не по душе. Поэтому ты потеряешь несколько очков.

Я поднимаю голову, и поскольку больше она ничего не говорит, мои брови от удивления ползут вверх.

— На неделю будут аннулированы часы в библиотеке и комнате отдыха.

Мы обе понимаем, что она практически спускает мне все с рук. Не помню, когда в последний раз добровольно посещала библиотеку.

— Тебя смогут навещать.

Я быстро моргаю, жду, когда она произнесет ещё одну фразу, но это все. Думаю, что недоверие написано на моём лице, поэтому доктор быстро добавляет.

— Если бы я думала, что ты можешь быть опасна для себя или окружающих, я бы не была так лояльна.

— Моя жизнь беспокойна, — признаю я, — воспоминания разорваны на кусочки. Я так боюсь, что у вас не получится помочь мне.

— Ты должна остерегаться того момента, когда позволишь боли стать твоей личностью. Та ты, которую я видела в комнате отдыха, не была сломленным человеком, но, может быть, ты права. Может быть, я не могу помочь тебе, но это не значит, что я перестану стараться. Виктория, я не знаю ни одного человека на этом свете, который не был бы подавлен всей тяжестью этого мира. Все с тобой будет в порядке. Я это знаю.

В этом месте невероятно легко почувствовать себя одинокой, но, наконец-то, я понимаю, что есть кто-то на моей стороне. Я сглатываю слезы.

— Спасибо, — шепотом благодарю её я.

Она улыбается, пожимает плечами и указывает на поднос.

— Ты должна поесть. Время ужина заканчивается через пятнадцать минут.

Я сметаю все, что стоит на подносе, и даже не смотрю, что именно ем. Просто совершаю действие. Такое обычное и постоянное. Все это время доктор Кэллоуэй сидит. Я не принимаю таблетки, и надеюсь, что доктор Кэллоуэй этого не заметит.

Я знаю, что она сидит здесь не потому что ей так этого хочется. Нет. Ей нужно мне что-то сказать. Я кладу ложку на пустой поднос и выжидающе смотрю на неё.

— Прежде чем уйти, мне хотелось бы знать, хочешь ли ты ещё посмотреть фотографии.

Я открываю рот, но доктор Кэллоуэй быстро продолжает:

— Не надо соглашаться, если тебе не совсем удобно, после всего произошедшего... я пойму.

Я отвечаю, не раздумывая.

— Да.

После того, что только что произошло, это может быть плохой идеей. Мой разум разрывается на части. Эмоции зашкаливают. Кажется, что отношения с дочерью становятся хуже день ото дня. Вероятно, мне надо остановиться.

Прекратить все это.

Но для меня это словно наркотик — видеть своё прошлое. Очень медленно, я чувствую, как крепнет связь между молодой Викторией и настоящей Викторией, сильнее связывая их вместе.

Доктор Кэллоуэй достаёт ещё стопку фотографий, и мой пульс подскакивает. Отчасти от страха, отчасти от возбуждения. Я не ожидала, что это случится сейчас. У меня не

осталось времени подбодрить себя и настроиться.

ГЛАВА 26

Август 2014

Нет никакого руководства или настольной книги о том, как уйти от мужа. Никаких советов. Никаких *«Пять легких шагов»*. Я ощущала себя, как рыба на суше — задыхающаяся и потерянная — но не могла сдаться. Если я собираюсь оставить этот брак позади, то сделаю это с широко открытыми глазами, готовая ко всему, что встанет у меня на пути.

Уэс же не собирался сдаваться.

Он боролся. Изо всех сил.

Поэтому я начала медленно повторять себе три важных правила.

Я должна быть осторожна.

Я должна перехитрить его.

Я должна выжить.

И теперь пришло время для первого шага.

Босиком, я подошла к двери в кабинет Уэса и уставилась на цифровую панель прямо под дверной ручкой. Когда мы только переехали Уэс был непреклонен, когда речь шла об установке камер и системы безопасности. Камеры были нацелены на задний двор и входную дверь, еще одна на гараж. Каждый раз, когда входная дверь открывалась или закрывалась, раздавался плачущий звук. Если же дверь была не закрыта, было всего двадцать секунд, чтобы ввести код безопасности, иначе раздавался сигнал тревоги.

Я ввела код от входных дверей: 049319

Не сработало.

Я предприняла еще две попытки. После третьей провальной попытки, экран помутнел. Затем на экране появилось четыре черных пятна и сработала сигнализация. Так громко, что у меня зазвенело в ушах.

Я слышала звук сигнализации, только когда ее устанавливали. Мужчина, который занимался установкой, объяснил, что как только она сработает, компания позвонит мне или Уэсу. Прямо сейчас, Уэс был в суде. Его телефон был выключен и звонки перенаправлялись его секретарю.

Я ждала. Прошло двадцать секунд. Затем минута. Когда я начала сомневаться, а позвонят ли мне вообще, зазвонил телефон. Я ответила после третьего.

— Здравствуйте?

Женщина по имени Тэрри торжественно сообщила мне, что они получили сигнал о сработавшей сигнализации на 4376 Бэллами Род. Все в порядке?

— Да, это была я. Все отлично, все отлично. Я миссис Донован. Мой муж на работе, и он попросил забрать документы из его кабинета. Думала, что знаю код безопасности, но оказалось, что ошибалась. Извините, — сказала я своим самым искренним голосом.

— Ничего страшного. Такое происходит постоянно.

К счастью, звук сигнализации утих.

Она задала стандартные вопросы: имя вашей первой собаки. Девичья фамилия матери. Цвет первой машины. На все я ответила правильно.

— Он давно собирался его поменять, но вы же знаете мужчин, — рассмеялась я, — мой муж потерял бы голову, если бы она не была прикреплена к его шее.

Женщина хихикнула.

— О, я этого не знала.

Я улыбнулась. Словно гора с плеч. Я вот-вот получу код. Я чувствую это.

— У меня есть код от первой и второй сигнализации: 049319. Верно?

— Да.

— Пароль от третьей: 78910424

Бинго.

Именно это мне и нужно.

Я быстро записала цифры. Это была дата моего рождения наоборот.

— Значит это основные коды?

— Дайте мне еще раз проверить.

Тэрри замолчала, так как пробивала информацию по компьютеру.

Мой пульс ускорился: я знала, что близка к тому, что мне нужно. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Тэрри вернулась к разговору.

— Да. Это все коды.

— Спасибо огромное, Тэрри. Вы даже не представляете, как сильно выручили меня.

— Всегда пожалуйста. К тому же, куда муж без своей жены?

— Не могу не согласиться, — ответила я, с самой широкой улыбкой на лице.

Я повесила трубку и, улыбаясь, уставилась на экран.

Как же муж без своей жены?

Я нашла код доступа к кабинету Уэса.

Я схватила листок и быстрее побежала к кабинету.

Несмотря на то, что мы жили в доме уже год, в его кабинете я была всего лишь четыре раза. Единственным человеком, кто мог туда пройти кроме Уэса, была горничная, да и за ней он приглядывал, как ястреб.

Я ввела код, который Тэрри назвала мне. Это была дата моего рождения наоборот, но я все равно дважды перепроверила.

Экран помутнел. Страх парализовал меня. Я ввела неправильно? Но затем загорелся зеленый свет и замок щелкнул. Дверь медленно открылась. Я затаила дыхание, пока входила, ожидая, что вот-вот раздастся сигнал. Этого бы я уже не утаила.

Но не раздалось ни звука.

Я осмотрела комнату. Темно-синие занавески были распахнуты, впуская в комнату солнечный свет. Он косо падал на стол Уэса и на пол. За массивным столом на стене висели его дипломы. Все рамки висели идеально ровно.

На каминной полке тихо тикали часы. На большом столе в левом углу стояли две рамки с фотографиями: на одной были мы в день нашей свадьбы, на другой только я. Я взяла ее в руки. Помню этот момент. На тот момент мы встречались чуть больше трех месяцев и проводили День Независимости с моей матерью. Было ужасно жарко. На фотографии, я сидела, опустив ноги в воду, опираясь руками на полотенце позади меня. Уэс подошел внезапно, позвал меня и сделал фотографию. Даже сквозь солнечные очки видно, как сильно я в него влюблена и что мне кажется, словно так будет всегда.

Но взгляните на меня сейчас. Я прячу синяки и шпионю за спиной у мужа.

Я взглянула на книжные полки из красного дерева напротив меня. На них не было пыли. Не то чтобы я ожидала ее увидеть: Уэс был дотошным, практически склонным к обсессивно-компульсивному расстройству. Все было на своем месте, а если нет, то он раздражался. Я

добавила пыль к вещам, которые выводили его из себя.

Все полки были заставлены книгами. Мои пальцы скользили по обложкам. Сомневаюсь, что он прочитал все эти книги. С момента как мы познакомились, он никогда не был заядлым книголюбом. Часть меня не удивилась бы, что они просто стоят напоказ. Я начала разглядывать заголовки. Вытащила книгу с не потрескавшейся обложкой. К страницам ни разу не прикоснулись, уголки даже не были загнуты. Последней книгой, которую я вытащила, была книга о том, как сохранить брак. Какая ирония. Убедившись, что все стоит на своих местах, я закрыла за собой дверь и включила сигнализацию.

Никогда бы не подумала, что буду шпионить за спиной у мужа. Но я на самом деле чувствовала, что мои возможности ограничены. От наших отношений остался лишь скелет. Ничего не осталось, и я должна была быть готова к тому, что будет дальше. Я должна была быть на шаг впереди.

Я знала не много. Но все менялось. Очень медленно, я возвращала себе свою жизнь.

ГЛАВА 27

Август 2014

Солнечно или облачно.

Внутри помещения или снаружи.

Без разницы. Я одевала солнечные очки, куда бы не направлялась.

Суровая реальность моего брака отражалась у меня во взгляде. Я видела ее каждый раз, когда смотрелась в зеркало. Иногда мне хотелось повесить полотенцем все зеркала в доме, чтобы не видеть правды. И, если я сама с трудом смотрела на себя, то разве мне хотелось бы, чтобы кто-то другой смотрел на меня такую?

Но сегодня у меня была настоящая причина надеть очки. На небе не было ни облачка. Это был один из тех дней, когда небо выглядит настолько идеальным, что хочется прикоснуться к нему. Я смахнула каплю пота с шеи и побежала в библиотеку.

Не могу вспомнить, когда была здесь в последний раз. Может, когда мне было девять или десять? Мы с мамой часто бродили между книжных полок. Я выбирала книгу и шла в детскую читальную комнату, где полностью погружалась в рассказы. Мне нравилось то умиротворение, которое мне приносило чтение. Внезапно вернулся тот же покой. Плечи расслабились. Казалось, что здесь боль, преследовавшая меня, куда бы я ни шла, меня не настигнет.

Старый библиотекарь поприветствовал меня. Я улыбнулась ему. Когда я не сняла очки, он подозрительно посмотрел на меня, и мне пришлось ускорить шаг, чтобы поскорее спрятаться от его взгляда, напоминая себе, что недоверчивый взгляд лучше жалости. Я ходила между полок в поисках книг по садоводству, которые мне порекомендовала Рэне. Наконец-то, я нашла правильный отдел. Освещение было слабым, и мне не оставалось другого выбора, кроме как снять очки.

Присев на колени, я достала книгу с полки.

Очень быстро мое увлечение садоводством переросло в страсть. Ненавижу бездельничать. Ненавижу идти в постель, зная, что не сделала ничего полезного. В своем саду я чувствовала себя полезной. В саду я могла поболтать с Рэне и расслабиться. Я наклонилась и начала перелистывать страницы.

— Виктория?

Я насторожилась. В последнее время, когда я слышала свое имя, то готовила себя к чему-то плохому. Я продолжила изучать книгу, надеясь, что человек сдастся и уйдет.

— Виктория? — повторил женский голос.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох, прежде чем встать и обернуться на оклик.

— Тэйлор? — не веря своим глазам, спросила я.

Я не могла поверить, что это была она. Тэйлор жила со мной в одном городе, но могла бы жить на другом краю света. Она так сильно изменилась. Ее светлые волосы были подстрижены в короткий боб. Ее энергия слегка угасла. Она выглядела уставшей и немного измотанной, но тем не менее счастливой, и это все, что должно было быть важно. Двумя руками она держала коляску, в которой спала маленькая девочка. На левой руке сияло бриллиантовое кольцо. У нее есть семья, а я даже этого не знала.

Она улыбнулась и обняла меня, но все, о чем я могла думать, так это о том, чтобы надеть очки назад, чтобы она ничего не заметила.

— Так приятно увидеть тебя. Прошло столько времени, — произнесла она, пока мы разглядывали друг друга.

— Очевидно, ты была занята, — сказала я, указывая на коляску, — я даже не знала, что ты с кем-то встречаешься.

— Я начала встречаться с парнем, после того, как ты ушла из больницы. Это был бурный роман. Мы были помолвлены и... — она с любовью посмотрела на ребенка, — случился сюрприз.

Я с болью улыбнулась, но не позволила улыбке исчезнуть, боясь, что не смогу ее вернуть.

— Как ее зовут?

— Хэйли.

— Она восхитительна, — прошептала я.

— Что насчет тебя? Все еще пытаетесь завести ребенка?

Мне следовало ожидать подобного вопроса. Я должна была подготовить ответ, но вместо этого меня застали врасплох, и я нервно начала обдумывать что сказать.

— Ох... ну, мы все еще пытаемся, — солгала я. — Мы решили, что, если произойдет — значит произойдет, а пока мы просто будем наслаждаться процессом.

Я рассмеялась, и Тэйлор присоединилась ко мне. На секунду, я почувствовала себя нормально. Как прошлая я.

Мой стыд был так велик, что оставил пятно на моей гордости и достоинстве. Хотя и тут он не останавливался. Нет, он впитался в мои поры и обвил меня, как змея. Он контролировал меня.

— Ну, наслаждайтесь тишиной и спокойствием, пока это возможно.

— О, мы так и делаем, — я убрала прядь волос за ухо и начала переминаясь с ноги на ногу, торопясь закончить этот разговор как можно скорее.

— Как дела у Уэса?

— У нас все хорошо... все хорошо, — я улыбнулась еще одной ослепительной улыбкой.

Тэйлор слегка нахмурилась, словно между нами повисла не самая комфортная тишина. Она посмотрела на меня взглядом медсестры. Тем, который я использовала много раз до этого. На секунду, я подумала, что она догадывается, что я пытаюсь что-то скрыть.

Я уже испугалась, что она начнет задавать еще больше вопросов, но меня спасла ее дочь. Хэйли заерзала в коляске, и Тэйлор мгновенно переключила внимание на нее, улыбаясь ей

успокаивающей улыбкой, а мне извиняющейся.

— Вероятно, мне пора. Через несколько минут Хэйли начнет реветь, если я не дам ей бутылочку.

Я кивнула, будто понимала.

— Была рада встрече с тобой, — попрощалась я.

Она покатила коляску и улыбнулась мне.

— Я тоже.

Когда Тэйлор ушла, я выждала несколько секунд, на случай, если она обернется, но она этого не сделала. Я ударила ладонью по книжной полке и сделала глубокий вдох.

Встреча с ней разожгла во мне небольшой огонь. Практически незаметный. Он мог потухнуть в любую минуту. Но это было хоть что-то.

Ты можешь это сделать, шептал мне мой разум. Ты была такой же как Тэйлор, сильной и независимой, и снова сможешь стать такой.

В отделе с компьютерами было очень тихо. За одним из компьютеров сидел парень лет двадцати. Я убедилась, что нас с ним разделяется достаточное пространство. Он этого даже не заметил. На нем были наушники, и он кивал головой в такт какой-то песне.

Я в последний раз взглянула на него и вернулась к работе.

Времена, когда я пользовалась ноутбуком дома, давно прошли. Я больше не доверяла Уэсу, и мне бы не хотелось, чтобы у него было что-то, что он сможет использовать против меня.

Я пришла сюда найти кое-что важное. Я достала небольшую записную книжку из сумочки, взяла ручку и начала просматривать страницы. У меня были номера и адреса самых лучших адвокатов в округе.

С досок объявлений мне хотелось почерпнуть информацию о том, как бросить обижающего меня мужа. На некоторых были написаны предостерегающие сигналы про оскорбительное поведение, но это уже в прошлом.

Если я собираюсь бросить Уэса, то должна быть готова ко всему, что он сделает.

ГЛАВА 28

Сентябрь 2014

С того самого утра, как моя мать нагрязнула рано утром, обстановка стала напряженной.

Мне больше не хотелось разговоров, которые касались бы моих отношений с Уэсом. Я чувствовала, что мама не хочет знать больше, чем уже узнала. Если она узнает нечто большее, то это выйдет за границы идеального брака, который она себе представляла.

Но сегодня она предложила поужинать вместе, и я сдалась. С Рэне мой секрет был в безопасности, но, думаю, что всегда была часть меня, которой хотелось обо всем рассказать матери и получить ее поддержку.

Хотя этого никогда не произойдет.

Весь ужин в ресторане, она болтала о своих друзьях и утомительных проблемах в их жизнях. Все это влетало в одно ухо и вылетало в другое, потому что в моей сумочке непрестанно звонил телефон. Я не хотела доставать его и нажимать ОТМЕНА, еще меньше мне хотелось отвечать на звонок при матери.

Даже не проверяя, я знала, что все звонки были от Уэса.

— Ты сегодня такая тихая. Как ты?

Я жевала свою еду так медленно, как только могла, пытаюсь выиграть время.

— Отлично, — наконец ответила я.

— Как у вас дела с Уэсом? — мама произнесла этот вопрос как бы между прочим, но я то знала, что это была единственная причина, по которой она решила со мной поужинать.

Ради ее же спокойствия мне хотелось соврать и сказать, что все в порядке. Что он никогда не любил меня сильнее. Так звучало бы правильно. Звучало так идеально, что я в итоге так и сказала.

Она засветилась от счастья.

— Я знала, что все пойдет лучше, я знала это! — она похлопала меня по руке. — Говорила же тебе, что парочкам приходится преодолевать различные препятствия.

Я только и смогла, что кивнуть.

Прошло несколько месяцев с момента последней вспышки Уэса, но ничто не смогло изгнать страх и опасения, живущие внутри меня. Как пара паразитов, они удобно устроились и не собирались в ближайшее время никуда уходить.

Вскоре наши тарелки опустели, и между нами повисло неловкое молчание. Словно недосказанные слова повисли на кончике языка и отказывались выходить наружу. Моя мать ощущала это. Она громко вздохнула и ослепительно улыбнулась.

— Уже поздно. Мне пора.

Я не стала говорить, что сейчас всего лишь половина десятого, потому что сама, как можно скорее, хотела закончить этот неловкий ужин.

Мы вместе вышли из ресторана. Черное небо было безоблачным, на нас смотрели сияющие звезды. Мимо, держась за руки, прошла влюбленная парочка. Мне захотелось подойти к ним и сказать, чтобы они ценили эти счастливые моменты, которые не будут длиться вечно. Моя мать обернулась и обняла меня.

— Я так рада, что у вас с Уэсом все наладилось.

Ох, если бы только она знала правду. Если бы знала, что с каждым днем мое сердце все дальше отдаляется от Уэса и все сильнее тянется к Синклэру. Наш поцелуй засел у меня в памяти. Иногда я только и думала о том, как безопасно было в его объятьях.

Мне начинало казаться, что так я буду чувствовать себя только с Синклэром.

Мы расстались с мамой, дав обещания звонить друг другу, хотя я не собиралась этого делать. Идя по парковке, я ощущала как дрожит все тело. Я так сильно сжала ключи, что они оставили отпечаток на моей ладони. Та ночь после вечеринки преследовала меня. Никогда не смогу избавиться от ощущения, что кто-то наблюдает за мной. И меня совсем не волнует тот факт, что все наладилось. Я не чувствовала себя спокойно.

Я побежала к машине, и сев на водительское кресло, инстинктивно заблокировала дверь и сделала глубокий вдох. Потом вытащила телефон. У меня было шестьдесят пропущенных вызовов. Двадцать одно сообщение. Шесть сообщений на автоответчике. Все от Уэса.

Я сделала глубокий вдох и быстро написала ему: Скоро буду дома.

Его ответ пришел мгновенно: Хорошо.

Дорога домой была похожа на пытку; я только и думала о том, что сейчас будет дома. Может мне повезет и его нет дома. А, если уж совсем размечтаться, то может быть его не будет всю ночь.

Я ехала так медленно, как только могла, и даже поехала другим путем. Я не смотрела на телефон. Не хотела видеть сколько раз он звонил.

Подъехав к дому, я осталась сидеть в машине. На нашей улице было тихо. Машины уже были в гаражах. Свет в домах был выключен, а шторы плотно задернуты. Я чувствовала, как

из этих домов исходит покой.

Не так давно я смотрела на наш дом с счастьем и умиротворением. Он был для меня как чистый лист. Как шанс начать и создать счастливую жизнь, с маленькой счастливой семьей. Американская мечта.

А сейчас я едва могла смотреть на него. Я направилась к заднему крыльцу. Мне не хотелось заходить внутрь, я не знала, что меня ожидает.

Открывая дверь, я убеждала себя, что если все будет плохо, то я не должна оставаться там. Я могу уйти.

Я могу уйти.

Я могу уйти.

Я могу уйти.

Меня насторожило то, что на первом этаже везде был выключен свет. На ощупь найдя на стене выключатель, я включила свет.

— Уэс? — крикнула я.

— Я наверху! — прокричал он.

Его голос прозвучал дружелюбно. Я сделала глубокий вдох и положила ключи на столик. Они покатались по гладкой поверхности и упали на почту. Это была небольшая стопка писем, в основном состоящая из счетов. Я просмотрела их и замерла, когда увидела конверт, адресованный мне. Почерк был женским. Имя было написано размашисто, словно кто-то до этого уже много раз писал мое имя. Обратного адреса не было. Я перевернула конверт и вскрыла его. Записки не было, зато была дюжина полароидных снимков какой-то брюнетки. Если у меня и был двойник в этом мире, то я смотрела прямо на нее. Каштановые волосы. Такое же телосложение. Вообще все.

Она была в разных позах, одетая в нижнее белье или же совсем голая. На большинстве фотографий глаза были закрыты. На некоторых открыты, но они были стеклянные, словно она была под наркотой.

Я поднесла фотографию поближе к лицу, стараясь понять, откуда я знаю это место. Когда я, наконец-то, узнала место, то перестала дышать. Фотографии выпали у меня из рук.

Они были сделаны в кабинете Уэса.

Ничего не могло подготовить меня к этому. Меня словно только что ударили в живот.

Я медленно сложила фотографии в стопку. Мне противно было прикасаться к ним, словно я свидетель преступления. Мои шаги были предельно тихими, пока я поднималась по ступенькам вверх, пока фотографии практически прожигали дыру в моих руках.

Идя по коридору к нашей спальне, я пыталась придумать, что скажу Уэсу, потому что прямо сейчас я не могла вымолвить ни слова. Не имела ни малейшего понятия с чего начать. Не знала, как он отреагирует. Уэс напоминал мне бомбу замедленного действия, готовую взорваться в любую секунду. Не было ни единого способа предсказать, когда, почему или как он себя поведет. Я просто должна быть готова ко всему.

Войдя в комнату, я застала Уэса сидящим в желто-коричневом кресле напротив телевизора. На столе перед ним лежало много папок с документами. Некоторые были разбросаны по полу, словно недостающие кусочки пазла. Уэс снял очки и улыбнулся той очаровательной улыбкой, за которую ему бы простили убийство.

— Как прошел ужин? — спросил он.

Кровь в жилах застыла. Я не могла улыбнуться, как бы не старалась. Во мне было так много ненависти, что она душила меня.

Улыбка Уэса потускнела. Он закрыл ноутбук и озадаченно посмотрел на меня.

— Что случилось?

Я швырнула фотографии, словно это была граната.

— Я получила это по почте.

Он нахмурился, встал и поднял снимки. Он посмотрел только на первый. Его лицо побледнело.

— Ты знаешь ее? — осторожно спросила я, хотя единственное, чего мне хотелось — выцарапать ему глаза.

Он стиснул челюсть. Я видела, как он создает оправдания в своей голове. Он попытался отдать мне их назад, но я не взяла.

— Кто тебе их прислал? — спросил он.

— Сначала ответь на мой вопрос: ты знаешь ее?

— Она моя клиентка.

Я распахнула глаза. Уэс попытался сократить расстояние между нами, но я вытянула руки вперед, останавливая его.

— Виктория, она моя клиентка, но я никогда бы... — он указал на фотографии — я никогда бы этого не сделал.

Я не поверила ни единому его слову. В первый раз злость преобладала над страхом. Я не собиралась отступить.

— Почему их тогда отправили мне?

Кажется, эти слова ранили Уэса.

— Я не знаю!

Я закрыла лицо ладонями. Если мне нужны были доказательства того, что браку конец, то вот они. Но боль от этого меньше не становилась; есть большая разница между знанием правды и ее принятием.

— Виктория, ты должна поверить мне, — Уэс положил руки мне на плечи. Закрыв глаза, я представила себе старого Уэса, в которого когда-то влюбилась. Тот Уэс был причиной, по которой мое сердце медленно разваливалось теперь на части.

Я вырвалась из его рук. Больше не могла находиться рядом с ним. Я побежала вниз по лестнице. Единственной мыслью было к чертям убежать из этого дома. Куда я не знала. Мне просто надо было убежать.

— Виктория! — прокричал он, — остановись!

Не останавливаясь, я схватила сумку и ключи, и побежала к двери. Положила руку на дверную ручку. Дверь открылась на дюйм, но Уэс захлопнул ее. Он схватил мою руку и развернул меня. Я больно ударила спиной о дверь.

Он не выглядел сумасшедшим или диким, но он злился.

— Отпусти меня.

Сердце бешено стучало внутри, но я старалась говорить спокойно и уверенно, стараясь спрятать свой страх.

— Позволь мне объяснить. Ты даже не дала мне ни единой попытки.

— Потому что тут нечего объяснять. Кажется, снимки говорят сами за себя.

На секунду его взгляд помутнел. Хватка стала сильнее, но затем он опустил руки. Отошел от меня. Я повернула дверную ручку.

— Я не могу находиться рядом с тобой.

— Куда ты собираешься?

— Не знаю... скорей всего к маме.

Он шел за мной по пятам. Ненавижу, когда он идет за моей спиной. Кажется, что он вот-вот нападет на меня.

— Виктория, — я опустила окно машины и посмотрела на него, — я люблю тебя.

— Ты выбрал очень странный способ, чтобы показать это, — прошептала я.

ГЛАВА 29

Сентябрь 2014

У меня тряслись руки, когда я глушила мотор. Я уставилась на пустую улицу. На лужайках стояли велосипеды. Перед домами были припаркованы машины. Кое-где на крыльце горел свет. В нескольких домах на окнах были открыты занавески, словно люди приглашали всех заглянуть в свою жизнь. Ниже по улице кто-то играл в баскетбол.

Это была уютная улица. Словно можно взять и просто переехать сюда на постоянное местожительство.

Мне нравилось здесь.

Мне нечего было здесь делать, но я устала и больше не могла никуда ехать. Телу не доставало энергии. Но осознание того, что я так близко к его дому, снимало напряжение.

Сделав глубокий вдох, я открыла дверь и уставилась на его дом. На удивление он был очень скромным. Всегда представляла его себе более величественным, как те дома, которые он строит. Но это был небольшой двухэтажный домик. На маленьком крыльце не было мебели. Я заблокировала машину и поборола в себе желание побежать по дорожке. Хотелось скорее очутиться там. Словно я принадлежала этому месту и жила тут все время.

Мои каблуки громко зацокали по дорожке. Для меня этот звук походил на оглушающие выстрелы из пистолета. Предупреждение о том, что нужно бежать отсюда.

Я нажала на дверной звонок. А затем, в добавок ко всему, громко постучала в дверь. Через несколько секунд дверь распахнулась, явив мне Синклэра.

Он открыл дверь, и я быстро вошла внутрь, пока не растеряла всю храбрость. Дом оказался не такой холостяцкой берлогой, как я ожидала. Стены выкрашены в изысканный коричневый цвет. Напротив плоского телевизора стояли два кожаных дивана. Справа находилась лестница на второй этаж. Прямо за ней длинный коридор, из чего я сделала вывод, что наверху есть еще комнаты.

— Что случилось? Ты в порядке?

Синклэр захлопнул дверь и повернулся ко мне. Я открыла рот, но не произнесла ни слова.

— Seriously, что случилось?

Он приблизился, и я лишилась остатков самоконтроля. Я не сказала «привет». Вообще ничего не сказала. Просто обняла его за шею и всем телом прижалась к нему.

Я сделала все что могла, чтобы спрятать свои чувства. Я провела бесчисленное количество часов, напоминая себе, что между мной и Синклэром Монтгомери ничего не произойдет. Я говорила себе, что нельзя испытывать чувства к мужчине, который не является моим мужем.

Но больше меня это не волновало. Что-то вселило в меня свободу. Что именно, я не знаю, но мне это нравилось.

Я прильнула к нему губами. Сначала он был ошеломлен, и отошел на несколько шагов назад. Но уже через мгновение ответил на поцелуй, протонав, и его язык сплелся с моим. Все происходило быстро, но недостаточно быстро.

Этот поцелуй был безумием. Когда я, наконец, подумала, что утолила свое желание и

этого достаточно, накатила вторая волна. Если не остановиться сейчас, то просто поцелуев мне будет уже недостаточно. Но ничто не могло остановить меня. Я неистово гладила его тело руками, может быть даже немного отчаянно. Мои руки двигались по его широким плечам, по рукам, по телу.

А потом, непонятно почему, Синклэр решил все остановить. Он оторвался от меня и запустил руки себе в волосы. В нем шла внутренняя борьба, взгляд метался от меня к двери. Несколько секунд были пыткой для меня, потому что я боялась, что все кончено.

Затем он подошел ко мне и обхватил мое лицо ладонями.

— Скажи мне «нет» и это все закончится сейчас.

Я положила руки ему на талию.

— Не могу, — прошептала я.

— Тогда ты моя сегодняшней ночью.

В мгновение ока, он начал целовать меня. Крепко сжав мое тело, одну руку он обернул вокруг талии, другой водил по волосам. Мне понравилось, как крепко он меня держал. Это было подтверждением того, что он нуждался во мне, также сильно, как и я в нем.

Мы вышли из кухни. В моих венах бурлила кровь, и я не могла унять дрожь предвкушения. Двигаясь вдоль стены, я скользнула руками под его рубашку. Я жадно скользила пальцами по его животу. От моих прикосновений его мускулы напрягались. Мои руки опускались все ниже и ниже, пока я не добралась до ремня. Синклэр простонал.

Мы вошли в его, по моему мнению, спальню. Но обстановка была не важна, главную роль играла связь между нами. Она была столь сильной, что контролировала наши действия, делая нас безумными. Синклэр провел меня вглубь комнаты.

— Ты сводишь меня с ума, — простонал Синклэр.

— Да? — выдохнула я.

Он кивнул. Его пальцы скользили по моей шее.

— Каждый день. Каждый чертов час. Каждую секунду.

Он провел языком по моей шее, и я откинула голову назад. Мои глаза инстинктивно закрылись.

— Ты не представляешь, как сильно я этого хочу, — прошептал он.

Я отклонилась. Даже в темноте я чувствовала на себе его взгляд.

— Так покажи мне, — попросила я.

Из его горла вырвался стон, и, взяв меня за бедра, он приподнял меня. Я обняла его ногами за талию, и мы упали на мягкий матрас. Я чувствовала теплоту его кожи, ускоренное биение сердца. Его член соприкасался с моим животом. Повинуясь инстинктам, все мое тело выгнулось.

Он приподнялся на локтях.

— Снимай одежду, — приказал он.

Меня трясло, пока он раздевал меня. Взгляд Синклэра был прикован к моему телу, и я изогнулась для него так, как не думала, что вообще возможно.

Я пылала изнутри и снаружи.

Он ловко расстегнул рубашку и быстро ее сбросил. Я исследовала руками его тело — его руки, грудь, пресс. Затем я продолжила исследование губами. Двигалась по тому же пути. Все мое внимание было приковано к Синклэру. Я провела языком по его шести кубикам пресса. Взглянув на Синклэра, я заметила, что его голова закинута назад. Глаза закрыты. Рот приоткрыт в экстазе.

Это была самая эротичная вещь, которую я когда-либо видела.

Закрыв глаза, я расстегнула молнию на его джинсах. От звука расстегивающейся молнии мое сердце бешено забилося. Я была близка к тому, чтобы прикоснуться к нему.

Его брюки соскользнули по ногам, и я стянула с него черные боксеры.

Он схватил меня за руки, и я взглянула на него.

— Ты не обязана этого делать.

Не отрывая от него взгляд, я обхватила его член пальцами и сжала. Синклэр резко выдохнул. Я водила рукой вверх-вниз, улыбаясь ему.

— Я хочу это сделать.

Сказав это, я заглотила член.

Синклэр схватил меня за волосы, прижимая сильнее к себе. От этого я стала сосать еще усерднее.

Он страдальчески простонал.

Когда он так реагировал, внутри меня что-то разгоралось. Я давала, он брал. Все наоборот. Я наслаждалась каждой частью этого обмена.

Я медленно водила вверх-вниз по его члену, играя языком с головкой.

— Черт! — не сдержался он.

Я продолжала пытку следующие несколько минут. И не останавливалась, потому что хотела свести его с ума. Чтобы он направлял мою голову вверх и вниз. Чтобы захотел кончить.

— Остановись, — тяжело дыша, выдохнул он.

Я остановилась и посмотрела на него.

— Иди сюда.

Он притянул меня к себе. Я вытерла рот, но не успела перевести дух, как он снял с меня трусики.

Синклэр опустил меня на матрас. Я ожидала, что он накинется на меня, но вместо этого он смотрел на меня сверху вниз. От его взгляда у меня покалывало во всем теле.

Я схватила его за плечи и притянула к себе. Идеальное тело Синклэра прижалось к моему. Его кожа казалась пламенем по сравнению с моей. Я провела языком по впадинке над губами. Он застонал и глубоко поцеловал меня. Когда Синклэр что-то делал, он выкладывался по полной. Он ничего не делал в пол силы. Наши языки переплелись.

Мы сплели руки, он поднял их и держал в плену изголовья. Мое тело изогнулось. Соски затвердели. Инстинктивно, мне хотелось быть ближе. С Синклэром я испытывала животный голод, который не испытывала ни с одним другим мужчиной. Его пальцы исследовали мою кожу, словно мое тело было Брайлем и подсказывало ему, где я хочу, чтобы ко мне прикасались, целовали, трахали.

Он наклонился, и я почувствовала, как его член уперся в меня. Все мое тело встрепенулось.

Синклэр оперся на локти. Он все время смотрел мне в глаза, пока входил в меня. Все время. Безотрывно.

Я резко вздохнула и закрыла глаза. Откинув голову, прислонилась к изголовью.

Синклэр начал медленно, двигаясь так, словно у нас с ним в распоряжении все время мира. Каждый раз, когда он входил в меня, я готова была поклясться, что он входит все глубже.

Мы нашли темп, в котором каждая часть моего тела ожила. Он двигал бедрами. Пот

капал с его затылка и падал мне на грудь. Простыни с кровати сползли на пол. Кровать громко скрипела, пока мы продолжали двигаться.

Без предупреждения, Синклэр закинул мою ногу себе на талию. Так он смог войти в меня еще глубже.

На секунду, Синклэр остановился. Он, как и я, тяжело дышал. Его руки сжимали мою грудь так сильно, что я изогнулась.

— Клянусь, твое тело было создано для меня.

Эти яркие зеленые глаза были сосредоточены на моем лице и ни на чем другом. Я не отводила взгляд.

— Попроси меня остановиться, — приказал он. Его губы были прижаты к моему уху.

Прошипев, я запустила руки ему в волосы.

— Давай, Виктория. Попроси меня остановиться.

— Я не могу.

Он улыбнулся краем губ.

— Именно.

Синклэр наклонился ко мне. Наши лбы соприкоснулись.

— То что между нами, невозможно контролировать.

Синклэр улыбнулся, его губы были влажными. Он медленно вышел из меня, и снова вошел, но не полностью, оставив внутри лишь головку. Пытка. Агония. Совершенство.

Из позы, в которой я лежала, мне были видны только ресницы, лежавшие веером на его щеках, его глаза были закрыты. При лунном освещении, волосы Синклэра казались угольно-черными. Его гладкая кожа в сумрачном свете, еще сильнее подчеркивала мускулы. Я видела, как на его руках напрягаются сухожилия.

Он мой. Весь мой, подумала я про себя.

Я застонала так громко, что он закрыл мне рот рукой.

— Ты знаешь, что этот звук делает со мной?

Я открыла глаза, чтобы посмотреть на него. Его глаза ярко сверкали.

— Мне хочется трахать тебя сильнее, входить еще глубже, чтобы ты выкрикивала мое имя, и его слышали все.

Внезапно, он убрал мои руки со своей шеи. Он схватил их и сцепил у меня над головой, сжимая запястья своими большими руками. Он вошел в меня так глубоко, что я забыла, как дышать.

Весь мой контроль был сломлен.

Я жадно хватала ртом воздух.

Мышцы напряглись, тело задрожало. Я кончила и это было блаженством. Ничего подобного я раньше не испытывала.

Мне хотелось закрыть глаза, но я не отрывала взгляд от Синклэра. Я ощутила укол паники, потому что меня переполняли слишком сильные эмоции.

Это был секс душ. Не столько действие, сколько чувства, переполнявшие тебя. С каждым вздохом они усиливались.

Его имя сорвалось с моих губ.

Когда Синклэр завалился на меня, я осознала, что мое сердце выбрало его раньше, чем я это поняла.

Я бы умерла за него. Убила бы.

Я любила его сильнее жизни.

Я не могла отпустить его. Я нашла мужчину, способного раздеть меня всего лишь взглядом. Он говорил, и я была готова раздеться.

Его действия освободили меня.

ГЛАВА 30

Ноябрь 2015

С момента моей вспышки прошло два дня.

Все, включая остальных пациентов, стараются держаться от меня подальше, словно я ядовитая. Должно быть, фиговое положение, знаете ли, когда даже пациенты боятся тебя.

Во время завтрака и обеда я замечаю, что каждый мой шаг контролируется медсестрами. Я чувствую холодный взгляд Элис на своей спине, прожигающий дыры в моих вещах. Во время групповой терапии, я спокойно сижу, держа Эвелин. Она тихо сидит у меня на коленях. Кажется, она поняла, что я изменилась.

Наступает время арт-терапии. Все столики в комнате отдыха трансформируются в маленькую художественную студию. На каждом столе валяются ножницы с тупыми краями, мелки, маркеры, клей и цветные карандаши. Большинство пациентов погружены в искусство. Я никогда не была в восторге от раскрашивания и созидания. Но сегодня я делаю исключение. Я рисую радугу, которая похожа на творение человека, находящегося под воздействием наркотиков.

За столиком напротив меня, девушка крадет степлер у другого пациента. Она пытается «выбить» слова на своей коже. Медсестры немедленно окружают ее и вырывают у нее степлер. Девушку уgomонили, но я замечаю, что она успела написать буквы «X» и «И» на своей руке. Из ран сочится алая кровь.

Что она хотела написать? Я никогда не узнаю. Да и не хочу знать.

Ригэн сидит за другим столом. Она подмигнула мне, когда я вошла в комнату, но Сьюзан сразу же оградила меня от нее.

— Очень мило, Виктория. Очень мило, — хвалит меня преподаватель рисования. Больше чем уверена, что эта женщина, которая приходит каждый вторник, преподает рисование в местной старшей школе.

Я тупо киваю.

— И что это значит?

— Это радуга.

— Но что это значит для тебя? — она задумчиво постукивает пальцем по подбородку, — что внутри тебя нет ничего кроме света и цвета?

Ее слова настолько банальны, словно она подцепила их на курсах после школы. Хотя я пытаюсь воспринять ее слова сердцем. Я киваю головой и фокусируюсь на моем ненормальном рисунке. Но сколько бы я не смотрела на него, все равно у меня не получается увидеть там свет, о котором она упомянула.

Равновесие моего мира пошатнулось. Мысли и воспоминания смешались, и я не знаю, что думать и во что верить.

Терапия заканчивается. Медсестры собирают листы бумаги. Уносят художественные принадлежности. Комнату освобождают. В помещение остается несколько человек, и я одна из них.

Работает телевизор. Показывают какой-то сериальчик. Его смотрят только медсестры. Я же пялюсь на экран только от скуки. Там мужчина ведет оживленную беседу с женщиной,

которая выглядит смущенной.

Со скрежетом отодвигаю стул и встаю. Во мне пробуждается энергия, которая не хочет угасать. Я начинаю ходить по комнате. Чувствую себя бесполезной. Я должна что-то делать. Если никто мне не поможет, я помогу себе сама.

Голова пульсирует. Вероятно, мне надо прилечь. Больше часа назад я попросила у медсестры обезболивающее. Быстро выпила. Таблетки не помогли. Боль усилилась.

Эвелин у меня на руках. Она не кричит. Только ерзает, потому что ей некомфортно.

И тут в комнату входит Ригэн и подлетает ко мне. Я напрягаюсь. Мы не разговаривали с момента моей атаки на нее. Она кивает мне головой, с хитрой ухмылкой на лице.

— Привет, Виктория.

Я смотрю на нее. Из-за нее меня заперли в комнате. Она последняя, кого мне сейчас хочется видеть.

Ригэн барабанит пальцами по столу и оглядывается. Все очень быстро перерастает из состояния напряжения в состояние неловкости. Я знаю, что должна извиниться перед ней за нападение, но не могу заставить себя произнести ни звука.

— Смотри, я решила простить тебя за все эти... — она хватается себя руками за шею и закатывает глаза, — за все эти удушения.

— Я не хотела...

Она поднимает руку вверх.

— Пожалуйста. Я знаю, что ты хотела. И знаю, что заслужила это. К тому же, ты мне нравишься, так что давай оставим это в прошлом, ладно?

Ригэн протягивает мне руку.

Перемирие с Ригэн напоминает перемирие с Сатаной. Возможно, произошедшее несколько дней назад, притянет меня ближе к аду за то, что я тянусь ижимаю ее руку.

— Великолечно, — она наклоняется вперед и произносит так, словно берет у меня интервью. — Ну, разве теперь ты не чувствуешь себя лучше?

— Зачем ты вообще разговариваешь со мной?

— Ты мне нравишься, Виктория. Ты как лилия среди черных роз. Очевидно, что у тебя есть свои заскоки, но это место не для тебя. К тому же у нас обеих есть персона нон грата, которой запрещено появляться здесь. Мы можем стать ближе благодаря нашему сумасшествию. Ты попыталась убить меня, и, если даже это не разрушило нашу дружбу, тогда я вообще не знаю, что сможет ее разрушить

Это одна из самых честных, если не сказать самых добрых вещей, которые Ригэн когда-либо говорила мне. С секунду я просто смотрю на нее.

Прежде чем я успеваю что-то сказать, входит медсестра.

— Эй, — медленно произносит она, — разве вам можно находиться рядом друг с другом?

— Расслабься. Теперь мы лучшие друзья. — отвечает Ригэн с милейшей улыбкой, — На самом деле я только что закончила расчесывать волосы Виктории, и мы обсудили последнюю серию «Скандала» (*Примеч. ред. Скандал — американский драматический телесериал*).

Медсестра закатывает глаза и двигается дальше.

Ригэн смотрит через мое плечо и встает.

— Похоже, мои часы посещения закончены.

Я оборачиваюсь и вижу, что ко мне направляется Синклэр. Меня наполняет чувство

облегчения, когда я вижу его. Думала, он больше не придет. Если бы он не пришел, я бы не стала его винить. Это унижительно, что Синклэр видел меня в тот момент, когда я так пала столь низко. Если бы я могла вернуться назад и отмотать момент, я бы так и сделала.

Он идет прямо ко мне. Улыбается, но улыбка вымученная, словно произошедшее испытывает его и высасывает энергию. На мгновение я начинаю бояться, что он пришел сюда только для того, чтобы сказать, что он сдается и никогда больше не придет ко мне. Это не должно произойти.

Прежде чем он подходит к моему столу, я встаю и иду к нему. Не хочу разговаривать с ним, когда на нас смотрит так много людей. Я указываю направо в сторону стойки с журналами.

— Пойдем туда.

Он идет так близко ко мне, что от этого у меня буквально начинает покалывать кожу. Когда мы доходим до угла, я прислоняюсь к стене. Приходится заглушить в себе порыв обнять его руками за шею и никогда не отпускать.

Банальные «привет» или «как ты» кажутся жалкими и неубедительными. И бессмысленными. Чем больше я вспоминаю прошлое и наши взаимоотношения с Синклэром, тем отчаяннее я нуждаюсь в его присутствии.

Синклэр прочищает горло. Он переминается с ноги на ногу, словно мысль о том, что он собирается сказать, заставляет его чувствовать себе неудобно.

— Думаю, нам стоит поговорить о том, что произошло в той комнате несколько дней назад.

— Думаю, нам не стоит этого делать.

— Виктория...

— Я не могу говорить об этом.

— Но я должен знать, что произошло. Я вошел, а ты прижала ее к полу и душила.

Я хватаюсь за прядь собственных волос и начинаю накручивать на палец. Иногда эмоции так сильно переполняют меня, что я не знаю, как с ними бороться. Вот как сейчас. Я просто хочу распределить их на правильные места. Может быть тогда мне станет легче дышать.

Синклэр обхватывает мои запястья. Очень нежно, он отводит мои руки от головы. Я поднимаю голову, и вижу на его лице озадаченность.

— Я всего лишь хочу помочь тебе. Это все, чего я хочу последние полгода, понимаешь? — Его голос переходит в шепот. — Поговори со мной и скажи, что ты чувствуешь. Я люблю тебя, и чувствую твою боль.

От услышанных от него слов, я испытываю облегчение. Хочу быть значимой для него. Для Синклэра Монтгомери.

Я делаю глубокий вдох.

— О...она сказала, что я плохая мать.

После произнесенных слов, ярость начинает угасать, ее сменяет грусть. Это так нелепо. Мы с Ригэн все уладили. Но этот момент просто великолепная возможность показать, что ты можешь простить человека, но никогда не забудешь сказанных им слов.

— Виктория, — нежно говорит Синклэр, — это неправда. Ты же знаешь это, верно?

Я ничего не отвечаю.

— Она пыталась вывести тебя из себя.

Я начинаю смеяться и вытираю слезы с лица.

— Да, ну, у нее это получилось.

Внезапно я чувствую себя такой глупой.

Синклэр одной рукой нежно обнимает меня за плечо и притягивает к себе.

— Ты не плохая мать и никогда такой не будешь.

Я поднимаю голову.

— Хотя может она права. Она безумна, но некоторые безумцы — умнейшие из людей.

Они говорят то, о чем другие только думают!

— Нет, — говорит он тихо, но яростно, — даже не смей так думать.

Я продолжаю говорить, словно Синклэр ничего и не сказал.

— Когда Ригэн все это произнесла, я посмотрела на свои руки и увидела, что Эвелин даже не со мной. Я отдала ее медсестрам.

— Все мамы нуждаются в перерыве.

— Но не хорошие мамы. Хорошие мамы защищают своих детей.

— Это неправда, — с горечью в голосе возражает он.

Мы молчим. Мне не надо открывать ему душу, чтобы Синклэр увидел, как сильно меня ранили слова Ригэн. Он уже внутри меня. Он итак все это видит.

Я отвожу взгляд от пола смотрю на Синклэра из-под ресниц.

— Ты собираешься бросить меня сейчас?

Синклэр хмурится. Видно, что это задело его. Его плечи опустились, словно слова, произнесенные мной, навалились всей тяжестью.

— Однажды я сказал тебе, что никогда не брошу тебя здесь одну и не собираюсь отказываться от своих слов.

Я смогла улыбнуться.

Синклэр оглядывается и понижает голос.

— Ты вспомнила что-нибудь еще?

Я киваю.

— Да. Прошлой ночью доктор Кэллоуэй показала мне еще несколько фотографий.

Огонек интереса мелькает в его глазах.

— Что ты вспомнила?

Я наклоняю голову вперед. Нас разделяют всего несколько дюймов. Приходится напомнить себе, что мы не одни.

— Тот день, когда мы доставляли цветы.

Он ухмыляется.

— Конечно, — на секунду он замолкает, — ты помнишь это?

— Да. Помню, как вбежала в магазин твоей сестры. Как пошла к тебе домой... Ты не ожидал меня увидеть, и я осталась на ночь, — я замолкаю. — Ты помнишь?

Синклэр опускает очки и встречается со мной взглядом. Сила его взгляда до сих пор так же могущественна. От этого его взгляда в голове происходит короткое замыкание и воздух застревает в горле.

— Я очень хорошо помню тот момент, — хрипло отвечает он.

По шее и лицу пробегает горячая волна. В голове мелькают короткие вспышки о той ночи: ногти, впивающиеся в его кожу. Его губы, скользящие по моему телу. Я отбрасываю воспоминания, пока они окончательно не поглотили меня.

Синклэр не сводит с меня взгляда, и я знаю, что он тоже сейчас видит этот момент.

— Еще что-нибудь вспомнила?

— Нет, — громко выдыхаю я, — Знаю, что близка к завершению. Чувствую это. Я вот-вот докопаюсь до истины, но так боюсь увидеть то, что привело меня сюда.

Я прочищаю горло, намереваясь сменить тему разговора.

— Видя то, какими мы были раньше и какие мы сейчас, ты бы...ты бы повторил все заново?

— Конечно. Каждую секунду, — немедленно отвечает он.

— С тобой хорошо здесь обращаются? — спрашивает Синклэр.

— В общем? Или после того случая?

— И то, и то.

Я пожимаю плечами.

— Мне кажется хорошо. Хотя все смотрят на меня, словно я сумасшедшая.

— Я так не думаю. И никогда не подумаю, несмотря ни на что.

Никто никогда такого мне не говорил. Никогда. Когда я слышу его слова, гнев угасает.

Я пребываю в растерянности, и Синклэр отстраняется. Нас разделяет стол, но это ничего не значит. Я все еще чувствую его. Ощущаю его.

Я знаю, что он тоже это чувствует.

Всего день назад мне казалось, что я схожу с ума. Существует вероятность, что так и есть, но, когда Синклэр так смотрит на меня, волны сумасшествия отходят и я практически чувствую себя человеком.

Сердце начинает стучать барабанной дробью. Это самый прекрасный звук из всех.

Не обращая ни на кого внимания, Синклэр наклоняется ко мне и сильно сжимает мое лицо, словно боится, что я исчезну. Он притягивает меня к себе, его глаза искрятся нуждой во мне.

Наш последний поцелуй был ненасытным и таким пронзительным, чтобы всю жизнь вспоминать о таком. Нынешний куда медленнее, но в нем есть срочность, словно Синклэр пытается проникнуть внутрь меня и найти ту, кем я была.

Я сильнее приоткрываю рот и Синклэр стонет.

Эмоции захлестывают меня, берут под контроль каждое мое действие.

Я больше не чувствую себя разбитой.

Я смелая.

Храбрая.

Уверенная.

Также, как и в прошлом, этот мужчина вдыхает в меня жизнь.

Руки, удерживающие мое лицо, опускаются вниз; его большие пальцы спускаются к основанию горла. Прямо туда, где бьется пульс. Наши языки двигаются так синхронно, словно мы каждый день этим занимаемся.

Я не хочу лишиться этого ощущения. Мои руки Синклэр сжимает в кулаке, я впиваюсь ногтями в ладони. Мне хочется, чтобы он сжимал меня так и дальше. Мне очень много хочется.

Но на сейчас достаточно и этого.

И когда его не будет рядом, а слова потеряют смысл, у меня будут эти воспоминания.

— Никаких поцелуев, — появляется медсестра. Для более драматического эффекта она хлопает в ладоши. Она приближается и тычет пальцем в сторону Синклэра.

— Вон!

Синклэр не двигается. Он смотрит прямо на меня. Взгляд наполнен желанием, и я знаю,

что ему также не хотелось заканчивать поцелуй, как и мне. Я вдыхаю в себя столько воздуха, сколько возможно.

Кажется, что он хочет что-то сказать, но противная медсестра не собирается уходить.

— Вы должны немедленно уйти, мистер Монтгомери.

— Ой, да ладно! — появляется Ригэн, — это психиатрическое отделение, а не церковная группа для малолеток! Это самое захватывающее действие, что я видела здесь за последние несколько недель!

Очень медленно Синклэр встает. Я не готова так быстро отпустить его, поэтому наблюдаю за каждым его движением.

Он прячет руки в карманы, и кажется, что собирается отступить. Прежде чем я успеваю подумать дважды, я останавливаю его.

— Как ты можешь любить такую, как я? Я в тюрьме для сумасшедших. У меня нет свободы и я не могу вспомнить моменты из прошлого. Как ты можешь любить меня?

— Ты считаешь, что не заслуживаешь любви, и ждешь, что я тоже в это поверю, но я не могу. Ты уникальное произведение искусства, Виктория. Швы по краям твоей души неровны и изношены. Но ты была так создана, и я считаю, что это самое прекрасное из увиденного мной.

Я стою, совсем не зная, что сказать. Синклэр улыбается мне грустной улыбкой.

— Скоро увидимся, хорошо?

И он уходит, преследуемый по пятам, отчитывающей его медсестрой.

Я наблюдаю за тем, как он уходит, и чувствую, что что-то надломилось у меня в душе.

Я слышу отзвук сердцебиения?

Мне больно.

Мне больно.

Мне больно.

ГЛАВА 31

Я останавливаюсь перед кабинетом доктора Кэллоуэй.

Эвелин сейчас со Сьюзэн, поэтому я не переживаю.

Меня это даже не заботит.

На самом деле, нет.

Делает ли это меня ужасной мамой? Абсолютно точно.

Мой мозг словно боец на ринге, которого сбивают с ног снова и снова словами и объяснениями. Он весь в синяках и побоях, и вот-вот готов сдаться.

Я стучу, прежде чем войти. Дверь тихо закрывается за моей спиной. Я сажусь напротив Кэллоуэй, положив руки перед собой. Сдерживать нервное напряжение почти невозможно. Оно кружится надо мной, словно рой пчел, готовящихся атаковать меня в любой момент.

— Виктория, ты выглядишь уставшей, — говорит доктор Кэллоуэй, — не выспалась?

— Нет, мне хорошо спалось, — бубню я. Это полнейшая ложь, но как я смогу объяснить ей, что со временем голоса в голове становятся все громче и громче, все более агрессивными, более требовательными?

Все просто: я не могу.

— Где сегодня твой ребенок? — спрашивает она, и я замечаю беспокойство в ее глазах.

— Со Сьюзэн.

— Это хорошо.

— Почему?

— Ты сделала небольшой перерыв, — объясняет она, — передышку.

— Вам виднее, — фыркаю я.

— Каждому бывает необходимо побыть наедине с самим собой, — добавляет доктор Кэллоуэй. — В этом нет ничего такого.

— Все это неправильно.

Слова срываются с губ, прежде чем я успеваю их обдумать. После этого я перестаю контролировать, что говорю, все само вырывается из груди.

— Хорошие мамы любят и заботятся о своих детях. Не важно, как они себя чувствуют.

Я смотрю на нее с осторожностью, пытаюсь найти тень осуждения. Но ничего не замечаю.

— Тебе кажется, что ты не защищаешь своего ребенка? Обещаю тебе, что Сьюзен позаботится о ней.

— Это другое. Это просто...это...

— Что это?

От разочарования я закрываю глаза и, потеряв виски, делаю глубокий вдох. Пытаюсь разобраться в мыслях и чувствах, чтобы понятно объяснить то, что имею в виду.

— Просто мне кажется, что скоро моя дочь не сможет выносить мое присутствие, — наконец признаюсь я.

— Почему ты так думаешь?

— Она постоянно плачет, — одной рукой я хватаю другую, сдерживая порыв впиться ногтями в виски, — не важно, как сильно я стараюсь, она не успокаивается. Словно...словно она ненавидит меня.

Доктор Кэллоуэй откидывается на спинку кресла.

— Уверена, все совсем не так.

Я резко вскакиваю на ноги и начинаю ходить по комнате.

— Но так и есть. Более того, когда бы я не посмотрела ей в глаза, я не вижу в них узнавания. Словно я для нее незнакомка.

— Как ты себя из-за этого чувствуешь?

— Отвратительно! — гневно выдаю я.

— Я имею в виду, ты тоже чувствуешь, что отдаляешься от нее?

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к ней.

— Да.

— И поэтому ты считаешь себя плохой матерью, — предполагает она.

Я киваю головой.

— Да, точно.

— Здесь не о чем беспокоится.

Я с неодобрением смотрю на нее. Она улыбается в ответ.

— Именно это я и имею в виду. Ты сейчас под сильным давлением, переживаешь моменты из прошлого, которые не всегда легко пережить заново.

Я запускаю пальцы в волосы. Мне хочется кричать. Хочется плакать. Смеяться. Одновременно хочется ничего не делать и делать все сразу.

В этом нет никакого смысла, но ничего касаемо меня сейчас не имеет смысла.

Доктор Кэллоуэй складывает лист бумаги и передает мне. Даты и слова сливаются воедино. Я ничего не могу разобрать.

Зачем я это делаю? Зачем открываю ящик Пандоры? (*Ящик Пандоры — предмет из*

древнегреческого мифа о Пандоре, заключавший в себе бедствия, несчастья и надежду)

Неужели моя жизнь здесь настолько плоха, что я добровольно иду на эту пытку?

Так много вопросов, но я не могу дать ни единого честного ответа.

— Я теряю себя, на самом деле теряю, — шепчу я в ладони.

После секундной тишины, я опускаю руки и поднимаю голову.

Доктор Кэллоуэй ничего не произносит. Ее глаза пусты. Никакого осуждения. Но мне кажется, что где-то глубоко внутри она думает, что я спятила. Как и другие доктора.

— Думаете, я сумасшедшая?

— Совершенно точно нет. Никто не сошел с ума. Только мир. У каждой вещи есть ярлык и свое место. Но невозможно сгруппировать все чувства и реакции в коробки. Особенно реакции. Все разные, и каждый по-разному отреагирует на одну и ту же ситуацию. Ты очень строга к себе. Если бы кто-то путешествовал по своему прошлому, и ему пришлось бы смотреть на хорошие, плохие и ужасные моменты, он бы чувствовал себя также.

Должно быть она насмехается надо мной. Отрабатывает свои психологические приемы. Но сейчас в этом нет смысла.

— Вы так думаете? — спрашиваю я.

Она кивает

— Конечно. Если быть честной, думаю, что ты прекрасно справляешься.

Мне так отчаянно хочется верить ей. Но я так напугана.

— Ты можешь продолжать делать так и дальше, — нежно говорит она. — До этого ты уже пережила свое прошлое. Ты сможешь сделать это снова.

Я киваю. Надежда, которая уже практически умерла внутри меня, медленно возвращается к жизни.

— Еще фотографии? — задает она наводящий вопрос.

— Еще фотографии.

На первой фотографии изображен положительный тест на беременность. Это кажется таким нелепым, на грани безумия, фотографировать тоненькую палочку. На секунду, я возвращаюсь в тот момент. Тест лежал у меня на коленях. Руки тряслись так сильно, что мне пришлось сделать несколько фотографий, чтобы хоть одна получилась не смазанной.

На следующем снимке, мы с мамой сидим за столом на каком-то мероприятии. У меня на щеках румянец, и даже несмотря на то, что я сижу, невозможно не заметить живот, выпирающий из-под моего темно-фиолетового платья.

Темп ускоряется. Доктор Кэллоуэй так быстро перемещает их, что одна падает на пол. Я отвлекаюсь и нагибаюсь, чтобы поднять ее. Когда я переворачиваю ее, то невольно вскрикиваю.

По крайней мере, мне так кажется.

В ушах начинает звенеть и кровь стынет в жилах. Разум подсказывает отвернуться, но я не могу. Я вижу только мертвое тело. Оно лежит на набережной, сквозь траву виднеется вода. Труп уже разлагается. Оставшаяся кожа почернела, она похожа на кору дерева. Невозможно разглядеть какие-либо очертания. Словно озеро и рыбы старались сделать все возможное, чтобы съесть все тело до костей. У трупа нет глаз, остались только черные дыры.

У меня трясутся руки, когда я машу фотографией перед лицом доктора Кэллоуэй.

— Что это?

Она встает и вырывает фотографию у меня из рук. Когда она хорошенько вглядывается в нее, ее лицо бледнеет.

— Не знаю, как это сюда попало.

Я знаю, что именно это фото является доказательством смерти Уэса. Могу ли я винить их? На нем та же одежда, в которой он обычно приходит навестить меня, но на фотографии его белая рубашка изорвана. Пиджак весь изорван, рукав свисает с его руки. Один ботинок пропал.

— Откуда у вас это?

— Виктория, я множество раз просматривала эти фотографии, и никогда ее прежде не видела

— Это не он.

Я быстро качаю головой.

— Это не Уэс. Это не он.

Доктор Кэллоуэй кивает и медленно обходит стол.

— Просто сделай несколько глубоких вдохов.

— Он делает это со мной. Он подсунул эту фотографию!

— Кто?

— УЭС!

Я так громко выкрикиваю его имя, что в ушах начинает звенеть.

— Просто сделай несколько глубоких вдохов, — повторяет она.

Неужели она не видит, что мне не до глубоких вдохов? Я нагибаюсь, положив руки на колени и хватаю ртом воздух. Я вижу изображения в идеальном порядке, и самое ужасное, что они обретают смысл. Они совпадают. Но ничто во мне не хочет принимать тот факт, что возможно все вокруг меня правы.

Может быть мой муж был мертв все это время, а я просто разговариваю с его призраком?

Может я на самом деле принадлежу Фэйрфаксу?

Фотографии далеко от меня, но колесики прошлого приходят в движение. В этот раз я не так легко погружаюсь в воспоминания, как это обычно происходит. В этот раз воспоминания больно бьют меня. Я падаю на колени и прячу лицо в ладонях.

ГЛАВА 32

Октябрь 2014

Последние несколько месяцев я жила с мамой. Все началось с того момента, как между нами с Уэсом все было решено. Я вернулась в наш дом только один раз, специально выбрав день, когда Уэс будет на работе, чтобы спокойно собрать вещи.

Я часто виделась с Синклэром, но мы не жили вместе. Я очень боялась, что Уэс что-нибудь сделает с ним, если вдруг появится возможность.

Меня передернуло от одной только мысли об этом.

Мое сердце все еще было хрупким. Я медленно пыталась собрать его по кусочкам, но я любила Синклэра. Ему было кое-что известно про нас с Уэсом, но не все. Мне было даже самой себе тяжело признаться в происходящем, так представьте, как же тяжело было бы открыться всему миру? Я чувствовала себя униженной, запугавшейся.

Каждый день Уэс звонил мне, умоляя поговорить. Каждый день я сбрасывала его звонки, потому что больше не могла этого терпеть. Как я смогу избавиться от его присутствия в моей жизни, если даже просто не могу проигнорировать звонок?

Чем сильнее мне хотелось спрятаться от всего, тем чаще приходилось сталкиваться лицом к лицу с реальностью.

Я еще раз посмотрела на экран и нажала ПОЗВОНИТЬ.

Через два гудка он взял трубку.

— Виктория? Виктория? — Уэс задыхался, словно бежал к телефону.

Я сделала глубокий вдох.

— Нам нужно поговорить.

Представляя себе наш разговор, я думала, что он пройдет гладко. Но сейчас я видела, как Уэс злится с каждой минутой все сильнее.

Хотя на это я и рассчитывала. Вот почему мне хотелось порвать с ним за ужином. На публике. Со свидетелями. Я выбрала ресторан, в который он водил меня, когда мы были влюблены друг в друга. Об этом месте остались хорошие воспоминания. С тех пор столько мрака появилось в наших взаимоотношениях, что мне захотелось привнести хоть каплю чего-то хорошего.

— Прости, я опоздал, — поспешил сказать Уэс. Он поцеловал меня в макушку. Он так постоянно делал в начале нашего брака.

— Все в порядке.

Уэс не озвучил причину опоздания, а я не стала спрашивать сама; я итак знала ответ. Работа.

Он сел напротив меня, и принялся изучать меню. Официант принял заказ, и больше ничего нас не отвлекало.

Мы смотрели друг на друга. Он широко мне улыбнулся и спросил о том, как прошел мой день. Казалось, его действительно интересовало, что я отвечу. Это обезоруживало.

Но это был его тип поведения: постоянное проявление доброты и короткие вспышки гнева. Если я буду держать это в голове на переднем плане, мне удастся справиться с этим.

— Виктория, ты в порядке? Ты слегка побледнела.

Прежде чем ответить, я осушила бокал вина. Руки тряслись. Я сцепила пальцы вместе и подождала.

Принесли первое блюдо.

Сейчас или никогда, сказала я себе. Ты должна сказать ему.

— Я не могу так больше жить, — выдала я.

Правда может сделать одну из трех вещей: освободить, сломить или завершить все.

Я разрывалась между этими тремя вариантами, ожидая реакции Уэса. Он вытер рот салфеткой и нахмурился. На его лице читалось замешательство.

— Жить как?

— Как сейчас, — я указала на пространство между нами, — я так больше не могу.

Я готовила себя к вспышке. Жестокости. Но вместо этого меня встретила тишина. Это было неожиданно и сбilo меня с толку. Может я совершила ошибку? Может все могло вернуться на свои места? Может...

Нет, предостерегающе прошептал мне мой разум. Ты должна это сделать.

Забыв про свое волнение, я очень тихо сказала:

— Я хочу подать на развод.

Произнести эти слова оказалось так же больно, как я и думала.

Уэс выронил вилку. Потянулся через стол ко мне. Я напряглась, но через мгновение он убрал руку. Казалось, что он борется сам с собой.

— Не могу в это поверить, — угрюмо пробормотал он.

Я не ответила, просто осторожно наблюдала за каждым его движением.

— С чего вдруг ты приняла такое решение? — спросил он.

Его плечи поникли, и он опустил голову, слепо уставившись на еду. Он ничего не говорил, и разговоры за соседними столиками окружили меня. Думаю, что где-то глубоко внутри, он знал, что это произойдет.

Игнорируя всех вокруг нас, он потянулся к моей руке. Я сразу же убрала ее. Мы успели соприкоснуться только кончиками пальцев.

— Я люблю тебя. Я думал, что у нас все идеально.

Я нахмурилась.

— Идеально?

— Все усложнилось из-за работы, и из-за того, что ты не могла забеременеть...

— Это не из-за твоей работы и беременности. — Быстро перебила его я, — По началу мне тоже так казалось. Но нет, это все из-за твоего обращения со мной.

— Я хорошо с тобой обращался, Виктория. Я дал тебе все. Несколько ссор и ты готова уйти? Да ладно тебе. Я же люблю тебя, — грустно произнес он, выглядя совершенно опустошенным.

Вот Уэс всегда так поступает. Не покупайся на это. Ни на единую секунду.

Он собирается сказать, как сожалеет, как сильно любит меня, но я знала, что даже тигру не выбраться из его сетей.

— Пытаешься заставить меня поверить в то, что в тебе не осталось любви, чтобы бороться за нас? — подытожил он.

В его словах промелькнул слабый намек на разочарование. Учитывая масштабы нашего разговора, он даже близко не проявлял той реакции, какой я от него ожидала.

— Конечно же во мне есть любовь к тебе. Но ее больше недостаточно.

Мой ответ заставил его вздрогнуть. Он откинулся на стуле, уставившись на меня своим взглядом адвоката — взглядом, который буквально проникал в человека и пытался поймать его на лжи. Этим взглядом Уэс мог докопаться до моей сущности, но он не нашел бы там ничего кроме правды.

Я очень осторожно подбирала слова.

— Ни один из нас больше не счастлив.

— О чем ты говоришь? У нас все идеально.

Пребывая в замешательстве, я уставилась на него. Я чувствовала себя так, словно нахожусь в сумеречной зоне. Может он бредит? Я медленно наклонилась и тихо произнесла:

— Между нами нет ничего идеального.

— В этом то и проблема. Я вижу, что отношения натянуты. Но тем не менее я люблю свою жену так сильно, что могу это преодолеть.

— Преодолеть? — я повысила голос, чем привлекла к себе внимание окружающих. — Это то, чем мы занимаемся весь год!

— Год? — вздохнул Уэс, — и теперь ты упрашиваешь меня купиться на то, что ты больше не счастлива?

— Да, именно в этом я и стараюсь тебя убедить.

— Невероятно, черт побери.

— Я не внезапно пришла к этому. Невозможно забыть годы, проведенные вместе, и совместные воспоминания.

— Если это невозможно, тогда останься со мной.

Уэс потянулся ко мне и в этот раз я стала сопротивляться, потому что сдаться в такой ситуации было очень легко — опустить плечи и покорно сказать «хорошо».

Я опустила руки на колени.

— Я не могу, Уэс. Если останусь с тобой, то моя боль никуда не исчезнет. Я останусь с твоим жестоким обращением.

— Не было никакого жестокого обращения. Я всего лишь несколько раз вышел из себя.

— И именно поэтому я больше не могу быть с тобой.

Умоляющее выражение на лице сменилось холодностью, которую я ожидала увидеть с самого начала. Казалось, что вся реальность происходящего наконец-то дошла до него. Никакое количество произнесенных слов «прости», не смогло бы вернуть нас к тем, кем мы когда-то были.

— У тебя кто-то есть? — поинтересовался он язвительным тоном.

Я так долго собиралась с силами, чтобы сказать ему правду, но сейчас была так напугана, что он использует это против меня и выставит меня в плохом свете. Меня, а не себя.

Я села прямо и посмотрела ему в глаза.

— Это не имеет значения.

— Конечно имеет. Почему ты не можешь ответить на вопрос? Да, у меня появился другой. Нет, у меня никого нет. Два легких ответа.

— Ты можешь предложить мне хоть три варианта ответа, но это тебе стоит признаться о романе на стороне.

Уэс ударил ладонями по столу.

— Говорил тебе, что не встречаюсь с ней!

Разговоры вокруг нас затихли. Я чувствовала на себе взгляды. Уэс оглянулся и понизил голос.

— Если хочешь развода — получай. Я не смогу остановить тебя... — Я ждала. Он явно готовился нанести удар. — Но я не дам тебе сделать это так легко.

Я ожидала, что его тон будет таким резким, но все равно по спине пробежал озноб.

Уэс попросил принести счет, я осталась сидеть на своем стуле. Не потому, что должна была. Не потому, что была напугана. Не потому, что мне было грустно. Я осталась, потому что знала, что это наш последний ужин, который мы проведем как мистер и миссис Донован.

Мы молча вышли из ресторана. Тишина была невыносимой. Она маскировала недосказанные слова, которые просто тихо умирали в нас.

Мы уехали каждый на своей машине. Я видела, как Уэс сворачивает направо и уезжает в сторону нашего дома.

Я же повернула налево.

Я поехала к Синклэру.

ГЛАВА 33

Октябрь 2014

Ни один человек в здравом уме не хочет развода.

Никто не планирует свадьбу, проделывает всю подготовку, думая про себя: «Не могу дождаться развода. Так будет гораздо лучше!» Это словно строить свои надежды и мечты из стекла и разбить их о камень.

Но я знала, что мне надо делать. Мое сердце изменилось. Оно принадлежало бывшему Уэсу — тому, который обещал мне все, и сформировал мои мечты о долгом и счастливом будущем.

— Почему ты боишься? Ты гораздо храбрее, чем кажешься, — утром прошептал мне на ухо Синклэр.

Я должна была помнить его слова. Должна была собирать их воедино в такие моменты.

— Ты готова это сделать? — спросила Рэне.

Прошла неделя с того момента, как я сказала Уэсу, что хочу развестись. Сейчас я была в Ричмонде, городке в двух с половиной часах езды от нашего дома. Я сделала это специально. Хотела, чтобы мой адвокат не имел ни малейшего понятия о том, кто мой муж. Если бы я выбрала адвоката из МакЛина или Фалс Черч, то увидела бы только их сверкающие пятки.

Громко вздохнув, я отстегнула ремень безопасности и кивнула Рэне.

— Я готова.

Мы находились в густо заселенном районе с большим количеством зданий вдоль дороги. Большинство парковочных мест были заняты. По улице шли люди, склонив головы, приковав взгляды к телефонам. Никто не заметил меня. Я никого не интересовала, и я почувствовала, как напряжение, медленно, покидает мое тело. Позднее, мне казалось, словно у меня над головой горела неоновая вывеска с огромной надписью: Посмотрите на меня! Я развалила свой брак!

Прямо перед нами, на противоположной стороне дороги, стояло четырехэтажное кирпичное здание. На уровне второго этажа располагалась вывеска «Юридическая фирма Рэндэлла и Фэрнберга».

Фирма «Рэндэлла и Фэрнберга» была хорошо известна по всему штату. Их кабинет располагался на третьем этаже. В лифте мы с Рэне молчали. Я чувствовала, как ее взгляд постоянно скользит по мне. От страха у меня свело живот.

Когда мы вышли из лифта, она на секунду приобняла меня, слегка сжав за плечи.

— Все будет хорошо.

Я безучастно кивнула ей и затем мы вошли в их офис. Белые стены, темная мебель, и картины с пейзажами — типичный офис. Секретарша поприветствовала нас улыбкой.

— У меня назначена встреча на час дня с мистером Рэндэллом, — тихо сказала я, словно Уэс мог прятаться за углом и броситься ко мне отговаривать от этого шага.

Секретарша показала мне, где расписаться. У меня не получалось ровно держать ручку, и моя подпись выглядела какой-то размашистой.

— Он освободится в ближайшее время. Пока можете присесть.

На столике лежали старые журналы. В углу около окна стоял кофейник и пластиковые стаканчики. Не могла представить хоть кого-то, кто сможет зайти в этот офис и успокоиться, выпив чашку кофе. Я едва могла сконцентрироваться на журнале, лежащем у меня на коленях.

Я толкнула Рэне и указала на потолок.

— Там маленькое пятно от воды.

— Ага, и что ты думаешь?

Я наклонилась вперед.

— Думаю о том, почему от него не избавились. Может быть эту фирму скоро затопят. Может мне надо поискать другого адвоката, — прошепела я.

— Хорошо, расслабься. Ты накручиваешь себя. Пятно не играет никакой роли. Ты

выбрала хорошего адвоката.

— Откуда ты знаешь?

Рэне пожала плечами и вернулась к изучению своего журнала.

— Я провела свое расследование.

Я никогда не консультировалась у адвоката. В юридической фирме была только один раз, когда навещала Уэса. Даже тогда я не обращала внимания на людей в комнате ожидания. Уэс приносил дела домой, но никогда не обсуждал их со мной, и сама я не интересовалась. А лучше бы посмотрела на них тогда. Скольких людей, старающихся разорвать отношения, представлял в суде Уэс? В этих делах он плавал, как рыба в воде. Он знал законы от «А» до «Я». Как выиграть дело и по-настоящему причинить человеку боль.

Мне казалось, что я что-то забыла. Я сжала руки и уставилась на часы на стене. Казалось, что время застыло.

Мне стало душно. Несмотря на то, что уже наступил октябрь, было непривычно жарко. Почему они не включают кондиционер? Мне казалось, что я задыхаюсь.

Я уже собралась встать, когда низенький коренастый мужчина подошел к стойке секретаря. Он выглядел так, словно годился мне в дедушки. Седые волосы и лицо все в морщинах. Он не был похож на адвоката, готового вцепиться в глотку, ради победы. Казалось, что он сошел с картины Нормана Роквелла. *(Прим. перев. Норман Роквелл — американский художник и иллюстратор. Его работы пользуются популярностью в Соединённых Штатах. На протяжении четырёх десятилетий он иллюстрировал обложки журнала The Saturday Evening Post).*

— Миссис Донован? — его взгляд скользил между мной и Рэне. Он был не уверен, кто из нас Донован. Я повернула голову и кивнула, вяло улыбнувшись.

— Проходите, — сказал он, — я мистер Рэндэлл.

Прежде чем пройти в его кабинет, я повернулась к Рэне. Она все еще листала глянцевые страницы. Рэне взглянула на меня.

— Что?

— Пойдем.

Она отложила журнал.

— Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой?

— Ты же проехала весь этот путь не для того, чтобы посидеть с журналом в комнате ожидания?

Она пожала плечами и схватила сумочку с пола. Мистер Рэндэлл приподнял бровь, когда мы вошли в его кабинет.

Кем бы человек не работал: терапевтом, доктором, адвокатом или бизнесменом, у них у всех есть одна общая черта — кабинет. Большие внушительные столы. Награды, висящие в рамках на стене. Парочка книжных шкафов. Всегда одно и то же.

Кабинет мистера Рэндэлла не был исключением.

Он протянул руку.

— Дуг.

Я пожала его руку.

— Виктория. Это моя подруга Рэне.

— Рад с вами познакомиться. Пожалуйста, присаживайтесь.

Я села напротив него. Рэне опустила в другое кресло рядом со мной. Сквозь жалюзи в кабинет проникали солнечные лучи, освещая пол. Мне никогда ничего не хотелось сильнее,

чем убежать из этого места как можно дальше. Но я зашла так далеко. И должна все довести до конца.

— Чем я могу помочь вам?

— Я хочу развестись, — выдохнула я. Ожидала, что почувствую себя лучше, но от этих слов остался неприятный осадок. Меня затошнило.

Он кивнул, но выглядел совершенно растерянным.

— Хорошо. Для начала позвольте ознакомиться с основной информацией.

Я с сомнением кивнула. Посмотрела на Рэне, но она явно тоже ничего не понимала в этом.

— Полное имя?

— Виктория Изабель Донован.

— Девичья фамилия?

— Олдридж.

— Дата рождения?

И множество других вопросов. Я отвечала на каждый, надеясь, что нервы успокоятся, но этого не происходило.

— Имя вашего мужа?

— Уэсли Донован.

Мистер Рэндэлл оторвался от заполнения бумаг. Он снял очки и вздохнул.

— Ну, это многое меняет.

— Что именно? — уточнила Рэне. В ее словах слышалась злость.

Мистер Рэндэлл ответил на ее вопрос, но смотрел он при этом на меня. Я вцепилась руками в ручки кресла. Я уже знала, что он собирается сказать.

— Я знаю вашего мужа, миссис Донован. Он имеет очень большой вес в суде.

Рэне вздохнула.

Мистер Рэндэлл поерзал на своем сидении.

— Как долго вы были женаты?

— Два с половиной года.

— Есть ли вероятность, что вам поможет семейная консультация?

— Нет.

— У вас есть общие дети?

— Нет.

— Совместное имущество?

— Да.

— К чему так много вопросов? — пробормотала Рэне.

Я знала, что это было частью процедуры, но Рэне нет. Она выглядела шокированной и раздраженной.

— Это стандартные вопросы. Я должен получить, как можно больше информации.

Рэне кивнула ему и откинулась в кресле.

Мистер Рэндэлл посмотрел на меня своими грустными голубыми глазами.

— Если вы собираетесь подавать на развод, на возмещение убытков, алименты и так далее, будьте готовы к тому, что он подаст иск на вас в ответ. Он сможет оставить вас ни с чем.

— Я знаю это.

— Опять же, я не пытаюсь вас отговорить. Думаю, будет справедливо, если я с самого

начала буду честен с вами касательно развода. Будет нелегко. Идеален сценарий, когда пара подает на развод по обоюдному согласию. Адвокат выступает в роли посредника. Собирает всю необходимую информацию, стороны обговаривают условия и подписывают бумаги о разводе. Но это обычные разводы. Порой дело может принять нехороший оборот. Очень нехороший. Вы должны быть готовы к этому.

Я кивнула.

По выражению на его лице, я поняла, что он сомневается. Он прочистил горло.

— Каковы причины развода?

— Хочу развод по обоюдному согласию.

Я могла бы подстраховаться с помощью фотографий той таинственной женщины, если бы решила бороться, но мне просто хотелось покончить с этим браком и жить дальше.

— Бывали случаи домашнего насилия?

Я заколебалась и мистер Рэндэлл уцепился за мое молчание, как лев за добычу.

— Пожалуйста, будьте честны со мной.

Они с Рэне устали на меня, и я почувствовала себя загнанной в клетку.

— Да.

— Есть доказательства? Вы вызывали полицию? Писали заявление?

— Доказательства есть, но я не хочу ничего усложнять. Я просто хочу оборвать с ним все связи раз и навсегда.

— Я понимаю, — терпеливо ответил мистер Рэндэлл. — Но все может пойти не так, как вы планировали.

Я сделала глубокий вдох и уставилась в окно. Последовало долгое молчание.

— Вы все еще хотите начать процесс развода? — вежливо спросил он.

Я громко сглотнула, уставившись на доброго мужчину передо мной.

— Да.

Казалось, что его удивил мой ответ. Он выронил ручку и встал из-за стола.

— Очень хорошо.

Весь следующий час я отвечала на затруднительные вопросы и заполняла бесчисленное количество бумаг. Документы которые было необходимо подать в суд, и те, которые я должна была предоставить. К тому времени, как я встала, у меня кружилась голова. Но я уже перепрыгнула один барьер и на данный момент этого было достаточно.

Когда пришло время уходить, мистер Рэндэлл встал и пожал мне руку. Клянусь, я видела в его глазах немалую долю уважения.

— Что будет дальше? — спросила я.

— Ну, Уэса уведомят, что вы подали на развод. Вам не нужно отвозить ему бумаги. В большинстве случаев их отвозят за вас.

— Я сделаю это, — вмешалась Рэне.

Я посмотрела на нее

— Есть еще варианты доставки документов? — спросила я его.

— Конечно. Можно выслать по почте. Но, думаю, лучше воспользоваться доставкой на дом, чтобы супругу вручили документы из рук в руки. Также это будет означать что суд берет супруга под свою юрисдикцию.

Поколебавшись, я кивнула.

— Давайте так и поступим.

— Хорошо. Вас уведомят, как только он получит их.

— Что потом?

— После этого мы будем оценим ваше имущество и совместные долги. Обсудим что вы хотите забрать из совместно нажитых вещей, а что нет. Затем будет назначена дата суда. Вы должны будете выступить перед судьей. И если все пойдет хорошо, бумаги о разводе будут подписаны довольно быстро.

— А если нет?

Мистер Рэндэлл пожал плечами, его лицо стало суровым.

— Тогда развод может затянуться на несколько лет.

Пока мы шли к машине, меня трясло. По дороге домой мы молчали. Я смотрела в окно, балансируя на грани облегчения, что делаю все правильно и страха, что это все выйдет мне боком. Несколько следующих дней я провела в нервном напряжении, ожидая известий о подготовке бумаг.

Это было еще одним барьером, который я сумела преодолеть, и я знала, что можно слегка расслабиться. За исключением того, что я в лицо сказала Уэсу о желании развестись, подписание бумаг казалось мне самым сложным во всей этой ситуации. Мне становилось больно при одной только мысли об этом.

— Я горжусь тобой, — сказала Рэне.

Я не ответила.

— Знаю, что это прозвучало драматично, — продолжила она, — но я на самом деле имею это в виду.

Рэне вздохнула и похлопала меня по руке. Я продолжала смотреть в окно, наблюдая за движением, чувствуя, как тяжесть ситуации все сильнее давит на плечи.

Я изучила темную сторону своего мужа настолько, что знала, что он может стать еще хуже, и чуть подсказывало мне, что это далеко не предел.

ГЛАВА 34

Ноябрь 2014

Я сделала тест на беременность в туалете Уолмарта.

У меня не хватило терпения подождать десять минут и пописать на эту чертову палочку дома. Для меня это стало бы невероятной пыткой. Мне нужно было узнать прямо сейчас.

Тест из коробочки я вытаскивала дрожащими руками. Я так много раз делала тест, всем сердцем надеясь на положительный ответ, и в результате получала только разочарование.

Прямо сейчас я не могла найти себе места. Беременность случилась в самый худший период в моей жизни. Хотя, несмотря на все это, мысль о том, что сбудется моя заветная мечта, перекрывала все минусы моего положения.

Писая на палочку, я смотрела на разрисованную каракулями дверь. В ожидании результата я успела узнать, что Британни — шлюха. Энни и Дэвину суждено быть всегда вместе. А Саванна, Кайли и Люси были лучшими друзьями до гроба.

Боже мой, эта мысль не укладывалась у меня в голове. Неужели я действительно хочу узнать новость, которая изменит всю мою жизнь, пока женщина за стеной говорит сыну не писать на стены?

Смесители включались и выключались, и кто-то громко кашлял. Но меня это не волновало, все мое внимание было сосредоточено на тонкой белой полоске. В инструкции было сказано выждать три минуты. Такой короткий промежуток времени, а тянулся он так долго. Мне казалось, что прошло целых три года.

Нервничая, я постукивала ногой по полу. Уговаривала себя дышать, убеждала, что все

будет в порядке. Независимо от результата. Все. Будет. Хорошо.

Нервы были на пределе. Я, наконец-то, наклонилась вниз и увидела вторую полоску. Несколько раз моргнув, я ожидала, что вторая горизонтальная полоска пропадет и я узнаю правду. Но ничего не менялось. Все, кроме моей жизни.

Забавно, как маленький тест может изменить всю твою жизнь.

Я схватила сумочку и выбежала из туалета.

Рэне склонилась над тележкой, просматривая новостную ленту в телефоне. Увидев меня, она выпрямилась, и с любопытством посмотрела на меня.

— Сделала?

Слова застряли у меня в горле. Я смогла только кивнуть и передать ей тест. Ее глаза распахнулись от удивления, пока она переводила взгляд с теста на меня и обратно.

— Мы счастливы? — осторожно спросила она.

Я должна была бы радоваться. Это должен был быть самый волнительный момент в моей жизни, но я боялась.

Мысленно я пыталась провести подсчеты. Сколько длится мой цикл? Я никогда не отслеживала месячные. Как и большинство женщин в этом вопросе я полагалась на напоминания тела. Кажется, у меня всего лишь недельная задержка.

Я схватила тест и уставилась на результат.

— Мы счастливы, — ответила я.

После этого началось бесчисленное количество рыданий и объятий.

— Но не говори своему брату.

— Когда ты собираешься ему рассказать?

Я убрала тест в сумочку.

— Скоро. Через пару часов. Но сначала я должна все обдумать.

Прежде чем выйти из магазина, я купила еще десять тестов. На случай, если первый был не точным.

Я думала только о том, как Синклэр воспримет эту новость. Между нами все было замечательно, лучше, чем я могла представить. Но про нас с Уэсом я такого сказать не могла. Как и обещал, он не собирался облегчать мне бракоразводный процесс. Неделю назад он съехал из дома и вскоре выставил его на продажу. К счастью для меня. Этот дом заслуживал, чтобы в нем жила счастливая семья. Но на этом он не остановился. Если существовала какая-либо задолженность по кредитной карте, Уэс настаивал, что за все должна заплатить я. Он утверждал, что именно я потратила все деньги. Проще всего дело обстояло с вещами в доме. Он хотел забрать «самую малость»: картины, ковер, нашу двуспальную кровать. Кресло в гостиной. Не забыл он и про телевизор с плоским экраном. Единственное, на чем мы сошлись единогласно: все вещи в его кабинете принадлежали исключительно ему.

Уэс хватал все, что попадалось ему на глаза. Синклэр видел всю боль и отчаяние, через которые я проходила.

Мое терпение было на пределе. Дни тянулись так медленно. Если бы рядом не было Синклэра, я бы сошла с ума.

Верхушкой айсберга стали мои отношения с матерью Уэса. Ну, наши бывшие отношения. Ли Донован иначе представляла своего сына. Она была возмущена: шокирована, ранена, и злилась на то, что я бросила Уэса. После пары телефонных звонков, в которых она обвинила меня в том, что я не старалась, и все проблемы начались из-за меня, я перестала

отвечать на ее звонки.

Я не сомневалась в том, что уже половина Фолз Черч в курсе того, что мы с Уэсом разошлись. И у меня сложилось стойкое впечатление, что Ли описывала меня в самых жутких красках.

Я постоянно напоминала себе о том, что, если бы это было самым ужасным, чего можно было ожидать, тогда я просто счастливица. И это срабатывало.

До сегодняшнего дня.

Я сидела на полу своей спальни, прислонившись спиной к кровати. Вокруг меня были разбросаны все десять тестов. Словно кусочки пазла. Как бы мне хотелось, чтобы все было легко. Я бы просто сложила кусочки и затем, не успев понять, что произошло, пазл был бы завершен и я бы получила ответ на вопрос.

Я оставилась на свой Блэкберри и пролистала контакты. Имя Синклэра и его номер высветились на экране, призывая меня позвонить ему. У меня не было ни малейшего понятия, как он воспримет мою новость. Новая жизнь в наших отношениях могла либо сблизить нас, либо разлучить. Я боялась, что случится второе. Мне искренне хотелось верить, что он воспримет новость с распростертыми объятьями, но на меня давил опыт прошлого. Я думала о плохом, а не о хорошем.

Звонили мать и Рэне, но я перенаправила их звонки на голосовую почту, и быстро позвонила сама, пока окончательно не потеряла терпение.

Синклэр ответил через пару гудков.

— Привет.

— Привет, — произнесла я, срывающимся голосом.

Он сразу же почувствовал мой страх.

— Что случилось?

Я сделала глубокий вдох и задержала дыхание. Взгляд метался от теста к тесту. Я знала, что как только произнесу эти слова, то уже никогда не смогу забрать их назад.

— Я беременна.

Молчание.

Я нахмурилась.

— Ты здесь?

— Здесь.

Еще одна пауза.

— Подожди, мне нужно выйти туда, где я буду один.

Я начала постукивать ногой по полу. Никак не могла успокоиться. Я вцепилась руками в ковер, убеждая себя, что все будет хорошо.

Будет.

Будет.

Я слышала, как хлопнула дверь, и через секунду Синклэр сказал.

— Ты уверена?

— Да. Я сделала один тест пока была в универмаге и потом еще десять, когда вернулась домой.

— Первый тест ты сделала в Уолмарте?

— Может мы сфокусируемся на другом? — просипела я.

— Конечно, — замолчал он, — ты беременна.

Я почувствовала, что он улыбается.

— О чем ты думаешь?

— Я думаю о том, что у нас будет ребенок, и это самая лучшая новость, которую я когда-либо слышал.

Я нервно рассмеялась. Инстинктивно, я опустила руку на живот. Его слова подарили мне надежду и смелость принять будущее. Услышав их, я поверила, что все будет хорошо.

С улыбкой на лице, я подняла один из нескольких тестов.

— Я все еще не могу в это поверить.

— Также, как и я.

Повисло молчание. Мы оба были погружены в собственные мысли. Затем он сказал:

— Ребенок...ребенок!

От его счастья мое возросло в тысячекратном размере.

— Спасибо за то, что так хорошо воспринял эту новость, — поблагодарила я.

— Ты думала, что я расстроюсь?

— Да, — честно призналась я.

— Виктория, это не может огорчить меня. Это самая лучшая новость, о которой только можно мечтать. Наша жизнь началась заново.

— Я люблю тебя, — прошептала я.

— Я люблю тебя. Все будет хорошо. Мы справимся.

Я поверила ему, потому что только это мне и оставалось.

ГЛАВА 35

Январь 2015

В воздухе танцевали тысячи снежинок, медленно кружась вокруг меня. Снег хрустел у меня под ногами, пока я очень осторожно шла по дорожке. Ступив, наконец, на крыльцо, я с облегчением вздохнула и стряхнула снег с обуви. Я тяжело прислонилась к двери, пока искала ключ от дома.

Дверь открылась, и я влетела внутрь, наткнувшись на Синклэра. Я ощутила каждый его мускул. Вокруг витал запах его одеколона. Его теплое дыхание ласкало мою шею.

Его губы встретились с моими. Напряжение в моем теле ослабло и руки вяло повисли по сторонам. Казалось, что он испытывал острую необходимость в этом поцелуе. Поцелуй был неистовым и торопливым. Каждое прикосновение губ, каждый вдох, то, как его язык сливался с моим, доказывало мне, что он не хочет упускать ни единого момента.

Я замечала каждое его движение. Мы были в идеальной гармонии.

Я сильнее вцепилась в него пальцами, притягивая ближе. Поцелуя с ним должно было быть достаточно. Находиться в его объятиях должно было быть достаточно. Но мне было этого мало, и я не знала, будет ли когда-нибудь иначе.

Поэтому я прижалась к нему поближе, и он поцеловал меня глубже. Его руки двигались вверх по моему телу, скользя по ребрам, задевая мой лифчик, прежде чем они остановились на моей шее.

Синклэр отстранился.

— Привет.

Его голос был глубоким и чувственным. Он притягивал меня сильнее, словно вокруг моей шеи была невидимая веревка.

— Ты нужен мне, — сказала я в ответ.

На секунду он застыл, прижавшись своим лбом к моему. Мы стояли не шевелясь. Мое

дыхание участилось. Я забыла, что желание может сделать с человеком. Словно внутри разгорался пожар. И от этого пожара покалывало во всем теле.

Он усмехнулся. От этого звука я задрожала.

— Ты скучала по мне? — спросил он.

— Да.

За моей спиной был коридор, который вел в его спальню, но для меня это было слишком далеко. Думаю, Синклэр чувствовал тоже самое; поэтому он подвел нас к дивану, сел первым и потянул меня вниз, так что я оседлала его колени.

Он был подо мной. Этот сильный мужчина был подо мной и принадлежал только мне. От этого по моей спине побежала дрожь.

Я пыталась как можно быстрее стянуть с него одежду, но руки у меня не переставая тряслись.

Синклэр потянулся и выключил лампу. Мы мгновенно погрузились в темноту. Мне это понравилось; так мы могли сосредоточиться на прикосновениях и словах. Слова и прикосновения заставляют работать усерднее, но конечный результат стоит того, поскольку тело оживает.

Мое пальто упало на пол, и остальная одежда быстро последовала за ним. Я сбросила обувь. Она с громким стуком ударилась об пол.

Его пальцы сжали мои бедра. Мои ладони скользнули по его плечам, вниз по спине. Я запомнила каждый мускул, ощущение его теплой, гладкой кожи. Я поцеловала его шею и нежно прикусила кожу.

— Не торопись, — напряженно прошептал он мне на ушко.

— Я пытаюсь, — простонала я.

Я правда пыталась. Но тело игнорировало мои просьбы и взяло верх над разумом, пока все не свелось к неистовым поцелуям и прикосновениям. Меня должны были бы пугать эти чувства, но нет. Они опьяняли. Здорово было отключить разум и дать волю телу.

Синклэр немного приподнял бедра с дивана, чтобы я смогла стянуть с него штаны. Нежными прикосновениями я исследовала его, скользя вниз по телу. По каждой идеально вылепленной мышце. Синклэр застонал, когда я добралась до его боксеров. Взглянув на него из-под ресниц, я ухмыльнулась. Вцепилась пальцами в резинку его трусов. Он резко втянул в себя воздух. Я была так близка к тому, чего хотела. Могла бы протянуть руку вниз всего на несколько миллиметров и обхватить его. Мне приходилось сопротивляться этому желанию.

Я чувствовала на себе его пристальный взгляд. Силы, исходящей от него, было достаточно, чтобы заставить меня ерзать у него на коленях.

— Не делай так, — предупредил он. Его руки касались моей кожи, собственнически удерживая меня. Он резко втянул в себя воздух, властно держа меня в своих руках. — Ты все усложняешь.

— Разве между нами когда-нибудь что-нибудь было легко? — прошептала я.

Он запустил руки мне в волосы и повернул к себе.

— Я хочу, чтобы это длилось как можно дольше.

Его руки расслабились и скользнули вниз по моей шее. Его прикосновение было подобно перышку, очень нежно скользящему по моему телу.

— Я хочу этого так же сильно, как и ты, — прохрипел он.

Его руки переместились на мою спину и с ловкостью расстегнули мой лифчик. Две тоненькие лямки, на которых он держался, соскользнули по моим рукам. Материал

опустился очень низко, почти обнажая грудь. При мысли об этом я выгнула спину. Мой лифчик упал между нами. Я быстро сбросил с себя нижнее белье.

Синклэр опустил голову. Я лукаво улыбнулась, когда он поцеловал кожу над моим пупком, двигаясь все выше и выше, пока не добрался до ложбинки между моими грудями.

— Люблю эти веснушки, — прошептал он около моей груди.

— Правда? — шепотом спросила я.

Когда он кивнул, его губы коснулись моей кожи, и мне пришлось сдерживать стон. Я не могла дышать. Не могла пошевелиться, потому что от его прикосновений моя кожа пылала.

Синклэр знал мое тело как свои пять пальцев.

Он обхватил мои груди ладонями. Они идеально помещались в его руках, и вся я словно была создана для него. А может, так оно и было. Может быть, у каждого в мире есть человек, который подходит идеально, как кусочек пазла, встающий ровно на свое место.

Я почувствовала, как его губы обхватили мой сосок. Когда его язык коснулся самого кончика, я застонала. Он нежно ласкал его, будто целовал меня. Каждая секунда была пыткой и блаженством — лучший тандем.

Наши тела интимно соприкоснулись, и я мгновенно стала влажной. Синклэр хотел, чтобы мы не торопились, но я больше не могла.

— Сейчас, — прошептала я, — прямо сейчас.

Я наклонилась и поцеловала его со всей страстью и вожделием, которые испытывала к нему. Руки Синклера обхватили мою талию. Он сел, и я тесно прижалась к нему. Головка его члена терлась о самую чувствительную часть моего тела. Я ахнула ему в рот и прижалась к нему всем своим существом. Он схватил меня за бедра. Это была настоящая пытка.

— Я не готов, — прорычал Синклэр.

— Я готова.

Синклэр ухмыльнулся.

Он не принуждал.

Не причинял боль.

Не доминировал.

Он позволил мне все контролировать, зная, что одно прикосновение его рук — и я принадлежу ему. Синклэр приподнял меня, пока я не оказалась на коленях, и расположил меня над собой.

Наступила пауза, и было слышно только наше тяжелое дыхание.

Он вошел в меня уверенно и сильно.

Он проникал так глубоко, как только мог. Я не чувствовала ничего, кроме него, пульсирующего внутри меня. Он держал мое тело в плену. Синклэр зарычал мне в ухо, отчего у меня по коже побежали мурашки. Он знал, как двигаться. Как двигать бедрами. Когда нужно ускориться и замедляться.

Каждый последующее движение моего тела приносило все больше удовольствие. Подо мной Синклэр едва держал себя в руках. Я любила его голым, обнаженным передо мной, и он был весь мой. Мои руки скользнули вверх по его животу. Его мышцы дернулись в ответ, и я улыбнулась. Я зачарованно наблюдала, как его бедра поднимались вверх, каждый раз, когда я двигалась.

— Черт, Виктория, — стиснув зубы, произнес он.

Секс с ним был таким же, как и его поцелуи. Чем быстрее он двигался, тем быстрее ускользал мой здравый смысл, и я могла думать лишь о нем.

Откинув голову назад, я закрыла глаза. Каждый мускул в моем теле напрягся. Я вцепилась в спинку дивана, пока мы двигались в унисон.

— Я люблю тебя, — мой голос прозвучал чуть громче шепота.

Это такая любовь, в которой я могла широко раскинуть руки и никогда не чувствовать себя связанной. Я могла бы глубоко вздохнуть, и воздух никогда не был бы спертым.

Я могла бы жить в этой любви.

Потом я кончила и закричала так громко, что у меня заболело горло.

Синклэр прижался лбом к моей груди, толкнувшись в меня в последний раз. Из его горла вырвался стон. Нет ничего лучше, чем наблюдать за тем, как мужчина теряет над собой контроль, и знать, что ты тому причина.

Синклэр глубоко вздохнул и приоткрыл один глаз, а затем ухмыльнулся мне. По нашим телам стекал пот, смешиваясь вместе, создавая аромат, который был знаком только нам.

Спустя несколько секунд, все еще тяжело дыша, он сказал мне, что я единственная женщина, которая может поставить его на колени, но для меня все было наоборот.

Тронутая.

Сожженная.

Заклейменная.

Этот мужчина владел мной.

Словно читая мои мысли, Синклэр поднял голову и посмотрел мне в глаза. Он обхватил мое лицо своими мозолистыми ладонями.

— Ради тебя я готов рискнуть всем, — сказал он.

И я поверила ему.

Позже, когда мы приняли душ, переоделись и легли в кровать, мы начали подбирать имя для ребенка. Я была только на четвертом месяце. Было слишком рано говорить, кто у нас будет, но я была уверена, что будет девочка. Синклэр же был уверен, что будет мальчик.

Отбрасывая блики нам на лица, в спальне работал телевизор. Когда мы были вместе, время не существовало. Оно стояло за дверью, выжидая момент, чтобы наброситься на нас. Но здесь мы были свободны от всего, что поджидало нас в реальной жизни.

Только эти моменты помогали мне оставаться в здравом уме. Развод продвигался со скоростью улитки, настолько медленно, что иногда мне хотелось просто сбежать с Синклэром и обосноваться где-нибудь в другой точке земного шара. Я была уверена, что так будет проще.

Я перевернула страницу книги и начала просматривать имена, начинающиеся на букву «Э».

— Мне нравится Эвелин, — сказала я.

Синклэр приподнял бровь.

— Тебе не нравится?

— Надо подумать.

Я погладила живот.

— Мы могли бы называть ее Эви.

— Могли бы, — согласился Синклэр.

Синклэр перевернулся на спину. Заложив руки за голову, он уставился в потолок, глубоко задумавшись.

Последние несколько дней, мы думали над именем. Мы выбирали и отметали имена,

словно это было игрой. Я ни на одном не могла остановиться. Меня ничего не устраивало. Я решила, что пойму, когда найду подходящее имя. Словно в голове раздастся щелчок.

Я вернулась к выбору имени, когда Синклэр внезапно закричал:

— Эвелин Монтгомери!

Книжка выскользнула у меня из рук и упала на кровать.

— Что, черт возьми, это было?

— Я проверял имя.

— Зачем?

— Мы ведь будем выкрикивать имя нашего ребенка. Поэтому должны знать, как оно будет звучать.

Я моргнула и уставилась на него, словно у него выросло три головы.

— Сделай это, — попросил он меня.

— Да ты шутишь.

— Я говорю совершенно серьезно. Попробуй.

Я легла на спину и уставилась в потолок. Чувствовала на себе взгляд Синклэра, но демонстративно игнорировала его.

— Хватит улыбаться, — сказала я, — я чувствую себя неловко.

Он закрыл глаза руками.

— Хорошо. Я не буду смотреть на тебя.

Я улыбнулась, сделала глубокий вдох и выкрикнула выбранное имя.

Синклэр опустил руки. Он приподнял бровь и посмотрел на меня взглядом, который говорил: *Ну? Что думаешь?*

— Мне нравится. Звучит идеально. Но мы никогда не будем кричать на нее.

— Что-то мне подсказывает, что до нас миллионы родителей заявляли тоже самое, — сказал он.

— Почему ты так уверена, что это девочка? — спросил он минутой позже.

— Просто знаю. Она так сильно пинается. Она женщина, которая хочет заявить о своем присутствии.

— Но если это мальчик...

— Это не так.

— Ну, подумай об этом хоть секундочку, Ви. *Если* это мальчик, то как бы ты его назвала?

Синклэр не хотел знать пол ребенка. Он сказал, что хочет, чтобы это был сюрприз. А я, с другой стороны, хотела бы это знать. Я должна была это знать. Во время последнего УЗИ, доктор сказал, что не видит, мальчик это или девочка, но она предсказала девочку.

— Ну? — подтолкнул он меня.

Я села и закрыла книгу.

— Мне нравится Питер.

— Питер?

Я кивнула.

— Пожалуйста, только не выкрикивай это имя.

— На сегодня с нас достаточно выкрикивания имен. Я подожду до следующего раза.

— Хорошо.

Я провела пальцем по буквам на обложке.

— Так... тебе нравится Питер?

На мгновение Синклэр замолчал.

— Да. Оно хорошо звучит.

Синклэр протянул руку, схватил меня за локоть и притянул к себе. Он укусил меня за палец, заставив слегка подпрыгнуть.

— Я люблю тебя. Твое имя высечено у меня на сердце, ты знаешь это? — произнес он мне в волосы.

— Да?

Он кивнул.

Я потянулась и пальцем нарисовала букву «В» у него на груди. Он лежал совершенно неподвижно. Я медленно писала свое имя. Старательно выводила *T* и с особой любовью *Я*.

Я буквально видела свое имя. Оно было идеальным и никогда еще не выглядело лучше. Я наклонилась и закрепила его поцелуем. Синклэр слегка закатил глаза.

— Иногда ты меня пугаешь, — сказал он.

— Почему?

— В тебе так много силы. Ты опасная женщина.

— Во мне нет ничего опасного.

— Конечно есть. Ты заставила меня так сильно влюбиться в тебя. Вся власть принадлежит тебе.

— Я люблю тебя, — прошептала я.

И я действительно имела это в виду. Каждое слово.

Я поцеловала его. Не сладко, но глубоко. Поцелуй вышел таким чувственным, что я ощущала, как часть меня отдается ему. Миллионы сердец бьются в этом мире, и я знала, что кто-то может услышать мое. Я знала, что меня слышат.

Я, наконец-то, нашла любовь, которая не была связана с болью, и ничто в мире не могло отнять ее у меня.

Я снова прижалась к нему, положив голову ему на грудь, чтобы слышать ровное биение его сердца. В эти тихие часы наступал покой, но иногда я ощущала страх. Страх от того, что мы сошлись в такое неподходящее время. А вдруг мы были прокляты с самого начала и никогда об этом не узнаем?

Я не хотела представлять себе жизнь без Синклэра.

— Думаешь, мы это переживем? — спросила я.

— Конечно, — он погладил меня по руке, — даже не сомневайся.

Как я могла объяснить Синклэру, что я боялась не его? Я боялась того, на что способен Уэс.

Через минуту Синклэр выключил телевизор и свет. Мы погрузились в темноту. Я уже засыпала, когда Синклэр прошептал мне на ухо:

— Если ты когда-нибудь начнешь волноваться насчет нас, просто приложи ладонь к груди и почувствуй свое сердцебиение. Так вот. Сколько будет биться твое сердце, столько и я буду любить тебя.

Я прижала ладонь к сердцу. Он положил свою руку поверх моей.

— Сердце бьется? — спросил он.

— Сердце бьется, — прошептала я в ответ.

— По сравнению с этими дамочками, я чувствую себя слонихой, — пробурчала я своей матери.

Мы были на ланче для особ женского пола в Фолс Черч. Это был ежегодный бранч, который проводился в соседнем загородном клубе. Все эти завтраки были придуманы для сбора денег на благотворительные цели, но на самом деле богатые леди высшего общества нашего города просто собирались вместе, чтобы посплетничать.

Я соглашалась приходить сюда только ради мамы. Я посещала данное мероприятие вместе с ней каждый год с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать. Я сидела рядом с ней и пила воду, пока все остальные потягивали шампанское. Время от времени кто-нибудь из друзей моей матери делал мне комплимент, а мама сидела и сияла.

Но в этом году все было иначе. Подойдя к нашему столику, я увидела, как глаза сидящих остановились на моем животе, поднялись к лицу и снова опустились. Дамы быстро отводили взгляд и возобновляли беседу с соседками.

Ко мне относились как к ужасной жене, бросившей идеального мужа. Я была шлюхой. В их глазах я была современной Эстэр Прин (*Прим ред. Эстэр Прин — героиня романа «Алая буква»*). Дай этим дамам несколько минут, и, не сомневаюсь, что они попытаются прилепить алую букву «А» на мое платье.

— Мне не следует здесь быть, — сказала я уголком рта.

Моя мать высоко подняла голову и продолжила улыбаться всем подряд.

— Ты остаешься. Дай им посплетничать.

Нас проводили к нашему столу. Он был накрыт бледно-розовой скатертью. Посередине стоял изумительный букет цветов в стеклянной вазе. Хрустальные бокалы под шампанское сверкали. На каждой тарелке стояла карточка. Когда я нашла карточку со своим именем, то отодвинула стул и с довольным вздохом села. Погладила живот. Казалось, что я была беременна без видимых доказательств и потом ХЛОП!

Мне казалось, что ребенок использует мой мочевой пузырь как игрушку для сжатия. Прошло всего шесть месяцев, так что же будет в конце беременности? Однако даже сейчас я понимала, что буду скучать по этим моментам. Придирчивый голос в моей голове говорил мне ценить каждый толчок. Каждый мускульный спазм. Каждый поход в туалет. Потому что я никогда не верну их обратно.

Никогда.

Слева через два стола от меня сидела мать Уэса. Каждые несколько секунд я чувствовал на себе ее взгляд. Я ни разу на нее не посмотрела. Неудивительно, что наши отношения испортились так быстро. Чью сторону бы она приняла: невестки, которую она знала два с половиной года или же идеального сынка?

У меня не было ни единого шанса.

Но что поражало больше всего, так это то, как быстро она распространяла сплетни. Она не жила в Фолс Черч, но это не имело никакого значения. Она одержимо рассказывала эту историю по-своему. Таким образом над головой ее идеального сына всегда сиял свет, отчего его нимб сверкал. Люди пожирали ее слова, как стервятники, и это только доказывало, что ничто так не связывает группу дам, как хорошие сплетни.

Моя мать была не согласна с моим решением развестись. Снова и снова, она говорила о том, что мы просто должны это преодолеть. Но будь она проклята, если кто-то за пределами нашей семьи станет плохо отзываться о ее дочери. Она рассказывала свою версию всем, кто был готов ее выслушать, и всегда заканчивала разговор твердым заявлением:

— Вам следует поверить в то, что вы только что услышали.

После этого она уходила от красных, как помидоры, дамочек, оставляя их стоять в облаке неловкости.

Нет, мы с мамой, вероятно, никогда не сможем смотреть на вещи одинаково, но то, как она защищала меня, показывало, что все же мать уважает меня. И я с жадностью принимала от нее хотя бы это.

Идеальная блондинка с точеной фигуркой вышла на подиум, чтобы произнести речь. Все мы немножко ей похлопали. Она начала свою речь, но я не обращала на нее внимания. Сделав поток воды, я оглядела комнату. В ней не было никого, с кем мне на самом деле хотелось бы поговорить. Сегодняшний день оказался пустой тратой времени. Я могла бы уйти прямо сейчас, и никто этого бы не заметил.

Через несколько минут речь закончилась. Я на автомате захлопала вместе со всеми.

Сразу же после этого подали ланч. Ничего особенного, небольшие порции салата, лосося на гриле и спаржи.

Дамы вокруг меня резали лосося изящными, медленными движениями. Мне пришлось сдержаться, чтобы не наброситься на еду. Я закончила за несколько минут и отодвинула тарелку. Лениво огляделась кругом. Ничего не изменилось.

В дверном проеме я заметила вспышку красного. Я выпрямилась на стуле и вытянула шею. Именно тогда я и увидела ее. Наши взгляды пересеклись. Мы посмотрели друг другу в глаза. Ее глаза испуганно округлились, а затем она исчезла.

Я вздрогнула и ударилась коленками об стол. Мама что-то сказала, но я не обратила на нее внимания.

Мое сердце забилось быстрее.

Этого просто не может быть.

Я резко встала.

— Виктория, — начала мама, — что ты...

— Я скоро вернусь, — отстраненно ответила я.

Так быстро, как только могла, я прошла в дальний конец комнаты, не сводя глаз с брюнетки. Один раз она оглянулась через плечо и, увидев, что я направляюсь к ней, широко распахнула глаза. Затем девушка ускорила шаг.

Я наткнулась на женщину, врезалась в официанта, который нес поднос с шампанским, но ни разу не отвела взгляда от девушки.

Выйдя из столовой, я практически побежала.

— Эй! — закричала я вслед ее ускользящему силуэту, — эй, подожди!

Она пересекла вестибюль и резко свернула направо, к туалетам. Люди повернулись и уставились на нас обеих. Но мне было все равно. Мне нужно было поговорить с ней. Прежде чем она выскользнула за дверь, я схватила ее за руку.

Она остановилась и медленно обернулась. Женщина встретилась со мной взглядом. И вот она здесь: женщина с фотографий.

Весь воздух покинул мои легкие.

Я не могла пошевелиться.

Не могла думать.

Не могла дышать.

Увидев ее во плоти, наше сходство стало еще более очевидным. Длинные темные волосы красиво лежат на спине. Даже глаза у нее были ярко-голубые, как у меня.

— Кто вы? — прошептала я.

Девушка вздрогнула и вцепилась в ремешок своей сумки.

— Мэлани.

Она подняла голову и посмотрела на меня с мукой в глазах. Девушка вздрогнула, как будто звук ее имени причинил ей физическую боль, и медленно кивнула.

— А вы Виктория, — наконец произнесла она.

Я кивнула и рассеяно погладила живот. Мэлани наблюдала за моими действиями с пристальным вниманием.

— Я хотела с вами познакомиться, — призналась я.

— Откуда вы меня знаете? — прошептала она.

Меньше всего мне хотелось упоминать фотографии, но это было неизбежно.

— Мне прислали...ваши снимки.

Ее лицо вытянулось и побледнело. Она не предприняла никаких попыток скрыть свою вину. В другое время или в другом месте меня бы охватил гнев. Но в тот момент мне было так грустно, что нас сломал один и тот же человек.

— Почему вы пришли сюда?

Казалось, ее озадачили мой спокойный тон и слова.

— Хотела извиниться, — Мэлани громко сглотнула и сморгнула слезы, — Поначалу я не знала, что он женат.

— Как долго вы были с ним?

Мэлани выглядела немного растерянной, словно не знала, что ответить: правду или ложь.

— Практически год.

Одно дело — смириться с тем, что ваш брак распался и что любовь прошла, но совсем другое — услышать это.

— Но я порвала с ним несколько месяцев назад! — быстро добавила она.

— Больше это не имеет смысла. Мы с Уэсом расстались.

Ее глаза распахнулись от чувства вины.

— Это случилось не из-за тебя...хотя, не могу сказать, что ваши с ним отношения помогли делу.

— Мне так жаль, — ее глаза наполнились слезами.

Я не испытывала ненависть к Мелани. Не видела в ней любовницу или злодейку. К ней не подходило это определение. Кто знал, что Уэс ей говорил? Я знала, что наверняка эти слова много значили для нее, потому что она выглядела куда более опустошенной, чем я.

— Как вы с ним познакомились?

Последовало короткое молчание, которое заставило меня подумать, что она собирается полностью проигнорировать мой вопрос, но она наконец заговорила.

— Это довольно сложный вопрос.

Ее голос был тихим, и я наклонился, чтобы лучше слышать ее.

— Мы познакомились на улице. Мы столкнулись друг с другом, и чуть не сбил меня с ног. — Она горько улыбнулась. — Он всегда был так уверен в себе. Мне это в нем очень нравилось.

Это признание выбило из меня весь воздух. Мне не должно было быть больно, но так и было. Я молча кивнула. Слишком хорошо ее понимала.

— Он сказал, что любит меня, — сказала она, тупо уставившись в пол. — И я ему

поверила.

— Я тоже ему верила.

Возможно, небольшая часть моего сердца была ранена предательством Уэса, но было ясно, что для Мэлани это рана еще очень свежа. Она все еще любила его.

— Это его ребенок? — спросила она.

Я инстинктивно прикрыла живот рукой.

— Нет, — быстро ответила я, — не его.

— О. — Она явно испытала облегчение.

— Вы собираетесь вернуться к нему, не так ли?

Она переминалась с ноги на ногу.

— Нет. Совершенно точно нет.

Это прозвучало так неуверенно, что я буквально почувствовала, как сила этих слов разбилась о пол.

— Он причинял вам боль? — отрешенно спросила я.

— Н-нет, — запнулась она.

Ее ответ только подтвердил ее ложь.

— Вам лучше уйти от него, — настойчиво посоветовала я, — Уэс не очень хороший человек.

— Что вы имеете в виду?

— Он убьет тебя здесь. — Я осторожно похлопал ее по груди, как раз там, где билось ее сердце. — Она вздрогнула. — А потом, когда от тебя ничего не останется, он задушит тебя так, что твой последний вздох будет принадлежать ему.

Откуда-то из коридора донесся смех. От этого звука Мэлани чуть не подпрыгнула. Она огляделась вокруг, а затем отступила на пару шагов.

— Мне пора, — прошептала она.

Я схватила Мэлани за руку так крепко, что она вздрогнула. У меня было так много вопросов к ней. Она не могла сейчас уйти. Я была так близка к тому, чтобы распутать прошлое Уэса. Девушка вытащила связку ключей, и я увидела, что у нее дрожат руки.

Прежде чем повернуться и уйти, она бросила на меня последний взгляд.

— Простите меня. — Ее горло сжалось. — Я так сожалею.

Мэлани медленно попятилась от меня, а затем практически побежала по коридору. Я шла позади нее, ничего не говоря, но не позволяя ей исчезнуть из моего поля зрения.

Я наблюдала, как она выходит из вестибюля. Она отмахнулась от слуги и поспешила к старой «Королле». Мэлани выехала с парковки так, словно дьявол гнался за ней по пятам. Она ни разу не оглянулась на парадный вход, чтобы посмотреть, не провожаю ли я ее взглядом. Но думаю, она знала, что я там была.

ГЛАВА 37

Ноябрь 2015

После ужина я медленно иду в свою комнату.

Воспоминание о том моменте, когда я сказала Синклэру, что беременна, прочно засело в моей голове. Мы были так счастливы. Полны надежд.

Я смотрю на свою дочь. Эвелин — его дочь. Все это время она была его дочерью. Тогда почему Синклэр не рад видеть ее? Почему не просит поддержать ее? Не испытывает к ней любви?

Как только я делаю два шага вперед, чтобы раскрыть свое прошлое, мне приходится

сделать двадцать шагов назад. Я так много раз напоминала себе, что плохое всегда ведет к хорошему, что если приглядеться, то в конце тоннеля всегда будет свет.

Пока я не видела этого света, и сомневалась, что увижу его когда-нибудь.

С меня достаточно воспоминаний. И Фэйрфакса.

Но все мои мысли резко исчезают, как только я поворачиваю за угол. Я нахожусь в нескольких шагах от своей комнаты, но знаю, что что-то происходит. Медсестры, которые обычно задерживаются перед постом медсестер, исчезли. Несколько пациентов стоят у дверей своих палат. Несколько собрались в небольшой круг. Все их взгляды направлены в мою сторону. Новенькая отвернулась и захихикала, когда я посмотрела на нее.

Игнорируя их и настораживающие сигналы в голове, я спешу в свою комнату. Дверь открыта. Медсестры тихо переговариваются между собой. Когда они видят, что я стою там, они отходят в сторону и я замечаю Элис.

Она злобно улыбается мне и протягивает пригоршню таблеток.

— Ну, как интересно.

Она подходит ближе. Я делаю шаг в коридор. Но этого недостаточно; я чувствую, как стены смыкаются вокруг меня, сокращая мои шансы когда-либо сбежать из этого места.

— Здесь доза по крайней мере шести, может и семинедельного курса.

Нет смысла отрицать, что они мои. Я с вызовом сморю на нее, готовя себя к тому, что она скажет дальше.

Постепенно, в комнату входят и другие медсестры. Одна из них Кэйт. Она старается не встречаться со мной взглядом.

Трусиха.

— Это не останется безнаказанным.

— Моего врача здесь нет. Ты не сможешь ничего сделать, — возражаю я.

— Ее может здесь и нет, но если идешь против правил, последствий не миновать.

Элис выглядит такой уверенной. Волосы у меня на шее встают дыбом.

— Ты не сможешь ничего сделать, — повторяю я.

Элис качает головой и улыбается. В этой улыбке нет ничего доброго.

— Нет, я не смогу. Зато дежурный врач сможет, — она протягивает руки, — отдай мне ребенка, Виктория.

Я инстинктивно прижимаю Эвелин к себе.

— Нет.

— Отдай ее мне.

— Нет.

Элис хватается за живот Эвелин и тянет ее к себе. Я крепко держу дочь, и бью Элис по руке. Но ее хватка сильнее моей. Она выхватывает мою малышку и прижимает ее к груди, словно это ее ребенок. Не мой. Эвелин просыпается. Она громко плачет от страха. Элис улыбается.

Гнев, который одолевает меня, невозможно остановить. Я — сила, с которой надо считаться. Я не могу успокоиться, даже если попытаюсь. Я бросаюсь к Элис. На сей раз она выглядит испуганной. Хорошо. Даже она должна знать, что никто никогда не заберет ребенка у матери. Это все равно что будить спящего медведя. Никому не понравится результат.

Я слышу вокруг себя громкие голоса. Кто-то хватается за талию, пытаюсь оттащить назад. Я отчаянно тянусь вперед, цепляясь пальцами за пустой воздух.

Элис продолжает удерживать мою дочь.

Мою дочь.

Не знаю, испытывала ли я когда-нибудь такую ярость. Это пугает даже меня.

— Отдай ее обратно! — требую я. Еще больше людей выходят из комнат. Меня это не волнует; я продолжаю кричать на Элис, обзывая ее последними словами. То, что ее улыбка спадает с лица, приносит мне небольшое утешение.

Чья-то рука закрывает мне рот. Я кусаю ее. Кто-то кричит, и рука мгновенно исчезает. Тогда они начинают тащить меня по коридору. Я сопротивляюсь. Борюсь с каждым.

Элис идет позади меня, словно это похоронная процессия и она готова отдать мне последние почести.

— Ты не можешь отобрать ее у меня, — говорю я, — не имеешь права!

Но даже произнося эти слова, я сомневаюсь. Время девять вечера. Доктора Кэллоуэй здесь нет. Она не сможет мне помочь.

Мы сворачиваем за угол. Все реже встречаются палаты пациентов. Я уже бывала в этом коридоре. Это не то место, где вы хотели бы оказаться в Фэйрфаксе. В самом конце коридора находится белая комната.

Дежурный врач подбегает к нам. Он так молод, что напоминает Дуги Хаузера (*персонаж американского медицинского телесериала*). Он вообще не знает кто я, и что у меня за ситуация. Это никак не играет мне на руку. Но, кажется, он напуган, его взгляд мечется от Элис к Кэйт.

Я хватаюсь за свой шанс.

— Не позволяйте им забрать мою дочь, — умоляю я, — Пожалуйста, просто дайте мне вернуться в мою комнату. Пожалуйста.

Он выглядит шокированным.

— Она неделями прятала свои таблетки в стене, — говорит ему Элис.

— Заткнись! Заткнись! Тебя это не касается, — рявкаю я.

Дуги открывает дверь в белую комнату. Я никогда не испытывала такого ослепляющего страха. Он такой сильный, что удваивает мою боль.

Я молю в последний раз.

— Не делайте этого. Не делайте.

Мой голос понижается, и даже для моих собственных ушей я звучу как ребенок, умоляющий своего родителя бить его.

— Пожалуйста, не делайте этого.

Элис подбадривает его, говорит, что я не контролирую себя. Он бросает на меня извиняющийся взгляд, прежде чем воткнуть мне в вену иглу.

Лекарства не действуют мгновенно. Но тьма чертовски близко. Я уже чувствую, как мое тело становится невесомым. Знаю, что мне следует пошевелить ногами и попытаться сопротивляться, но не в состоянии думать.

Я чувствую себя легкой, как перышко. Мысленно вижу себя парящей в небе, медленно дрейфующей над Землей. Воздух танцует на моей коже. Я смотрю на белый потолок. Улыбаюсь и закрываю глаза.

Последнее, что я слышу:

— *Фэйрфакс не место для ребенка...*

Я хороший человек.

Я знаю это.

Я не заслуживаю быть здесь.

Сколько времени прошло: несколько минут? Часов? Дней? Я не знаю. И это самое страшное. В комнате, где отсутствует любой шум, время замирает. Слышно лишь дыхание. И твоя сущность гниет изнутри, поджидая момент, когда можно будет обернуть твои слова против тебя и наблюдать за твоими страданиями.

В белой комнате ты становишься своим самым худшим врагом.

Едва проснувшись, я осматриваю себя. Мои спортивные штаны исчезли, сменившись больничным халатом. На моем правом запястье голубой браслет. И зеленый. Не знаю, что они значат и зачем они вообще нужны. На них написано:

Донован, Виктория

19-05-2015

#5213627

В этом нет никакого смысла. Зачем они нацепили это на меня? Я знаю свое имя.

Это безумие.

Но может это сделано специально. Может они знают, что я теряю себя и забуду свое имя. Может они помогают мне.

А может и нет.

Может они планируют что-то грандиозное. Дать мне такое сильнодействующее лекарство, что моя память будет стерта начисто, и я не буду знать, кто я, что сделала или кого любила.

А может они просто хотят лишить меня рассудка.

От одной этой мысли я начинаю колотить в дверь, крича, чтобы меня выпустили. Теперь у меня болят руки. Там будут синяки. В горле пересохло.

Все четыре стены в белых квадратах. Я пересчитывала их множество раз. Число никогда не сходится. Потолок белый и пол тоже. Нет никакой мебели. Только одеяло в углу и маленькая плоская подушка. Их принесли в последнюю очередь, чтобы сделать комнату поуютнее.

Я стою в углу комнаты, прислонившись спиной к стене, как можно дальше от двери. Я знаю, что я здесь одна, но чувствую на себе взгляды, следящие за каждым моим движением.

Никто не заходит, чтобы проверить меня. Они хотят, чтобы я сгнила здесь? Хотелось бы думать, что это не так, но в голову закрадываются сомнения.

Где-то вдали я слышу слабый детский плач. Мое сердце бешено колотится. Я отчетливо представляю себе Эвелин, лежащую в своей колыбельке. Она напугана, и меня нет рядом, чтобы утешить ее.

От одной мысли об этом меня тошнит. Если бы она была сейчас со мной, я бы считала удары ее сердца. И тогда я бы понимала, что жива. Хотелось бы знать, что у меня есть такой шанс на выживание.

Плохая мать... плохая мать... плохая мать...

Я не знаю, что делает мой мозг — он воскрешает темные моменты прошлого. Как бы ни старалась игнорировать эти слова, я не могу, потому что действия из настоящего подкрепляют их. Я плохая мать. Я отпустила ее. Я недостаточно сильно боролась с докторами и медсестрами.

Есть так много вещей, которые я не сделала.

Меня начинает трясти так сильно, что стучат зубы.

Кажется, что ничего не может сравниться с безумием и страхом, заполнившим мою душу, но глубоко внутри мрачный голос твердит, что я ошибаюсь.

— Почему ты не можешь просто быть послушной?

Я кричу и смотрю в глаза Уэсу. Он стоит справа от меня, опустившись на пол так, что его колени касаются моей руки. Пытаюсь вырваться, но я в ловушке.

Он убирает волосы с моего лица и заправляет их мне за ухо.

— Я же сказал тебе прекратить, не так ли? Все это время я пытался защитить тебя от этого.

Я поднимаю ноги к подбородку и утыкаюсь лбом в колени. Его здесь нет...его здесь нет...его здесь нет.

Это просто мое воображение. Вот что происходит, когда страх берет над тобой верх.

Но он здесь. Он настоящий.

— Они забрали ее, — стону я, — они забрали мою дочь.

— Это исключительно твоя вина.

Голос Уэса, до этого звучавший нежно и мило, становится грубым и жестоким.

— У меня была запланирована прекрасная жизнь для нас. Ты ведь это понимаешь, правда?

Может быть, если закрою глаза, если поговорю с ним, он просто исчезнет.

— Закрой глаза и сосчитай до десяти. Скоро все закончится, не успев начаться, — монотонно повторяю я.

— Прекрати, — рычит он.

Я не прекращаю. С каждым словом, голос становится громче.

— Скоро все закончится, не успев начаться....

— Прекрати это!

Он хватается меня за руки. Трясет меня, кричит, чтобы я замолчала.

Закрой глаза и сосчитай до десяти. Скоро все закончится, не успев начаться. Закрой глаза и сосчитай до десяти. Скоро все закончится, не успев начаться. Закрой глаза и сосчитай до десяти. Скоро все закончится, не успев начаться. Закрой глаза...

ГЛАВА 39

Дверь медленно открывается.

Я даже не пытаюсь поднять голову. Я наобум бью рукой по стене, снова и снова. Шорох, который моя ладонь издает касаясь мягкой обивки, — единственное напоминание о том, что я все еще жива и все еще здесь.

— Виктория, мне так жаль.

Доктор Кэллоуэй наклоняется и опускается на колени рядом со мной. На ее лице застыло выражение озабоченности. Я безучастно смотрю на нее.

— Я не знала, что ты провела тут всю ночь. Я бы никогда этого не допустила.

Она кладет руку мне на плечо, и я резко отстраняюсь от ее прикосновения.

— Мне так жаль, — повторяет она.

Доктор Кэллоуэй протягивает мне руку, но я встаю сама. Она не закрыла за собой дверь, и теперь я слышу очень слабые голоса медсестер и пациентов.

— Как долго я была здесь? — мой голос надламывается.

— Только одну ночь. Не больше девяти часов.

Невозможно. Такое ощущение, что прошли годы.

В этот момент в голове всплывает образ Эвелин.

— Где моя дочь?

Доктор Кэллоуэй вытягивает перед собой руки.

— Она в порядке. В порядке.

— Где она?

Теперь в моем голосе звучит безумие. Пока не увижу ее собственными глазами, не успокоюсь. Самое страшное в этой комнате — это разлука. Бесчисленное количество раз я слышала ее крики. Но некоторое время назад, не знаю, когда, они прекратились. И тогда я начала бояться самого худшего.

Знаю, звучит невероятно, но, когда я пыталась нащупать собственный пульс, твердя себе, что если смогу найти его, то моя дочь все еще жива, я не нашла его.

— Где она? — кричу я.

— Виктория, она в порядке. Но мне нужно поговорить с тобой о том, что я нашла в твоём деле. Я...

Губы доктора Кэллоуэй шевелятся, но я не могу расслышать ни слова из-за биения своего сердца. Я стараюсь слушать. На самом деле пытаюсь.

Но мой разум кричит мне, чтобы я нашла свою дочь, и я не могу этого избежать. Нырнув под ее руку, я выбегаю в коридор.

— Виктория! — кричит доктор Кэллоуэй у меня за спиной.

— Я должна знать, что она в порядке! — кричу я и бегу по коридору.

Мне не нужно много времени, чтобы добраться до своей комнаты. Дверь распахнута настежь; один взгляд внутрь — и я понимаю, что Эвелин там нет.

Я быстро иду в сторону комнаты отдыха. В коридоре никого нет. Терапевтическая комната рядом с запертыми дверями открыта. Медсестра вводит в комнату группу дам. Она совершает ошибку, оставляя одну из дверей открытой. Я пробегаю через нее и вхожу в комнату отдыха.

Все взгляды устремлены на меня. Наверное, я выгляжу как маньячка. В данный момент это трудно понять. Моя внешность — последнее, о чем я думаю.

Где она? Где она? Где она? Я оборачиваюсь и вижу Элис. Она стоит рядом со стойкой медсестер. Моя дочь у нее на руках.

Моя дочь.

Элис видит меня. Самоуверенное поведение, которое было у нее, когда она уговаривала доктора сделать мне укол, исчезло. Она выглядит испуганной. Она боится меня.

— Отдай мне моего ребенка.

В то мгновение, когда слова слетают с моих губ, у меня возникает ощущение deja vu. Это сбивает меня с толку на самые ничтожные секунды. Я хватаю свою дочь, готовая убить за нее, если понадобится.

Я крепко прижимаю ее к себе. Она плачет. Я пытаюсь успокоить ее, но она никак не может успокоиться.

— *Посмотри, что ты сделала...*

Шепчет Уэс мне на ухо. Я оборачиваюсь. Его здесь нет. Как обычно включен телевизор, но никто его не смотрит. Никто не играет в игры, книги лежат на столе и все взгляды прикованы ко мне.

И тогда я вижу его.

Он снаружи, ходит вокруг здания. Ясно, как божий день.

Я делаю шаг вперед, но останавливаюсь, когда он исчезает из поля зрения.

— Нет, нет, нет... — шепчу я.

Это больше не повторится. Только не сейчас. Он не сможет так легко сбежать, пока я заперта в этой тюрьме. Я направляюсь в столовую. В этом зале шторы всегда открыты, впуская яркий белый свет, и так мне удастся разглядеть Уэса.

Руки в карманах, взгляд устремлен вперед. На его губах появляется мрачная ухмылка.

Мой темп совпадает с его, шаг за шагом. Прямо передо мной коридор сужается влево и вправо. Передо мной — задняя дверь, где медсестры устраивают перекур.

Я плечом ударяю дверь; она открывается, но немедленно раздается сирена.

— Эй! — кричит медсестра за моей спиной, — вернись сюда!

Как только я оказываюсь снаружи, я бегу. Уэс уже показывает мне дорогу. Он бежит к лесу, прокладывая тропинку между высокой травой.

Босиком и с дочкой на руках я бегу за ним. Позади себя слышу несколько голосов, но не останавливаюсь. Я нутром чую, что это последний удар судьбы, и все к этому и шло. Все, о чем могу думать, так это о том, что должна поймать Уэса. Сухая трава хрустит у меня под ногами. Сердце колотится так быстро, что мне кажется, оно вот-вот вырвется из груди.

Похоже, сигнал тревоги становится все громче. А потом я слышу голос Синклэра. Он кричит, чтобы я остановилась.

Но разве он не понимает? В течение нескольких недель я пыталась распутать свое прошлое, развязывала узлы. Я знаю, что была так близка к тому, чтобы вернуть свою жизнь. Она была прямо здесь. Я практически могла дотронуться до нее.

— Уэс! — кричу я. — Остановись!

Он продолжает бежать. Мои мышцы горят так сильно, что мне хочется рухнуть на землю и жадно втянуть в себя весь воздух, какой только смогу.

И все же мы приближаемся к деревьям все ближе и ближе, пока в следующее мгновение они не поглощают меня. Трава уступает место влажной земле, покрытой листьями, сосновыми иголками и сломанными ветвями. Они колют мне ноги. Я едва замечаю боль. Мое тяжелое дыхание смешивается с гулом сигнализации. Я теряю равновесие на неровной земле. Немного спотыкаюсь, но держусь прямо.

Эвелин кричит. На этот раз я чувствую биение ее сердца. Оно такое же безумное, как и мое.

Но Уэс остается невозмутимым. Он перепрыгивает через поваленные стволы деревьев. Петляет по склонам.

Синклэр все еще у меня за спиной. Он продолжает выкрикивать мое имя. Я чувствую тяжесть его взгляда на своей спине.

Облака закрывают солнце, окружая меня еще большей темнотой. Ветер усиливается, перекатываясь через деревья. Пряди моих волос хлещут меня по лицу, закрывая обзор, и мне приходится отбросить их за спину.

Мы продолжаем бежать. Я не знаю, куда мы направляемся и что будет дальше. Уэс движется впереди меня, лавируя между деревьями, переступая через толстые ветви, как будто он делал это уже много раз.

Наконец деревья редуют, и посреди пустоты стоит маленькая хижина. Уэс вбегает внутрь, оставляя дверь открытой.

Я сомневаюсь.

А потом захожу внутрь. Я задыхаюсь, готовая упасть от усталости. Но останавливаюсь как вкопанная, когда вижу, что меня окружает. На стене мое лицо улыбается мне в ответ. Нет ни одного квадратного дюйма, которое не было бы покрыто фотографиями. На некоторых из них — только я. На остальных — мы с Уэсом на протяжении всех наших отношений.

Маленькая хижина превращена в точную копию главной спальни в нашем старом доме. Все та же кровать с балдахинном. То же самое покрывало. Тот же ковер. На комод у стены висит наша свадебная фотография в серебряной рамке.

Мне кажется, что я в комнате смеха. Не удивлюсь, если подо мной проломится пол и откроется тайная комната с еще более грандиозными сюрпризами.

Уэс громко хлопает. Я оборачиваюсь.

— Поздравляю, ты добралась сюда. — Он убирает руки в карманы и раскачивается с носка на пятку. — На минуту мне показалось, что у тебя не хватит смелости встать и уйти. Отталкивала этих женщин с дороги? — Он присвистывает. — Ты напористая.

Я стою совершенно неподвижно, хватая ртом воздух.

— Зуб даю, ты хочешь знать, почему мы здесь. Ведь так?

Я могу только кивнуть.

— Хотел показать тебе, где я жил все это время, — объясняет он. Для пушного эффекта, он поднимает руки и жестом обводит маленькое пространство. — Нравится, как я все обставил?

Он приближается, и я, не задумываясь, делаю шаг назад. Это мой первый инстинкт рядом с ним. Он просто смеется над моим страхом.

— Почему ты выглядишь напуганной? Я не причиню тебе боль. Я на твоей стороне, Виктория. Я хочу помочь тебе вспомнить.

Голос Синклэра становится громче. Я успокаиваюсь от того, что скоро буду не одна.

— Ты не хочешь помочь мне! — кричу я. — Ты сделал так, чтобы все думали, что я выдумываю твои визиты!

— Не правда. Я каждый раз входил и выходил из Фэйрфакса. Не моя вина, что их охранная система полнейшее дерьмо. Кстати, я пришел к тебе, потому что забочусь о тебе.

Мое дыхание выравнивается, но биение моего сердца — нет.

— Ты лжешь.

— Снова неправда. Я очень о тебе забочусь. Я люблю тебя.

Я указываю на него дрожащим пальцем. Сейчас не время для него все переворачивать и выставлять меня сумасшедшей.

— Ты чертов сумасшедший.

— Прекращай сейчас же. Это грязный прием, Виктория. Все немного сумасшедшие в этом мире. Это нужно, чтобы выживать.

— Зачем ты это делаешь?

Пол скрипит под ним, когда он подходит ближе.

— Ты моя жена. Я тебя люблю.

Выражение его глаз, одержимость в его словах показывают, что этот цикл никогда не закончится. Я никогда не освобожусь от этого человека. Если это мне когда-нибудь удастся, то только в могиле.

— Нет, — стону я, — нет, нет, нет.

В дверь врывается Синклэр. Его грудь вздымается, когда он оглядывает меня. Я слишком напугана, слишком потрясена, чтобы подойти к нему. Он делает несколько шагов в мою сторону, но останавливается, увидев Уэса. Его лицо бледнеет.

Уэс совершенно сбит с толку этим появлением.

— Прибыл гость номер три. Хорошо, хорошо. Мы ждем еще одного человека.

— Уэс? — недоверчиво спрашивает Синклэр

— Что случилось, Монтгомери? Выглядишь так, словно увидел приведение.

— Что ты делаешь?

— Почему все постоянно об этом спрашивают? Разве ты не уделял внимание Виктории последние несколько недель? Любовь всей нашей жизни хочет знать правду. Я собираюсь рассказать ей.

Уэс продолжает говорить, но мое прошлое ждет меня. Притаившись надо мной, как пчелиный улей, он жужжит, и с каждой секундой шум становится все громче.

Оно не коснулось меня, но я уже чувствую жало его правды.

Забавно, что всего лишь час назад мне не терпелось сбежать. Стремясь найти истину, смело протяните руку и ухватитесь за нее. Но сейчас я просто в ужасе. Внезапно я перестаю дышать. Мое сердце начинает учащенно биться. У меня начинает кружиться голова.

Зрение начинает расплываться, и все эти шепотки из прошлого становятся все громче в моей голове. Я стараюсь сосредоточиться на Уэсе.

— Сначала я думал, что все мы должны воссоединиться в доме. Я имею в виду, что именно там мы все и познакомились. Там и началось предательство. Там же все это и должно закончиться, верно? Но я все неправильно понял. Это не то, с чего все началось. Не в общем плане.

Время начинает медленно ползти. Воздух становится густым. Несвежим. Как если бы я дышала в прошлом.

— То что ты злишься, это понятно, — говорит Синклэр Уэсу, тоном, каким разговаривают с ребенком в истерике, — но давай мыслить здраво.

— Я так и делаю. Мне начинает казаться, что я единственный здравомыслящий человек в этой комнате.

Он смотрит на меня, его глаза притягивают к себе, как магнит.

— Виктория катализатор. Все начинается и заканчивается на ней.

Вот и все, что для этого нужно. Шесть простых слов.

Шесть секунд, чтобы сказать.

Шесть секунд, чтобы уничтожить.

Одна секунда — и Уэс уже в другом конце комнаты. А в следующую секунду он бросается на меня. Его руки вытянуты вперед, пальцы растопырены. Он набрасывается на меня со всей силы.

Я приземляюсь плашмя на спину. Воздух со свистом вырывается из моих легких. Нет времени быть ошеломленным и расклеиваться. Я должна отреагировать. Оттолкнуть его от себя. Защитить Эвелин.

Но уже слишком поздно.

Руки обхватывают мою шею, сжимая все сильнее и сильнее. Надавлив сильнее, улыбка на лице Уэса становится шире.

Я закрываю глаза и ощущаю вспышки боли. Крики агонии. Кровь. Вижу, как мои руки

погружаются в грязь. Вижу, как закрываю глаза.

Я считаю свои вздохи.

Шесть из них, и я ускользаю...

ГЛАВА 40

Май 2015

Я верила, что все происходит циклично.

Жизнь заканчивается.

Начинается новая.

Иногда круг замыкается, когда делаешь свой последний вдох. Иногда это случается гораздо раньше, но, обещаю вам, что пазлы будут соприкасаться, и когда они это сделают, ничто не будет прежним.

Глава Уэса и Виктории подошла к концу. Сегодня вечером Уэс пришел и подписал бумаги о разводе. Меня охватило глубокое чувство облегчения. Все официально завершилось.

Всю последнюю неделю я только и делала, что собирала вещи. Моя рутина заключалась в том, чтобы перебирать все подряд и заклеивать коробки скотчем. А завтра я должна была уехать.

Интернет и телевидение были отключены. Тишина была настолько пугающей, что я открыла ноутбук и включила какой-то фильм, просто чтобы слышать хоть какие-то звуки.

Странно было видеть этот дом таким пустым. В последний раз, когда я видела его таким, я была полна оптимизма и надежды на будущее. И хоть сейчас я собиралась уезжать с теми же самыми эмоциями, я была уже не так наивна. Знала, что дорога, по которой мы с Синклэром пойдем вместе, не будет идеально гладкой. Там будут препятствия.

Но я любила его. Более того, я ему доверяла.

У нас все будет хорошо.

С едва заметной улыбкой, я смотрела через окно на улицу, решив взять небольшой перерыв от уборки. Всего за несколько дней до этого Уэс уехал в командировку. В день отъезда он прислал мне еще одно письмо. В конце концов он согласился подписать бумаги о разводе. Он сказал, что сделает это, когда вернется из своей поездки.

Сначала я отнеслась к этому скептически. Мне хотелось верить его словам, но, если моя история с Уэсом и научила меня чему-то, так это тому, что Уэс любит играть в игры с разумом.

Но на этот раз Уэс не солгал. Он действительно пришел вечером. Ключи повернулись в замке, напомнив о счастливых временах, которые у нас были. Когда он вошел в кухню, я была потрясена его видом.

Обычно собранный Уэс был сломлен. Волосы торчали в разные стороны, словно он провел несколько часов, дергая их. На щеках проступила щетина, а глаза налились кровью.

Он огляделся по сторонам. Годы накопленных воспоминаний отразились в его взгляде.

— Где бумаги? — спросил он.

— Вот здесь, — я указала на кухонный стол и прислонилась к раковине. Я так крепко обмотала тряпку вокруг руки, что она угрожала перекрыть мне все кровообращение. Уэс вытащил ручку. Он, наверное, уже миллион раз перечитал все эти бумаги, но все равно внимательно их просмотрел. На последней странице он поднял голову и, наконец, встретился со мной взглядом. Я не отвернулась.

Его глаза были полны муки. Он открыл и закрыл рот, словно вес слов оказался слишком велик для него. Его глаза на мгновение закрылись, а затем он подписал документы.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Уэс скрестил руки и недоверчиво покачал головой.

— Что? — защищаясь ответила я.

Он пожал плечами.

— Ничего. Просто... просто не думал, что до этого дойдет. Я знаю, что любовь может угаснуть, а браки распадаются, но никогда не верил, что это случится с нами.

— Я тоже.

Уэс удерживал мой взгляд еще секунду, а затем вытащил ключи от машины.

— Мне нужно идти.

Он ушел, а в доме остались только я и ветер, завывающий по обоим этажам, и дождь, бьющий в окно жестким, злым стуком. Весь день стояла ужасная погода, и она не собиралась сдаваться. Всего час назад Фолс-Черч и все окрестные города получили предупреждение о приближающейся сильной грозе.

Яркая вспышка молнии осветила небо. Громко прогремел гром, заставив меня вздрогнуть.

Но даже в темноте, я могла вспомнить, где посажен каждый цветок в моем саду. Могла назвать точное количество роз и лилий. Это единственное, по чему я буду скучать здесь. Как много любви и заботы я вложила в задний двор. Я пыталась убедить себя, что куда бы не поехала, я везде смогу посадить и вырастить абсолютно новый сад и рядом со мной будет Эвелин. Я обучу ее всему, что узнала о цветах.

Я погладила живот, выводя на нем успокаивающие круги. Она пнула меня, и я улыбнулась. У нее будет лучшая жизнь.

Я быстро упаковала очередную коробку и заклеила ее скотчем. В ней лежали кастрюли и сковородки, и мне было слишком тяжело ее поднимать. Я передвинула ее в угол по полу и сделала глубокий вдох. Оглядела практически пустую кухню. Примерно через час, я упакую последнюю коробку, и официально покончу с этим. Мне было горько видеть дом таким пустым, но также и захватывающе; я начинала новую жизнь с Синклэром и нашим ребенком. Я с любовью посмотрела на свой большой живот и снова нежно провела по нему рукой.

И в этот момент открылась входная дверь. Я вскинула голову как раз в тот момент, когда в комнату вошел Уэс. Он принес с собой запах дождя и холодный поток воздуха. По коже побежали мурашки.

— Что ты здесь делаешь?

Уэс захлопнул за собой дверь и вошел в комнату с мертвым выражением в глазах.

Я прислонилась к дверному косяку, внимательно наблюдая за ним.

— Я тут кое-что обдумал...

— Что? — Страх пробежал вверх и вниз по моей спине.

Он громко фыркнул и начал листать документы. Я потянулась за папкой, но он отдернул ее.

— Уэс, — сказала я слишком настойчиво. — Отдай ее мне.

Когда он добрался до последней страницы, в глазах у меня помутнело. С этого момента все пошло по наклонной.

Уэс поднял на меня спокойный взгляд. Но его глаза... они были двумя темными озерами ненависти.

Внезапно мой язык показался мне слишком большим для моего рта. Мне нужно было успокоить его, пока все не вышло из-под контроля.

Поэтому я сказала правду.

— Уэс, ты только что подписал бумаги. Пути назад нет.

Он рассмеялся, словно я рассказала ему анекдот.

— Между нами все кончено? — Уэс указал на мой живот. — Я бы не сказал, что мы закончили.

— Я ухожу, — сказала я скорее самой себе, уговаривая себя, что это правильный план, правильный путь.

Уэс собрал бумаги и шагнул ко мне. Я не пошевелилась, хотя умирала от желания убежать от него так далеко, как только могла. Когда он встал прямо передо мной, то поднял документы и разорвал их пополам, а затем позволил им упасть на пол.

Уэс ухмыльнулся и посмотрел на меня. Он был слишком спокоен и сосредоточен. Прямо сейчас он напоминал кусок льда. Но скоро он взорвется на части. У меня никак не получалось унять дрожь.

— Ты уже давно это планируешь. Это меня шокирует. Но ничто больше не должно шокировать меня в тебе, не так ли?

— Уэс...

— Ты уже готова начать новую жизнь и оставить меня в прошлом, ведь так?

От паники кровь застыла в моих жилах, потому что его глаза были мертвы. Холодны. Лишены каких-либо эмоций. Он может причинить мне боль или, что еще хуже, убить меня, но ничего не почувствует. Я должна была выбраться оттуда. Краем глаза я бросила взгляд на дверь, находившуюся всего в нескольких шагах от меня.

— Почему ты так смотришь на меня? — Он медленно двинулся вперед. — Почему ты смотришь так, словно в этой истории плохой парень я? Я всего лишь сказал правду.

— В этом нет смысла, — прошептала я.

— Я говорю совершенно разумно, Виктория.

Маленькими шажками я медленно приблизилась к прихожей. Моя сумочка лежала на стойке рядом с дверью. Я могла бы схватить ее и убежать на улицу.

Уэс повторил мои движения, медленно подкрадываясь ко мне, словно я была его добычей.

— Почему ты выглядишь такой расстроенной, Виктория? Почему все так волнуются, когда слышат правду? А? Почему все думают, что я причиню им боль? Я прошу сказать мне правду. Всю!

Он протянул руки, и я испугалась, что, когда он опустит их обратно, они коснутся моего тела.

— Уэс. — Я выставила руку вперед. — Ты зол. И я понимаю... — Я улыбнулась и постаралась сделать глубокий вдох. — Но давай будем спокойны и не будем кричать.

— Я кричу, и это твоя вина! Ты довела меня до этого, потому что все начинается и заканчивается тобой, не так ли?

Я бы ни за что не сумела правильно ответить на его вопрос. Я бы все равно ошиблась, что бы ни случилось. Из комнаты словно весь воздух выкачали. Мое терпение лопнуло. Я повернулась и побежала на кухню.

— Ответь мне! — закричал он.

Я чувствовала, как его слова тянутся ко мне, погружая свои отвратительные когти в мою

плоть.

Именно в этот момент я потянулась за своей сумочкой. Уэс оказался быстрее, выхватил ее и швырнул в стену. Я подпрыгнула и смотрела, как содержимое высыпается на пол.

— Скажи, о чем ты думала сегодня? — Он ходил взад и вперед, не сводя с меня своих холодных глаз. — Ты действительно думала, что листы бумаги волшебным образом позволят тебе исчезнуть из моей жизни? М??

Я не ответила.

Секунду назад нас разделял кухонный стол, а потом, прежде чем я успела среагировать, он уже повалил меня на пол. Я очень больно упала на правый бок. Боль разлилась по всему телу. Перед глазами замелькали белые пятна.

Назовем это материнским инстинктом, но мои руки тут же поднялись к животу. Ребенок пинался, и этот единственный, маленький пинок придал мне сил, чтобы отползти назад, к двери.

На моих глазах выступили слезы. Свет над головой слегка потускнел. Я не могла лежать и ничего не делать. Я должна была бороться. Если не ради себя, то ради моего ребенка.

Какая-то невидимая сила овладела мной. Я никогда не узнаю, что это было, или это был просто материнский инстинкт, чтобы защитить то, что я любила. Но я все же высвободила достаточно места, чтобы поднять колено и изо всех сил ударить его между ног.

Уэс отскочил назад, приземлившись с громким стуком.

Я попытался встать, но боль была невыносимой. Так что я поползла.

Всего в нескольких шагах от меня лежали ключи, выпавшие из сумочки. Мне нужно было только схватить их и убежать как можно быстрее. Но ноги меня не слушались, а тело не хотело реагировать. Мне хотелось просто свернуться в клубок и ждать, когда исчезнет боль. Мне потребовалось вдвое больше времени, чтобы сдвинуться с места.

Уэс стонал за моей спиной, бормоча ругательства себе под нос. Он сел и схватился за угол кухонного стола, чтобы встать. Когда он это сделал, на пол с громким стуком упал нож.

Уэс переводил взгляд с острого лезвия на меня.

Беги, беги, беги! Кричал мой разум. Я повернулась и поспешила к ключам.

Уэс кричал, но я не понимала его слов. Он схватил меня за руку, больно выкручивая ее. Я закричала, и он быстро прижал мою руку к спине.

У меня не было ни единого шанса защитить себя. Нож опустился вниз, и я почувствовала жгучую боль, как будто моя плоть медленно горела и плавилась.

Казалось, что это никогда не закончится.

Уэс выронил нож и с улыбкой посмотрел на меня сверху вниз. Он задыхался, а я едва могла дышать. Я положила ладонь на живот, думая, что если прижму достаточно сильно, то кровь вернется в тело и рана сама заживет.

Кровь просачивалась сквозь пальцы. Я смотрела на Уэса с болью и обвинением.

Уэс отскочил, и двинулся бы дальше, если бы не врезался в холодильник.

— Посмотри, что ты заставила меня сделать! — завопил он. В его глазах читались страх и паника. Он смотрел на кровь с голодом и восхищением.

Я зажмурилась. Надавила на рану и поморщилась. Боль усиливалась.

Он, начал мерить шагами комнату, говоря мне, что я заставила его сделать это. Что это была полностью моя вина. Я была его женой и должна была остаться.

Боль притупилась. Тело стало практически невесомым.

А потом он оглянулся на меня через плечо. Его глаза расширились, словно я вернулась в

фокус. Он схватил мой мобильник и набрал 911.

Разговаривая с оператором, он провел рукой по волосам, сжимая пряди так сильно, что казалось, будто он собирается вырвать их клочьями.

Испуганным голосом он сказал оператору, что я поранилась. Ножевое ранение. Очень много крови.

Оператор продолжал говорить, но Уэс смотрел на меня со своей леденящей душу улыбкой. С телефоном в руке, он медленно пошел ко мне. Присел рядом на колени. До ножа оставалось всего несколько шагов, но это не имело значения. Он уже причинил мне вред.

Я думала, что это конец. Моей жизни и жизни моего ребенка.

Уэс сел напротив меня и уставился в потолок. Слышно было только голос оператора и мои вздохи.

— Сэр? Вы слышите меня? Мне нужно, чтобы вы разговаривали со мной.

Мы ничего не ответили. Я бы не смогла, даже если бы попыталась. Я начала видеть яркие огни, тысячи оттенков желтого. Очень красиво.

— Сэр? Вы слышите меня?

Ничего.

— Сэр, я должна знать, что все в порядке.

Уэс откинул волосы со лба, повесил трубку и бросил ее на стол. Мне хотелось вздрогнуть, но голова не слушалась.

— Посмотри, что ты заставила меня сделать, — повторил он.

А потом он посмотрел на меня широко раскрытыми глазами. В его голове уже начала формироваться идея. Я не могла пошевелиться.

— Пожалуйста, не надо, — прошептала я.

Он поднял нож.

— Теперь ты меня ненавидишь, верно?

Уэс вложил нож мне в руку, но мои пальцы не смогли крепко сжать его.

— Сделай это, — настаивал он. — Сделай. Я знаю, что ты этого хочешь.

Моя одежда насквозь пропиталась собственной кровью. Меня трясло. Глаза Уэса были широко раскрыты и полны безумия.

— Сделай это! — закричал он.

Нож упал на пол. Уэс посмотрел на меня и провел рукой по моей щеке.

— Все, что я делаю, Виктория, я делаю ради тебя. Разве ты не видишь, как сильно я тебя люблю?

Пока я то и дело теряла сознание, его голос то становился громче, то снова затихал. Вскоре он совсем перестал разговаривать.

Не знаю, как долго я оставалась в таком положении. Я закрыла глаза. Чувствовала столько боли, физической и эмоциональной, что практически онемела. Не чувствовать ничего — это ужасно. Я тихо напевала, потому что это напомнило мне, что я все еще жива.

Я все еще дышала.

У меня все еще была жизнь, которая зависела от меня.

Я отказывалась думать, что все так закончится.

На улице снова пошел дождь.

Я медленно перевернулась и встала на четвереньки. Укол слепящей боли пронзил меня насквозь, заставив задохнуться. Я двинулась к ключам, не обращая внимания на звук капающей на пол крови.

Прежде чем выползти наружу, я оглянулся через плечо, чтобы в последний раз взглянуть на свою прежнюю жизнь.

Теперь Уэс стоял, ошеломленно глядя на размазанную по полу кровь.

Я приказала себе дышать полной грудью. Сейчас не время думать о нем. Я подняла руку. С трудом повернула дверную ручку. Дверь приоткрылась, и я выскользнула на заднее крыльцо. Мне потребовалось несколько минут, чтобы спуститься по ступенькам. По коже хлестали сильные струи дождя, смывая кровь с моих рук. Под моими ладонями хрустнули ветки и оцарапали кожу. Я едва заметила боль. Продолжал ползти, считая шаги.

Двенадцать, тринадцать, четырнадцать...

Мои волосы упали на лицо, как черный занавес. Я начала говорить себе, что если буду продолжать двигаться, то моя жизнь будет такой хорошей. Такой, такой хорошей.

Я убеждала себя, что теплая субстанция, из-за которой моя пижама прилипла к коже, была просто дождем.

На мне не было крови.

Никакой боли.

Ничего.

Я в порядке.

Я громко напевала.

Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...

Двигаться было все труднее и труднее. Земля становилась все ближе и ближе. Кончики моих волос волочились по траве. Я начала напевать все громче и громче, пока не запела во весь голос.

Восемнадцать, девятнадцать, двадцать...

Машина была уже в поле зрения. Я нажала на кнопку разблокировки, но у меня не оказалось достаточно сил, чтобы она сработала.

Двадцать один, двадцать два, двадцать три...

Я должна была продолжать двигаться, но у меня уже начала кружиться голова.

На двадцать четвертом шаге мои колени подкосились, и я упала в большую лужу. Вода насквозь промочила меня, пронизывая до костей.

Мне казалось, что мое тело отчаянно борется за то, чтобы остаться в живых. Но что-то внутри меня сдавалось. Оно умирало.

Под моей щекой ничего не было, кроме темноты и прохладной влажной земли. Я в защитном жесте прижала ладонь к животу, напевая прекрасный гимн. Мои глаза начали закрываться. Я сделала последний вдох, прежде чем мой мир погрузился во тьму.

ГЛАВА 41

Май 2015

В отдалении раздавался детский плач.

Моя голова склонилась набок. Я с трудом приоткрыла глаза. Зрение было расплывчатым, как будто глаза застилала белая пелена. Я открыла веки шире, и мое зрение прояснилось. Плач тоже прекратился.

Бип, бип, бип...

К моему телу были подсоединены провода. Манжет, измеряющий кровяное давление, сильно сжимал руку. И я не могла найти источник шума.

Я увидела женщину в больничной форме, склонившуюся надо мной. Я вздрогнула, и она опустила холодную руку мне на плечо.

— Ты очнулась, — прошептала она. Ее губы растянулись в широкой улыбке. — Ты спала очень долго.

Украдкой, я оглядела комнату. В ноздри проник запах хлорки. Больничный запах. Я старалась сохранять спокойствие и продолжала смотреть по сторонам. Жалюзи были открыты, впуская яркий свет. На подоконнике стояли цветы, а рядом висели шары с надписью: «Выздоровливай», «Молимся за тебя», «Думаем о тебе».

Я сглотнула. Это было нехорошо. Совсем.

Со страхом в глазах я посмотрела на медсестру.

— Что случилось? Почему я здесь?

Попыталась сесть и почувствовала резкую боль, которая пронзила меня до самого живота. Резко вдохнув, схватилась за ручки кровати. Медсестра вернула меня в лежачее положение.

— Лежи, — ее голос был тихим и милым. — У тебя есть все время в мире, чтобы исцелиться.

Ее голос успокоил меня, но слова насторожили.

— Что произошло? — прошептала я.

Ее рука замерла на моей руке, а мягкая улыбка потускнела.

— Позволь мне позвать твоего врача.

— Подождите...

Она направилась к двери, но прежде чем уйти, улыбнулась мне. Улыбка выглядела вымученной.

— Здесь твоя мама. Она будет очень рада, когда узнает, что ты пришла в себя.

Бип, бип, бип...

Я огляделась, чтобы найти источник шума.

— Что это?

— Это кардиомонитор, милая.

Я в непонимании уставилась на нее.

— Я позову твою маму, — сказала она напоследок и вышла.

Дверь за ней закрылась. Стало тихо, за исключением писка машины и моего неистового дыхания.

Испуганная, я повернулась и уставилась на кардиомонитор. Писк начал нарастать. Я зажмурилась, но все что видела, было окрашено в малиново-красный цвет. Я слышала крики. Ощутила гнев Уэса. Он был достаточно силен, чтобы задушить меня. Я почувствовала страх и боль.

Но так все и было.

— Милая!

Открыв глаза, я увидела свою мать, спешащую ко мне. Слезы катились по ее щекам и впервые в жизни она не выглядела идеально собранной. Под глазами залегли темные круги. Никакой помады. Волосы зачесаны назад. Она казалась абсолютно другим человеком, но ее взгляд, это беспокойство и сила...это мама, которую я знала и любила. Осознание того, что ничего не изменилось, заставило меня крепко сжать ее руку.

— Я так волновалась за тебя.

— Мам, — прохрипела я. — Ты должна сказать мне, что прои...

— Тшшшш, — она убрала мои волосы за ухо. — Мы можем позже поговорить обо всем.

— Но я не пом...

И тут же за моей дверью послышался шум. Это был мужской голос. Я подняла голову с подушки. Я знала, что слышала его раньше. Просто не могла его вспомнить.

Дверь открылась, и я увидела загорелую руку и темные волосы, прежде чем его оттащили назад.

— Сэр, вам туда нельзя!

— Позвольте мне увидеть ее, — прорычал он, прежде чем дверь захлопнулась.

Моя мама встала и поспешила к двери. Она приоткрыла ее на миллиметр.

— Вы не можете прятать ее от меня! — закричал мужчина.

Я хотела подняться, и поэтому попыталась еще раз. Правда. Но не могла пошевелиться. Боль была слишком сильной. Она пронеслась прямо по моему телу к животу, заставив меня сделать еще один резкий вдох. Моя мама быстро закрыла дверь, но перед этим я услышала, как она сказала:

— Уходи прямо сейчас. Оставь ее в покое.

— Кто это был? — спросила я.

Мама замерла и боязливо взглянула на меня. Ее рот открывался и закрывался, пока она смотрела на дверь и меня.

— Кто это был? — повторила я.

Она махнула рукой в воздухе, словно отгоняя муху.

— Никто. Абсолютно никто.

— Мам...

— Милая. Клянусь. Это был никто.

Как и плач ребенка, голос начал затихать. Я не слышала ничего, кроме мягкого скрипа ботинок и шепота голосов, и мне казалось, что голос звучит у меня в голове.

Поэтому я поверила ей; мой разум был как чистый лист. Там не было ничего, и вот она предлагает мне утешение. Поэтому я жадно взяла его, как голодный ребенок.

Моя рука скользнула по больничным простыням и крепко сжала ее руку.

Я знала, что во мне живет боль. Чувствовала ее глубоко в своей груди.

Мама убрала волосы с моего лба, так она делала, когда я была маленькой.

— С тобой собирается поговорить доктор.

— О чем?

Она помедлила с ответом.

— О твоем состоянии.

— Мам... — Я сделала глубокий вдох. — Что случилось?

Ее глаза распахнулись. Она открыла рот, и на мгновение я подумала, что она собирается сказать мне правду, но тут кто-то громко постучал в дверь.

Она отодвинулась и посмотрела на дверь, как курица-наседка в атаке.

В палату вошел пожилой мужчина в белом халате, и ее плечи поникли.

Он посмотрел в мою сторону и выражение его лица прояснилось. Это был пожилой лысеющий мужчина с выпирающим из штанов животом и румяными щеками. Он напомнил мне Санта-Клауса.

Он выглядел слишком дружелюбным и счастливым, чтобы быть доктором.

— Ну, похоже, моя пациентка наконец-то пришла в себя, — сказал он, подходя ко мне.

Он протянул мне руку. — Доктор Вэнделл.

Я пожала ее.

— Привет, — тихо поздоровалась я.

Он в последний раз улыбнулся мне, прежде чем открыть свою карту и приступить к делу. Он сел на стул рядом со мной. Моя мать сидела напротив, сжимая мою руку, как будто это был ее спасательный круг.

— Сейчас я бы хотел поговорить с вами о том, что произошло... — Его губы продолжали шевелиться. Мама посмотрела на меня с серьезным выражением лица. Но я не слышала ни единого слова...

Мысленно я видела потоки алой крови. Так много крови. Куда бы я ни посмотрела, она была везде.

Мои руки и тело были пропитаны ею.

Я почувствовала боль. Жгучая боль в животе заставила меня задохнуться.

Игнорируя доктора, я спустила одеяло до бедер, задрала больничный халат и увидела ужасный шрам на животе.

И тогда осознала правду.

Мой ребенок. Единственная хорошая вещь в моей жизни исчезла.

Мой ребенок.

Мой ребенок.

Мой ребенок.

Мой ребенок исчез.

— Мне очень жаль. — Доктор похлопал меня по руке. Я словно оцепенела. — Правда, очень жаль.

Мама вытерла мои слезы.

Я покачала головой.

Писк монитора ускорился. Доктор взглянул на аппарат.

Я все ждала, когда они скажут, что это все просто дурацкая шутка. Ждала, когда медсестра войдет в палату с плотно завернутым свертком в руках.

Этого не произошло.

Доктор встал. Писк усилился.

— Виктория, — тихо сказал он. — Мне нужно, чтобы вы успокоилась.

Я не могла, да и как он мог ожидать от меня этого? Мой ребенок был мертв.

Все пропало.

Он разговаривал с моей мамой. Но, опять же, их голоса звучали приглушенно.

Он позвал медсестру. Она вбежала внутрь и через несколько секунд доктор ввел мне в капельницу лекарство.

— Нет, — простонала я. Губы начали дрожать. — Мой ребенок...

Но мои слова исчезли, и я скользнула в темноту.

Отдайте мне моего ребенка. отдайте мне моего ребенка, отдайте мне моего ребенка...

Меня выписали из больницы через три дня. Мне пришлось ходить по палате, доказывая доктору, что шрам от кесарева сечения заживает правильно. Каждый раз, когда он пытался заговорить о моей потере, я выпроваживала его из палаты.

Я не хотела этого слышать. Я едва заставляла себя жить час за часом.

В тот день, когда я собирала вещи, я чувствовала себя оцепеневшей. Мой брак рухнул. Был муж, который, по словам доктора, умер.

Я потеряла ребенка.

И у меня было... у меня было кое-что еще. Из моей памяти оказался вырезан и украден огромный кусок моих воспоминаний. Но мне было все равно. Если они пропали, я, вероятно, не смогла бы справиться с ними. Была причина, по которой они исчезли.

Готовясь к выписке, я сказала маме, что она может забрать цветы себе или отдать кому-нибудь. Я не могла смотреть на них. Отказывала каждому посетителю, кроме мамы или Рэне. Мама хотела отвезти меня домой, но я сказала ей, что меня заберет Рэне. Не могла вынести еще одного жалостливого взгляда моей матери.

Я уехала одетой в пижаму и с разбитым сердцем. Дышала сквозь боль и пыталась убедить себя, что это пустяки. Я отказывалась смотреть на швы.

Ничего серьезного.

Ничего серьезного.

Ничего серьезного.

Всю дорогу до своего дома я чувствовала оцепенение. Смотрела на здания и людей, но не видела ничего. Все было в черно-белом цвете.

Весь мой мир был уничтожен. Казалось несправедливым, что все остальные будут так... счастливы. Почему они не страдают со мной? Почему не могут ощущать мою боль? Когда это прекратится?

Ничего серьезного.

Ничего серьезного.

Ничего серьезного.

Чем дальше я мысленно проговаривала это, тем лучше себя чувствовала. Я закрыла глаза и представила свой беременный живот. Это была хорошая мысль, и на секунду я смогла вздохнуть.

Рэне с мамой сошлись в одном: они не хотели, чтобы я оставалась в этом доме. Но я хотела: все в этом мире было у меня отнято, но только не дом. Рэне изо всех сил пыталась заставить меня передумать, но я не поддавалась.

Мы въехали на подъездную дорожку. Открыв глаза, я уставилась на дом. Я видела дом и больше ничего.

Когда открыла входную дверь и вошла в фойе, внутри стояла мертвая тишина, но меня чуть не повалил с ног запах хлорки. Можно было услышать, как упала булавка. Это была неестественная тишина, которая наступает после чего-то ужасного.

Дом был пуст, повсюду стояли коробки. Мама сказала, я собиралась выставить дом на продажу и уехать. Я даже представить себе не могла, как это делаю. Мы с Уэсом построили это место, чтобы создать прекрасную семью. С чего бы мне переезжать?

Рэне схватила меня за локоть.

— Ты в порядке?

Я осторожно стряхнула ее руку и слабо улыбнулась.

— Все хорошо. Но нам нужно включить телевизор или радио, а то тут слишком тихо.

— Все уже упаковано, но мы могли бы посмотреть какие-нибудь видео на ноутбуке.

Я поднялась по ступенькам, ненавидя этот дом за его пустоту. Мысленно я слышала мужской голос и смех. Он эхом раздавался в фойе, от чего меня начинало трясти.

— Нам стоит распаковать кое-какие коробки.

Когда Рэне не ответила, я остановилась и оглянулась на нее через плечо.

— Давай будем двигаться постепенно.

Я не ответила. Мы вошли в главную спальню. Она была полностью пустой. Жалюзи

были открыты. Солнечный свет заливался внутрь и бежал по полу. В воздухе заплясали пылинки.

— Где мои вещи?

— Понятия не имею. Многие вещи были упакованы и готовы к отъезду. Мы спросим твою мать.

Этого должно было хватить, чтобы переступить черту, но я твердо решила остаться. Я бросила сумку в центре комнаты. Между мной и Рэне повисло неловкое молчание.

Она прислонилась к дверному проему, глядя на меня.

— Ты не должна оставаться здесь. Ты можешь поехать домой ко мне. Или остаться с...

— Мой дом здесь. Я должна остаться здесь.

В итоге Рэне пробыла со мной до полуночи. В конце концов я уговорила ее помочь мне распаковать несколько коробок. Полотенца. Несколько тарелок и столовых приборов. Одеяло. Она предложила остаться со мной на ночь, если мне это было необходимо.

Я настояла на том, что хочу побыть одна.

— Ладно, — вздохнула она. — Полагаю, мне пора. Я подумала, что могла бы приходить сюда каждое утро какое-то время. Мне нужно зайти в цветочный магазин на несколько часов, но я могу вернуться около пяти или шести. Я поговорила с твоей мамой, и она согласилась остаться с тобой после обеда.

— Ты не обязана это делать. Я в порядке.

Рэне вздохнула и схватила сумочку.

— Нет, ты не в порядке. Я буду приходить в независимости от того, нравится тебе это или нет.

— Чем ты мне поможешь, приходя сюда каждый день?

— Я...

— Ничем, — перебила ее. — Мне просто нужно побыть одной.

— Знаю...но не хочу оставлять тебя в одиночестве. Я беспокоюсь о тебе.

— Мне нужно побыть одной. Несколько дней, хорошо?

Она долго смотрела на меня, и наконец согласилась.

— Но в конце недели я приду. Несмотря ни на что.

А потом она ушла.

В этом не было смысла. Именно сейчас мне необходимо было опереться на чье-то плечо. Но я была погружена в горе и боль, и просто хотела побыть одна.

Мгновение, чтобы попытаться все обдумать.

Этой ночью стояла гробовая тишина. Я спала в центре комнате, слепо уставившись на экран ноутбука, по которому шел какой-то фильм. В ушах у меня заболело, потом зазвенело, и вскоре я услышал отдаленные крики.

В конце концов я сдалась. Прошла по коридору и вошла в детскую комнату. Меня мгновенно охватил покой. Занавески были открыты, впуская в комнату лунный свет. Вдоль стены стояли коробки. Детская кровать была слегка сдвинута, но матрас лежал снаружи, прислоненный к стене.

Это казалось мне неправильным. Хотелось, чтобы все было как надо. Мне хотелось войти и увидеть прекрасную комнату, ожидающую появления маленького ребенка.

Я включила свет, задернула занавески, и приступила к работе. Распаковала все коробки. Развесила вещи. Положила матрас на место. Кресло-качалку поставила в угол. Набросила на спинку стула вязаный желтый пледик. На стол для пеленания положила подгузники и

расставила лосьоны. Я пока не могла ничего повесить на стену, так как понятия не имела, в какой коробке лежат гвозди и молоток. Завтра я их найду и повешу картинки.

Я не знала, который час, но не собиралась останавливаться, пока все не окажется на своих местах.

Когда остались последние две коробки, я прислонилась спиной к кровати и поставила коробку между ног. Она не была перемотана лентой. Створки были просто закрыты между собой. На одной стороне маркером было написано ВЕЩИ ВИКТОРИИ.

В ту же секунду, как я открыла ее, меня обдало затхлым запахом. Я задержала дыхание и закрыла нос футболкой. Там не было ничего, кроме нескольких самодельных поделок. Детские платья, которые, предположительно, я носила в детстве. Маленький фотоальбом, наполненный моими фотографиями. А на самом дне лежала красивая кукла.

Я ахнула и потянулась к ней. Я вспомнила эту куклу. Когда была маленькой, носила ее с собой повсюду. Ее звали Эвелин. У нее были прекрасные голубые глаза. Розовые щечки. На ней было белое платье с кринолином. Юбка была помята, но само платье сохранило первозданный вид. На ногах у нее были маленькие красные Мэри Джейн (*Мэри Джейн — американский термин (ранее зарегистрированный товарный знак) для закрытой обуви с низким вырезом и одним или несколькими ремешками поперек подъема*).

Глядя на нее, я улыбнулась самой широкой своей улыбкой. Эта кукла приносила мне так много счастья. С ней не было связано ни одного плохого воспоминания.

Я положила остальные детские вещи обратно в коробку, но Эвелин осталась снаружи. Ей здесь самое место. Встав, я посадила ее в кресло-качалку.

— Здесь твое место, ведь так?

Она просто улыбалась.

На меня начала накатывать усталость. Но мне не хотелось уходить из этой комнаты. Поэтому я взяла одеяло из пустой главной спальни, и вернулась в детскую. В этот раз, когда я легла посередине комнаты и подоткнула одеяло под подбородок, то почти сразу же уснула.

Я проснулась через несколько часов.

Сначала я просто забыла. Забыла все, что произошло, но воспоминания слишком быстро ударили по мне, и я утратила способность дышать.

Я не плакала.

Не рыдала.

Не дышала.

Просто свернулась калачиком и уставилась в другой конец комнаты. Мне было так больно. Боль не остановится на мне. Если я отпущу ее, она нападет на всех остальных. Поэтому я держала ее глубоко в себе

Прошел еще один день.

Затем еще один. Я очень мало ела, спала еще меньше. Мне звонили Рэне и мама. Я сказала им, что все хорошо. Постоянно звонили в дверь. Я не открывала. Иногда слышался стук, который все никак не прекращался.

Глаза открывались и закрывались. Я спала всего два-три часа, а потом снова становилось темно.

Это продолжалось несколько дней.

— Что же мне теперь делать? — спросила я Эвелин.

В последнее время я много с ней разговаривала. Она никогда не отвечала, но в этот раз она заплакала.

Я села прямо и поползла по полу, пока мое лицо не оказалось на одном уровне с лицом Эвелин.

Ее руки двигались, она тянулась ко мне.

Она хотела, чтобы я обняла ее. И на моем лице медленно расплылась улыбка. Когда я взяла ее на руки, она положила голову мне на грудь. Впервые за много дней я почувствовал себя счастливой. Цельной.

Чем дольше я держала ее, тем сильнее билось мое сердце. Я слышала, как оно бьется в унисон с этим прекрасным ребенком.

Эвелин. Моя прекрасная малышка Эвелин.

По моим щекам потекли слезы. Это был мой ребенок. Я никогда не теряла ее.

— Привет, малышка, — нежно прошептала я.

Она посмотрела на меня своими прекрасными голубыми глазами. Весь остаток ночи я укачивала ее. Несколько раз вырубалась, но ненадолго. Не могла перестать смотреть на нее.

Моя дочка.

Рано утром, до восхода солнца, Эвелин начала ерзать. Я пошла вниз и приготовила ей бутылочку. В тишине дома я накормила ее, чувствуя себя лучше, чем когда-либо.

Эта рутина продолжалась еще несколько дней. Я была на седьмом небе от счастья. Все встало на свои места. Острая, ноющая боль в груди начала утихать. Я могла дышать, не задыхаясь.

Я ощущала себя важной.

Нужной.

Любимой.

И это были самые лучшие ощущения на свете.

В один из дней, раздался звонок в дверь. Я не знала, какой это был день. Время начало сливаться воедино, но мне было все равно.

Я открыла дверь.

— Рэне! — с улыбкой поприветствовала ее я.

Она в шоке уставилась на меня.

— Привет.

Увидев у меня на руках Эвелин, ее улыбка быстро померкла.

— Входи. — Я шире распахнула дверь. — Входи. Познакомься с Эвелин.

Она вошла, но сохраняла дистанцию.

— Кто это?

— Моя дочь, — гордо ответила я.

— Твоя дочь, — повторила она.

Я посмотрела на нее и медленно повторила.

— Да.

Рэне выронила сумочку и уставилась на меня, широко распахнув глаза. Она выглядела испуганной и взволнованной.

— Что случилось? — Я сильнее сжала Эвелин. — Ты пугаешь меня.

Она не ответила, просто схватила меня за плечи, ее хватка была невероятно крепкой.

— Нам нужно увезти тебя из этого дома.

— Я в порядке. У меня есть Эвелин.

— Верно, у тебя есть Эвелин. Но разве ты не хочешь, чтобы Эвелин посмотрела на то, что снаружи?

Я засомневалась и посмотрела на Эвелин.

— Не знаю...

— А я знаю. — Рэне взяла меня под руку и попыталась вытащить за дверь. Я упрямо оставался на месте.

— Я не могу уйти, — возразила я. — Эвелин нужно детское кресло.

Рэне вздохнула.

— Хорошо. Давай посадим ее в детское кресло.

— Нужно собрать ее сумку с подгузниками.

Рэне слабо улыбнулась.

— Конечно. Делай все что нужно.

Я поспешила обратно в дом, собирая все, что мне понадобится. В переднем шкафу стояло автокресло. Вытащив его, очень осторожно пристегнула Эвелин. Она на мгновение заплакала оттого, что ее не держали на ручках. Я улыбнулась и поцеловала ее в щечку.

— Ладно, — окликнула меня Рэне неожиданно высоким голосом. — Ты готова?

Я встала и подняла сидение с Эвелин.

— Ага.

Когда мы вышли на улицу, мне немедленно захотелось обратно. Я чувствовала на себе чей-то взгляд, следящий за каждым моим шагом. Испуганно оглядевшись, поспешила к машине, пристегивая Эвелин ремнями и дважды проверяя, все ли с ней в порядке.

Я закрыла дверь в машину и села на переднее сидение. Прежде чем пристегнуться, я снова обернулась, чтобы проверить Эвелин.

— Куда мы едем? — спросила я.

Рэне задом выехала с подъездной дорожки.

— Хочу показать тебе место, которое нашла. Думаю, тебе оно действительно понравится.

— Как оно называется?

Когда машина тронулась, она ответила мне, глядя на меня очень серьезно.

— Фейрфакс. Думаю, тебе там понравится.

ГЛАВА 42

Ноябрь 2015

Последнее воспоминание. Последний миг.

Последнее все.

Это была моя финишная прямая. Но праздновать было нечего.

Правда, которую я подавляла несколько дней или месяцев, вонзается в меня изо всех сил. Я падаю на колени, когда гортанный крик срывается с моих губ.

— О Боже, О Боже, — причитаю я. — Мой ребенок.

На руках у меня Эвелин. Наконец-то, я вижу ее такой, какая она есть. Просто пластиковая кукла с безжизненными глазами и с бессменной улыбкой на лице.

Внезапно я роняю *ребенка* на пол и смотрю, как она падает.

Эта кукла не моя дочь. Та, что принадлежала мне, была убита. Я поднимаю голову. И все из-за этого человека.

Внутри все болит. Невозможно дышать, не схватившись за грудь. Сгорбившись, я

закрываю глаза. Мне хочется кричать от боли, но это бесполезно; агония только усиливается.

— Прекрати кричать.

Уэс расхаживает по комнате, глядя на меня отсутствующим взглядом.

Все это уже слишком. Синклэр рядом со мной. Я нахожусь в таком шоке, что даже не могу пошевелиться.

Думаю, меня парализовало.

— Прекрати кричать, прекрати кричать, черт, да прекрати ты уже кричать! — Уэс несется ко мне, и я отшатываюсь назад, пока моя спина не врезается в стену.

Синклэр поднимает руку.

— Уэс, давай поговорим спокойно.

— Я спокоен, — говорит он и улыбается, словно мы все собрались на небольшую вечеринку.

— Я абсолютно спокоен. Но она... — он обвиняюще тычет в меня пальцем, — ...она нет. Из-за нее я не могу теперь мыслить здраво.

Думала, что хуже уже быть не может. Потеря ребенка итак отправила меня вниз по наклонной. Даже сейчас я борюсь с желанием не отступать от воспоминаний и полностью игнорировать их.

— Зачем ты это сделал? — спрашиваю я, задыхаясь от слов.

Синклэр делает шаг вперед.

— Виктория, послушай меня...

Уэс перестает ходить и переключает свое внимание на Синклэра. Он упирает острие ножа ему прямо в грудь. У меня кровь стынет в жилах.

— Почему небо голубое? Почему для жизни нам нужен кислород? Ты можешь свести себя с ума, пытаясь найти ответы, просто знай: это должно было случиться. Но ты, кажется, не можешь этого понять. Все, что ты хочешь видеть, — это то, что я злодей. Каждый должен иметь в своей жизни злодея, не так ли? Человека, которого можно винить во всех проблемах. И ты... — Уэс качает головой, словно разочаровался во мне. — А ты выглядишь жертвой. Ты решила играть жертву потому что, чем дольше у тебя будет тот, кого ты сможешь винить, тем дольше тебе не придется взглянуть на себя и на то, что ты сделала.

В его глазах читается предвкушение, как будто он приберет лучшее напоследок.

— Позволь мне рассказать тебе правду.

ГЛАВА 43

Уэсли

Май 2015

К окружающему миру можно относиться по-разному: как к другу или как к врагу.

Если пойти по первому пути, человек обречены. Вы скажете что-то вроде: «Такова жизнь». Или мое любимое: «Выше нос, приятель. В следующий раз будет лучше».

Но следующего раза не будет, и к тому времени, как человек это осознает, он уже исчезнет.

Я выбрал путь, по которому многие предпочитают не идти. Но жизнь — это долгая игра в шахматы, а мир — мой соперник. Каждый ход и выбор мотивирует быть осторожным. Моя оборона всегда на месте..

Человек учится многому, пока идет по этому пути. И, вскоре, жизнь начинает уважать его. Дает подсказки тут и там, а задача человека — правильно выбрать и собрать их в единую коллекцию.

Я многому научился от жизни: когда улыбаться. Как приковывать внимание и что говорить в нужное время. Это также показало мне, что не стоит наносить ответный удар, когда тебе больно.

Ты ждешь.

Благодаря этому ожиданию семя терпения растет, пускает корни. Успокаивает тебя, говорит, наблюдать и ждать, когда все, чего тебе хочется — действовать. Желание ухватиться за боль противника и выплеснуть свою силу. Но терпение приказывает ждать, потому что ты не хочешь, чтобы твой соперник стал подозрительным.

Ты позволяешь им жить своей жизнью, совершенно не осознавая, что все это время ты отслеживаешь все, что они делают. Ты узнаешь о них все, что только можно.

Скоро... скоро наступит время действовать.

А как же твоя злость? О, она на месте. Но ты пока ее не используешь. Поэтому ты формируешь ее, крутишь так и этак, зная, что чем дольше ты ее сдерживаешь, тем больше она приходит в ярость.

Не волнуйся, в конце все сработает как надо.

Когда все будет сказано и сделано, когда ты освободишь свою боль, она ударит твоего противника с такой силой, что его жизнь утечет, как кровь из раны.

И вся жизнь Виктории крутилась вокруг меня.

Она покрывала мои руки, испещряла пол и пачкала столешницы. На одном из белых шкафчиков виднелся след ее пальцев, тянущийся вниз, вниз, вниз. Но я планировал все не так. План А — мой самым продуманный план. Тот, который я создавал годами, был выброшен на помойку, и теперь мне нужно было следовать плану Б.

Очень медленно я встал и напомнил себе, что у нас с Викторией будет прекрасная совместная жизнь. В ту же секунду, как увидел ее, идущую по улице, такую милую и рассеянную, понял, что ничто на свете не удержит меня от нее. В том числе и в такой момент, как этот. В том числе и в такой момент, как этот.

Я любил ее. Она была прекрасной куклой, такой открытой и сдержанной, но в то же время в ней таилось столь многое.

Это было восхитительно.

Моя прекрасная кукла оказалась гораздо хитрее, чем я думал. Как будто она оказалась на высоте положения и показала мне, насколько она идеальна для меня.

Я поднял нож. Ни секунды не раздумывая, я быстро резанул по предплечью, с довольной улыбкой наблюдая, как темно красная жидкость быстро стекает по руке и капает на пол.

Я резанул по другому предплечью. Начала собираться лужа крови, и я встал на колени, чтобы убедиться, что ее кровь смешалась с моей.

Как я и предсказывал, копы были близко. Я слышал слабый, постепенно нарастающий звук сирен.

Я встал и уронил нож на пол. Кровь была разбрызгана по кухонным шкафам, дверце духовки. Несколько капель все же попали на стойку. На бумагах о разводе не было ни капли.

Это было восхитительное зрелище. Я мог бы целый день смотреть на это.

Я неохотно поспешил к двери и провел кончиками пальцев по стене. Хлопнул ладонью по другой стене, наблюдая, как багрянец окрашивает белые стены. Затем я побежал в прихожую, к задней двери. Убедился в том, что она открыта. Не целиком, а лишь слегка. Затем я схватил туфли Виктории и снял свои.

Ее кровь текла по крыльцу и стекала по ступенькам. Под проливным дождем она медленно исчезала, превращаясь в мягкий красный цвет и стекая по краю крыльца.

Я надеялся, что она жива; мы ведь только начали.

Я побежал по лужайке и перепрыгнул через забор, очутившись среди деревьев и высокой травы. Звук сирен становился громче, и я продолжал бежать. Они не будут искать меня, по крайней мере, не сейчас, а когда начнут, буду прятаться прямо у них под носом.

Во мне бушевал такой сильный прилив адреналина, что я чувствовал себя непобедимым. Едва ощущал землю под ногами, или ветки и мокрую траву.

Холодный дождь хлестал в лицо. Я улыбнулся и прибавил шаг. Впереди виднелось очертание заброшенной фабрики. Ноги начали болеть, но я решительно двигался вперед. Чем ближе подходил, тем отчетливее видел граффити на красном кирпиче. Несколько окон были заколочены досками, но большинство из них были разбиты, а на оконных стеклах висели осколки стекла. Завод был огорожен забором с замком на воротах.

Резко свернув вправо, я побежал вдоль огромного здания, пока наконец-то не увидел серый Форд Таурус, выдавший лучшие деньки, осторожно спрятанный в тени. Я схватил ключи, висевшие над колесом и открыл багажник. Моя сумка с вещами стояла там, где я оставил ее несколько часов назад.

Быстро переодевшись, я подумал о том, что сейчас происходило в доме. Я мог представить себе это очень живо: вероятно, там уже были двое или трое полицейских. Наверное, там была и скорая, ее огни создавали калейдоскоп цветов. Территория будет ограждена желтой полицейской лентой. Они вызовут еще подкрепление. Викторину, вероятно, уже привезли в больницу, если только она не умерла на обочине дороги. Скоро там появится полицейский, чтобы поговорить с ней.

Полиция начнет обыскивать территорию. Соседи выйдут из домов, желая узнать, что происходит. Слухи будут медленно расползаться и к завтрашнему дню репортеры, журналисты, операторы и фотографы окружат дом. Прекрасный дом на Беллами-Роуд получит то внимание, которого он заслуживает.

Я улыбнулся, пока запикивал окровавленные вещи в сумку и убирал ее назад в багажник.

Дверь машины захлопнулась за мной. Мотор ожил, и я выехал на дорогу. Это был самый важный момент из всех возможных. Я должен был смешаться с толпой — выглядеть так, словно был невинным жителем, просто занимающимся своими делами.

Руки непроизвольно сжались на руле. Взгляд то и дело перебегал с дороги на зеркало заднего вида в поисках чего-нибудь подозрительного. Но там ничего не было. Поездка прошла гладко, и вскоре я уже проезжал мимо Фэйрфакса. Там было темно. Парковка была практически пуста, за исключением машин медсестер, работающих в ночную смену. Все они были припаркованы рядом друг с другом.

Через милю я сбавил скорость и свернул направо на гравийную дорогу.

Вода начала заполнять выбоины, которыми была усыпана неровная дорога. Деревья окружали меня с обеих сторон, и слишком быстро гравий сменился обычной грязью, а передо мной сияла лишь полоска грязных следов шин. Я так часто ходил по этой тропинке, что выключил фары. Это была сложная поездка; рытвины с каждой секундой становились все глубже, и деревья становились все дальше друг от друга, прежде чем они уступили место маленькой хижине. Она была похоронена посреди леса, и никто о ней не знал.

Я любил ее такой. Она была моим оазисом.

Моим домом.

Сверкнула молния, на мгновение озарив крыльцо дома. На крыльце, скрестив руки на груди и втянув голову в плечи, как будто она была готова свернуться калачиком, стояла Элис.

Как только я вышел из машины, она сбежала по ступенькам.

— Где ты был?

— А ты как думаешь? — бросил я через плечо и выхватил из багажника спортивную сумку.

Рядом с хижинкой стоял маленький сарай, который был готов рухнуть при первом же порыве ветра. Я направился к нему. Элис последовала за мной. Ее окружало облако нервозности. Если она собирается провести так всю ночь, то может проваливать прямо сейчас. Она только все испортит.

— Все должно было закончиться быстрее, — она нервничала.

— План А не сработал.

— Что случилось?

— Все прошло лучше, чем я рассчитывал, — через плечо ответил я.

— Я правда думаю, что...

Я быстро обернулся.

— У нас нет времени сидеть и болтать. Иди и подожди внутри. Дай мне десять минут, и я буду готов.

— Готов к чему?

— Просто иди.

Наконец Элис развернулась и пошла обратно к хижинке. Я вытащил из заднего кармана связку ключей и быстро нашел самый маленький. Даже сильный запах дождя не мог соперничать с тем, который исходил из сарая. Любой другой скорчил бы гримасу, прикрыв нос руками. Некоторых могло бы стошнить. Но я не сделал ничего из вышеперечисленного. Я прошел дальше и увидел два тела. Они выглядели так умиротворенно, словно спали. Забавно, что всего несколько часов назад они просто гуляли, думая, что у них впереди целая жизнь. Но каждому на земле отведен свой срок. Уверен, что они это знали.

Я бросил сумку на землю и задумчиво посмотрел на девушку. Она назвала мне свое имя. Я его не помню. Да и имеет ли это вообще значение?

Она была моей второй куклой, реквизитом, если он вообще был.

Но сейчас она была бесполезна.

Я переключил внимание на тело мужчины. Скрестил руки на груди и усмехнулся. Это тело было чрезвычайно важно. Я наслаждался каждым мгновением, крадущим его жизнь.

За моей спиной со скрипом открылась дверь. Я обернулся в тот момент, когда Элис вошла внутрь. Уверен, что мог бы спрятать тело. Мог бы перекрыть ей обзор и сказать выметаться отсюда к чертовой матери. Или мог бы покончить с этим и посвятить ее в свой план. Ее глаза привыкли к темноте. Она подошла ближе и посмотрела куда-то мимо меня. Это был всего лишь вопрос нескольких секунд, пока она не увидела его. Она закричала так громко, что у меня зазвенело в ушах.

— Ну вот зачем так драматизировать? — спросил я. Элис уже действовала мне на нервы.

Она сделала шаг вперед и дрожащей рукой указала на тела.

— Что ты наделал?

— Может успокоишься? — я обернулся и пригладил волосы девушки. Они были такими

темными, такими блестящими. Как у Виктории.

— Она все еще жива. Я еще не решил, как с ней поступить.

— Она меня не волнует! — закричала Элис. Она указала на мужчину.

— Я переживаю из-за него!

— Переживай хоть до посинения, все равно ничего не изменишь. Он мертв, — сказал я прямо.

Элис трясло. По лицу текли слезы. Она со страхом посмотрела на меня. Но что с того? Я был ее сыном. И все делал правильно.

— Он же твой брат, — надломленным голосом прошептала она. — Твой *близнец*.

Я встал и отряхнул грязь с джинсов.

— Мы не росли вместе.

Если бы она прекратила плакать, то услышала бы что я говорил. Что может быть раздражительнее эмоций? Слезы. Они только раздражают и не имеют смысла.

Элис побежала вперед и склонилась над мертвым телом Уэса. Она протянула руку, чтобы дотронуться до него, но в последнюю секунду отстранилась.

— Мне пришлось это сделать, ты ведь понимаешь?

Элис побледнела, отодвинулась от стола и прижала ладони к глазам, как будто могла стереть стоящий перед ней образ. Если бы я мог, то забрался бы к ней в голову, чтобы понять, почему она так резко реагирует.

— Фэйрфакс не место для ребенка... Фэйрфакс не место для ребенка... Фэйрфакс не место для ребенка... — начала бормотать она без остановки.

Вот почему я не испытывал никакой жалости к Уэсу. Мы могли бы быть близнецами, но на этом сходство заканчивалось. Элис отказалась от него. Меня она оставила. У нас была своя жизнь в этом мире. Моя жизнь вращалась вокруг Фэйрфакса, где работала Элис, а мой отец был пациентом.

Но по странной иронии, именно Уэс был золотым ребенком в глазах Элис.

Ни разу я не почувствовал укола вины, наблюдая за ним и Викторией, ожидая подходящего момента, чтобы нанести удар. Я просто хотел что-то отнять у него. И у меня это получилось.

Если и было кого винить в этой ситуации, то только Уэса. Он отвернулся от жены, и в этот момент я легко проскользнул в его жизнь. словно так и должно было быть.

Я бы любил ее сильнее.

Был бы идеальным мужем.

В конце концов, она бы поблагодарила меня.

Мое терпение закончилось, и, подойдя к Элис, я сильно вцепился ей в плечи.

— Прекрати плакать.

Она подняла голову, чтобы посмотреть на меня.

— Тебе станет легче, если я скажу, что он умер быстро?

В этом мире люди могут быть жестокими. Жизнь Уэса могла бы прерваться при гораздо более худших обстоятельствах. Я мог бы оттянуть его смерть, заставить страдать. Но я просто подошел к нему сзади и ударил ножом выше сердца, прямо через артерии.

Быстро и эффективно.

Если задуматься, я обошелся с ним благородно.

— Ради всего святого, — я схватил Элис за плечи, развернул и толкнул к двери. Она продолжала рыдать и я сильно ее встряхнул.

— Ты должна перестать плакать, — я обвел рукой сарай. — Мне нужно было это сделать, ясно?

— Но...

— Никаких, но. Мне пришлось. Виктория заставила меня.

Ее взгляд наполнился злостью. Вся эта ярость предназначалась Виктории. Я улыбнулся и опустил руки.

— Ты не должна плакать, ведь у тебя все еще есть я.

Я быстро пошел к машине и начал упаковывать вещи. Все это время Элис, застыв, стояла перед сараем. Я обошел ее и, когда пришло время выносить тело, посмотрел в ее сторону и вытащил пару туфель Виктории и протянул ей.

— Надень.

Элис оттолкнула их от себя, словно они были тикающей бомбой.

— Зачем?

— Ты хочешь узнать мой план поэтапно и терять время, или хочешь помочь, и я объясню все позже?

Элис прикусила нижнюю губу и медленно прижала туфли к груди. Когда она посмотрела на меня, я увидел, что ее глаза снова стали спокойными, и понял, что ненужные эмоции исчезли. Я знал, что в ее лице у меня есть союзник.

Это была женщина, которая вырастила меня.

После этого, все заработало как в хорошо отлаженном механизме. Я быстро расстегнул сумку и вытащил оттуда чистую одежду. Быстро переоделся. Холодный воздух щекотал кожу, но я ничего не чувствовал; адреналин, хлынувший сквозь меня, был таким пьянящим, таким мощным, что я чувствовал себя неудержимым.

Закончив переодеваться, я надел латексные перчатки и стал переодевать Уэса в другие штаны. Его рубашка должна была остаться. Но штаны нет. На нем должно было быть равное количество своей крови и крови Виктории.

В общем мне понадобилось три минуты пятнадцать секунд, чтобы переодеть себя и Уэса.

Это был мой личный рекорд.

Ему не хватало еще одной вещи — мобильного телефона. Я вытащил его из своей спортивной сумки и положил в задний карман его брюк, предвкушая момент, когда полиция найдет его. Что они и сделают. Вытащат из него электронные письма. Как и записи телефонных разговоров. Весь их брак будет разорван на части. За ответами они обратятся к Виктории. Меня все это устраивало, пока я был на шаг впереди них.

Пока Элис терпеливо ждала в машине, я закатал тело Уэса в одеяло и перекинул через плечо.

Пришлось потрудиться, но мне удалось уложить его тело в грузовик. Я снял перчатки и быстро сел в машину.

Дождь шел на убыль, редкие капли стучали по лобовому стеклу и крыше машины.

Прежде чем выехать на дорогу, мимо пронеслась полицейская машина с включенными фарами и сиренами, направляясь к тому, что когда-то было домом Виктории.

Я повернул направо и поехал к озеру. Смотрел, как гаснут полицейские огни в зеркале заднего вида. Уголки моего рта поползли вверх. Я нажал на педаль газа.

Не вешай нос, Виктория.

Твоя новая жизнь вот-вот начнется.

ГЛАВА 44

Ноябрь 2015

Я в ужасе смотрела на него — этого незнакомца.

Нет слов, чтобы описать, что я чувствую. Словно кто-то вырвал сердце из груди, и оставил там глубокую дыру. Как раз тогда, когда я думала, что хуже уже быть не может.

Вина давит на меня, упрекая в том, что я подвела не только своего ребенка, но еще и Уэса.

Ни разу за весь наш брак я не спрашивала о его родословной. Даже в голову не приходило. Уэс был так похож на своих родителей. Идеально ухоженный. Очаровательная улыбка. Я так долго думала, что он был злодеем. Психопатом. Причиной моей боли.

Но все это время я ошибалась. От осознания этого факта мое сердце наполняется болью.

Как я могла не верить ему? Как могла думать, что он был способен на такое зло?

Но мой разум отказывается верить во все это. Он пробуждает воспоминания, пытаюсь пробить дыры в истории.

— Но это невозможно.

— Разве нет? Уэс вечно работал, всегда был занят. Экскурсия по дому, обеды, встреча с тобой и Синклэром — все это были моменты, которых Уэс не хотел. Поэтому я забрал их. Тот факт, что он работал в мою пользу, оказался просто счастливой случайностью.

Нет, нет, нет. Не верь ему, молил мой разум.

Но глубоко внутри, я знала, что он прав.

— Ну, так что ты думаешь? — спрашивает Натан непринужденно. — Я хорошо рассказал свою историю? Ты счастлива, что получила все ответы?

Я не отвечаю.

Синклэр хватается за руку и пытается спрятать у себя спиной, но Натан тянется ко мне и удерживает на месте. Кончиком ножа он убирает мне волосы за спину. Синклэр замирает, и я тоже.

Лезвие так близко ко мне. Одно неверное движение и все закончится. Мне нужно бороться с ним. Попытаться пошевелиться, но какой толк?

Натан нежно мне улыбается.

— Тшшшш...не плачь обо мне. Сейчас все хорошо. Я был рожден от сумасшедшего. Вырос в Фэйрфаксе и выжил. Как и ты.

Элис выглядит совершенно невозмутимой, уставившись на стол пустым взглядом.

— Мы принадлежим друг другу, — говорит он мне.

Натан протягивает мне руку, и я невольно вздрагиваю.

Я прячусь за спину Синклэра, стараясь как можно быстрее оказаться подальше от Натана. Мои плечи упираются в стену.

Натан смотрит сквозь Синклэра, словно его здесь и нет.

— Виктория, почему ты на меня так смотришь? Я сделал это ради нас! — кричит он.

Мое тело начинает трясти так сильно, что я почти бьюсь в конвульсиях.

— Прекрати так смотреть на меня, — рычит он.

Наконец, схватившись за волосы, он делает шаг назад. Хватка на ноже никогда не ослабевает. Я чувствую себя разбитой, осколки моей жизни повсюду вокруг меня, но все эти крики...все воспоминания, которые я так старалась связать вместе, встают на свои места.

— Вيني в этом только себя, — говорит Элис. Она стоит рядом с Натаном, глядя на меня

с такой ненавистью.

— Ты заставила его сделать это.

— Как? — недоверчиво спрашиваю я.

— Ты была так неблагодарна, так злобна к Натану. Ты никогда не ценила Натана так, как должна была бы! — Элис смотрит на него с любовью. — Ты никогда не была достаточно хороша для Уэса и уж точно не была достаточно хороша для Натана. Вот я и помогала ему.

— Как? — Мой разум вот-вот распадется на мелкие кусочки.

— Я помогала ему пробираться в Фэйрфакс, и выходить оттуда, чтобы увидеть тебя, — медленно объясняет она, словно разговаривает с ребенком. — Я позволила тебе поверить, что это был Уэс. Ты должна была быть наказана за измену Уэсу и за то, что заставила Натана спрятаться от всего мира!

Могу сказать, что Элис действительно верит каждому произнесенному слову. Но для меня это просто беспорядочная информация, которая кружится в моей голове, еще больше запутывая меня

— Ты неблагодарная маленькая сука! — кричит она.

Натан поворачивается к ней и хмурится.

— Прекрати кричать. Разве ты не видишь, что пугаешь ее?

И Элис сразу же замолкает, словно Натан ее хозяин.

С ножом, болтающимся в его руке, Натан подходит ко мне. Я придвигаюсь еще ближе к Синклэру. Натан, кажется, ничего не замечает; у него такой остекленевший взгляд, что меня пронзает волна страха.

— Виктория, скажи, что любишь меня.

Я лишь крепче сжимаю губы.

— Скажи это! — Кричит Натан. — Скажи, что любишь меня!

Чем дольше я молчу, тем злее он становится. Звук сирен становится громче. Через несколько минут приедет полиция. Его взгляд перемещается на дверь. Руки начинают дрожать. На лбу выступает пот. В его глазах появляется понимание. Как будто он осознает, что бежать некуда. Все кончено.

Затем Элис делает шаг вперед.

— Просто опусти нож, — умоляюще шепчет она. — Она этого не стоит, ладно? Мы можем сбежать сейчас и начать заново в другом месте. Но это должно прекратиться. Она никогда тебя не поймет.

Натан оборачивается и смотрит на Элис. Опускает руки по бокам.

— Это не может закончиться. Разве ты не понимаешь?

Звук сирен все громче. Помощь прибудет через несколько секунд, но кажется, словно время остановилось.

Внутри меня начинают нарастать паника и страх. Кажется, что меня сейчас стошнит. Но Элис права. Это должно закончиться.

Прежде чем я успеваю подумать дважды, бросаюсь вперед, опередив Синклэра на несколько секунд, и вырываю нож из рук Натана. Он оборачивается, и его глаза расширяются. Я вижу страх в его глазах, когда заносу нож вверх.

Сейчас или никогда.

Обеими руками сжимаю ручку и изо всех сил вгоняю нож ему в грудь.

Натан хрюкает. Этот звук исходит из его груди. Затем падает на землю.

Я запрыгиваю на него, вытаскиваю нож, и снова вонзаю его еще глубже. Кровь

покрывает лезвие и рукоятку, мои руки скользят. Но это не останавливает меня. Я продолжаю вонзать в него нож.

Злость — это ураган эмоций. Она может ворваться в вашу жизнь и перевернуть все вверх дном. Она крадет всю рациональность, пока у вас не остается иного выбора, кроме как изгнать эмоции из своей души, прежде чем они съедят вас заживо.

Это все, чего я хочу в данный момент. Чтобы все закончилось. Чтобы моя душу больше не истязали.

В глазах мутнеет, но я продолжаю бить его ножом. Кажется, я не могу остановиться, и в этот момент не знаю, хочу ли.

— Виктория! — кричит кто-то, но голос звучит так далеко. — Виктория, остановись!

Поднимаю нож еще раз, но только для того, чтобы кто-то меня остановил. Я поворачиваюсь и смотрю в глаза Синклэру.

Очень медленно все вокруг снова приобретает очертания. Элис кричит, ее тело наполовину накрыто Натаном. Его глаза открыты и безжизненно смотрят в потолок.

Я смотрю на свои руки и вижу, что они все в крови. Из моего горла вырывается рыдание.

— Опустит нож. Он мертв.

Мое затрудненное дыхание подчеркивает каждую проходящую секунду. Мне не хочется отдавать нож. Почти боюсь это делать. Но все же медленно вытягиваю руки, и дрожащими руками бросаю нож в ожидающие руки Синклэра.

Этого не может быть, говорю я себе. Этого просто не может быть.

Но в глубине души я знаю, что так и есть.

Элис кладет голову Натана себе на колени. Из его раны сочится обильное количество крови. Элис, похоже, все равно. Она позволяет крови покрыть ее кожу и прижимается лбом к его голове.

— Фэйрфакс не место для ребенка... Фэйрфакс не место для ребенка...

Элис продолжает кричать от боли. Я больше не могу находиться здесь. Шатаюсь, выхожу из хижины, Синклэр следует за мной. Я жадно втягиваю в себя весь свежий воздух, какой только могу. Как раз в этот момент подъезжают две полицейские машины, их мигалки заставляют меня вздрогнуть. Они подбегают к нам, оценивают нашу внешность. Они разговаривают. Я смотрю, как шевелятся их губы, но не могу разобрать ни единого слова.

Синклэр показывает на сарай. Один коп остается с нами, а другой заходит внутрь.

Мои плечи напряжены, но я не могу перестать осматриваться. Боль вокруг моего сердца начинает распространяться, просачиваясь в мои вены, и скоро это все, что я могу чувствовать. Делаю глубокий вдох. Выдыхаю.

Хватаю ртом воздух.

Чувствую, как руки касаются спины и резко дергаюсь.

— Все в порядке, все в порядке, — говорит Синклэр.

Ничего не в порядке, и не знаю, будет ли.

— Он убил их обоих, — хриплю я.

От произнесения этих слов вслух, мне становится только больнее.

— Наш ребенок мертв.

Я обхватываю колени руками. Мне хочется свернуться в клубок, скомпоновать всю боль и заставить ее исчезнуть.

Руки Синклера нежно держат мое лицо. Я пытаюсь вырваться из его хватки, но он

крепко держит меня.

— Виктория, прекрати, пожалуйста.

Мои слезы стекают по щекам и капают ему на руки, когда я перестаю бороться с ним.

— Он не убил нашего ребенка, — шепчет он.

Поначалу мне кажется, что я не совсем правильно его расслышала. Мое тело напрягается.

Моя рука замирает, и я думаю, что мое сердце тоже замирает.

Он смотрит мне прямо в глаза и говорит очень медленно:

— Наш ребенок жив.

Все мое существо хочет верить его словам. Из всего, что я испытала сегодня, знаю, что это единственное, что ломает меня.

Качаю головой, желая верить его словам, но боясь за них держаться.

— Доктор пытался объяснить тебе, что он выжил. Он хотела сказать, что во время операции ты потеряла много крови. Тебе удалили матку... *ты* чуть умерла.

Губы начинают дрожать. Синклэр протягивает руку и накрывает мою ладонь своей.

— Клянусь, наш ребенок жив и с ним все хорошо.

Мои эмоции мечутся из стороны в сторону, и на инстинктивном уровне, мне хочется верить тому, что он говорит, но прямо сейчас, здесь нет места ни для надежды, ни даже для счастья. Мой мозг обрабатывает так много информации. Это уже почти чересчур.

Мощные, мучительные рыдания настигают меня, и глубокий стон заставляет мое тело дрожать. Синклэр обнимает меня и говорит мне на ухо снова и снова:

— Наш ребенок жив...

То, что происходит после этого, не совсем понятно. Но в глубине души я знаю, что сейчас нахожусь на самом дне, и единственное, что нужно делать — смотреть вверх.

ЭПИЛОГ

На пути к истине нет прямых и узких дорог.

Иногда приходится идти по проселочным дорогам и срезать пути по тропинкам, которые ухабиisty и небезопасны. Иногда оказываешься в тупике и приходится возвращаться и начинать все заново. Иногда становишься такой потерянной, что чувствуешь себя беспомощной. Сама мысль найти правду становится какой-то несбыточной мечтой.

Но ты это сделаешь.

И так будет всегда.

— Ты готова?

Я смотрю на доктора Коллоуэй.

— Да, — уверено отвечаю ей.

Мы идем по коридору к библиотеке. Солнечный свет просачивается внутрь. Я не могу сдержать своего волнения. Такое чувство, что я ждала этого момента много лет.

После того, как правда вышла наружу, я вернулась в Фэйрфакс; я была слишком далека от нормального психического состояния. Поначалу творился хаос. Разоблачение обмана Натана привело к еще одному следу зла. Элис была арестована и заключена под стражу за соучастие в убийстве.

А Мэлани, девушка с фотографий? Она была обнаружена после того, как полиция прибыла в сарай в ту злополучную ночь. Ей повезло выбралась оттуда живой.

Пресса навешает на Натана множество ярлыков и все они подойдут ему. Но для меня он

всегда останется воплощением дьявола. Умом я понимаю, что он никогда больше не причинит вреда ни единой живой душе, но паранойя настигает меня каждый день. Мне кажется, что он наблюдает за мной и нападет, когда я меньше всего этого ожидаю.

Очень медленно я преодолевала боль, пытаюсь восстановить свою жизнь. Самой непреодолимой болью является то время, когда я потеряла ребенка и тот факт, что никогда не верила Уэсу, хотя все это время он был невиновен. Иногда вина душит меня. Иногда нет.

Мне просто приходится принимать все это изо дня в день.

Когда мы останавливаемся у дверей библиотеки, я прерывисто выдыхаю.

— Все будет хорошо, — нежно произносит она.

— Я знаю.

— Ты должна войти, — подбадривает меня доктор Кэллоуэй. — Все скоро будут здесь.

Я киваю, открываю дверь и захожу внутрь. В библиотеке мертвая тишина. Дверь тихо закрывается за мной. Я барабаню пальцами по бедрам, расхаживая по комнате. А что, если все пойдет плохо? А что, если я действительно не готова? Я добилась большого прогресса, но разве этого достаточно?

Или я просто рассыплюсь в прах?

Я продолжаю ходить по комнате, когда кто-то тихо стучит в дверь. Замираю и поворачиваю голову к двери, сцепив руки в замок перед собой. Синклэр заглядывает в комнату. Его глаза мгновенно находят мои. — Тук, тук.

Я громко сглатываю.

— Привет.

— Ты готова?

Мне уже во второй раз задают этот вопрос, но в этот раз я отвечаю, широко улыбнувшись.

— Абсолютно.

Через пару секунд дверь открывается. Синклэр заходит с нашим ребенком на руках.

Питер Монтгомери.

Он красивый. Он такой красивый. Синклэр присутствовал на нескольких сеансах терапии и показывал мне его фотографии. Но эти фотографии не передавали истинную красоту нашего маленького мальчика. Они не подчеркивали его ярко-зеленые глаза. Глаза Синклэра.

Слезы невозможно подавить. Тыльной стороной ладони вытираю их, но через несколько минут сдаюсь. Слезы не прекращаются. Но это хорошо. Это слезы счастья.

У Питера светло-каштановые волосы. Ближе к моему цвету волос. Локонны его тонких прядей завиваются на кончиках. Я чувствую, как во мне прорастает маленькое семечко гордости за то, что у него есть что-то от меня.

Я так счастлива, даже не могу думать о том, сколько времени было потеряно. Могу думать лишь о том, как мне повезло. Как мне повезло увидеть его.

Синклэр стоит прямо передо мной, пытаюсь наклонить Питера вперед, чтобы я могла лучше его рассмотреть.

— Это твоя мама, — нежно говорит он.

Большими, как у олененка, глазами Питер смотрит на меня.

— Здравствуй, — шепчу я. Моя рука дрожит, когда я протягиваю ее и касаюсь пальцами его щеки. Очень медленно на его лице появляется улыбка. На его левой щеке появляется маленькая ямочка. Я смотрю на мини-версию Синклэра.

Ничто и никто не мог подготовить меня к этому моменту. Не так давно, я была уверена, что мое сердце и разум разбиты. На тысячи осколков. Я думала, что меня уже не восстановить.

Но этот мальчик — тот самый стержень, который снова собирает меня воедино. Связывает меня с Синклэром.

— Он прекрасен, — говорю я.

— Это так, — соглашается Синклэр с невероятно широкой улыбкой на лице.

Нерешительно протягиваю руки, отчаянно надеюсь, что он пойдет в мои объятия, хотя понимаю, что велик шанс, что этого не произойдет. Перед этой встречей меня предупредили, что есть вероятность того, что Питер не позволит мне подержать его. И меня это вполне устраивает. Я знаю, что ему нужно время.

Поначалу он прижимается к Синклэру. Часть моей надежды рушится. Но потом он резко оборачивается, словно перепроверяя, на месте ли я.

Еще раз протягиваю руки и Синклэр отдает его мне.

Я улыбаюсь и быстро моргаю, пытаюсь сдержать слезы.

Обнимаю Питера руками и зарываюсь носом в его шею. Я так счастлива, что кажется сердце вот-вот выскочит из груди. Обнимать своего сына, чувствовать, как его сердце бьется так же, как мое — я о таком даже не мечтала.

Я пропустила семь месяцев его жизни. Пропустила много воспоминаний, но напоминаю себе, что у меня есть тысячи хороших воспоминаний, которые только и ждут нашу семью.

Смотрю поверх головы Питера и встречаюсь взглядом с Синклэром, слезы переполняют мои глаза.

Я люблю его за то, что он все это время был рядом со мной. Я люблю его за то, что он заботился о нашем сыне, когда я не могла.

Я люблю его за то, что он так непримиримо любит каждую частичку меня. Недостатки и все такое.

Мне разрешают остаться в библиотеке на несколько часов. Все это время мы с Синклэром разговариваем. С наших лиц все время не сходят широкие, яркие улыбки. Я кормлю Питера. А когда приходит время поменять ему памперс, Синклэр с радостью передает мне эту работу. Я щекочу сыну животик и крепко прижимаю к груди. И все это с улыбкой на лице.

Я не идеальна.

И еще не до конца «выздоровела». Но знаю, что близка к этому.

Знаю, что мне лучше.

В моей жизни всегда будут изъяны, но они будут прекрасными.

Синклэр тянется вперед и берет меня за руку.

— Сердце бьется? — спрашивает он.

С сыном на руках, я отвечаю:

— Сердце бьется.

Больше книг на сайте - Knigoed.net